

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

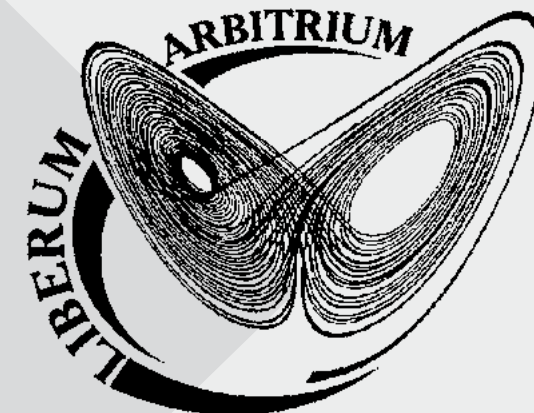
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ АПРЕЛЬ-ИЮНЬ / 2025

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ **ПРОЦЕССЫ**

Том 23. Номер 2 (81). АПРЕЛЬ-ИЮНЬ / 2025
Volume 23. No. 2 (81). APRIL-JUNE / 2025

**СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И
МАТЕРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ**

МЕГАТРЕНДЫ

Лариса
Дериглазова	▶ Память о вьетнамской войне
в США
Константин
Стригунов	▶ Динамика криминальных сетей
Сергей
Никитин	▶ Интеграция как регуляторное
сближение

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международников
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

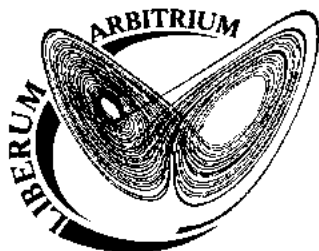
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 23. Номер 2 (81)
АПРЕЛЬ–ИЮНЬ **2025**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Nikita Neklyudov
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

"International Trends" (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Ответственный секретарь – первый заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Шеф-редактор – заместитель главного редактора

Никита Неклюдов

Редакционно-корректорская группа

Кирилл Галкин, Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Федеральном агентстве
по печати и массовым коммуникациям (Роспечати)
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2025

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2025

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

CONTENTS

REALITY AND THEORY

Vladimir Bartenev	National System of International Aid Provision: an Analytical Framework	6
Larisa Deriglazova	The Memory of the Vietnam War in the American Socio-Political Debate Regarding the Wars in Afghanistan and Iraq	30
Elena Glazunova	Challenging the Norm: the Carter Administration's Policy on the Grenada Revolution in the Focus of Realist Constructivism	47

FROM THEORY TO PRACTICE

Konstantin Strigunov	Criminal Insurgencies as a Form of Non-Classical Armed Conflicts: Mechanisms of Network Expansion	71
Andrey Mikhaylov Dmitry Khvalev Anna Mikhaylova Alexandra Khatkevich	Assessment of Scientific and Technical Cooperation Between Russia and India Through the Lens of the Science Diplomacy Concept	105
Sergey Nikitin	Regulatory Distance Index for Non-Tariff Measures: Preliminary Assessment for the EAEU	130
	<i>Our authors</i>	144

СОДЕРЖАНИЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Владимир Бартенев	Национальная система оказания международной помощи как объект анализа	6
Лариса Дериглазова	Память о войне во Вьетнаме в американской общественно-политической дискуссии в отношении войн в Афганистане и Ираке	30
Елена Глазунова	Оспаривание нормы: политика Администрации Дж. Картера в отношении Гренадской революции в фокусе реалистского конструктивизма	47

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Константин Стригунов	Криминальные мятежи как форма неклассических вооружённых конфликтов: механизмы сетевой экспансии	71
Андрей Михайлов Дмитрий Хвалец Анна Михайлова Александра Хаткевич	Оценка научно-технического сотрудничества России и Индии в зеркале концепции научной дипломатии	105
Сергей Никитин	Индекс регуляторного расстояния нетарифных мер: первый опыт для ЕАЭС	130
<i>Наши авторы</i>		143
<i>Our authors</i>		144

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОКАЗАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА*

ВЛАДИМИР БАРТЕНЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Статья обобщает результаты разработки концептуальных основ анализа национальных (страновых) систем оказания международной помощи. Предложено оригинальное определение такой системы, которое стремится учесть многоаспектность феномена международной помощи, множественность субъектов, вовлечённых в её оказание в XXI веке, и их ролевых функций. Новизну дефиниции и авторского подхода в целом обеспечивает приоритизация такого параметра, как специализация на вопросах оказания помощи. Разделение всех элементов на специализированные и неспециализированные позволяет сконфигурировать абстрактную модель системы оказания международной помощи в виде совокупности, состоящей из двух тесно взаимосвязанных подсистем: 1) органов государственного и муниципального управления, а также учреждённых и/или контролируемых ими юридических лиц; 2) частных организаций и лиц. В каждой подсистеме выделяются «ядро», состоящее из внутренней и внешней областей, и «периферия». Данные зоны различаются и по специализации составных элементов, и по «температуре» — интенсивности протекающих в них процессов взаимодействия. Центральной и самой «горячей» областью является «внутреннее ядро», где находится «перемычка» из гибридных структур, принадлежащих к двум подсистемам одновременно. В статье произведена дифференциация неспециализированных и специализированных элементов, приведены множественные примеры из практики функционирования систем в зарубежных государствах и в Российской Федерации. Дополнительно обозначены три вида потоков, наиболее значимых для работы системного механизма: финансовые ресурсы, кадры и сигналы (импульсы). Раскрыты некоторые особенности циркуляции данных потоков в пределах системы, а также между системой и внешней средой. Произведено обобщение гипотетически возможных и выявляемых эмпирически форм взаимодействия элементов разных типов. Совокупность полученных научных результатов должна помочь в разработке новой методологии казусно-ориентированных и кросс-страновых исследований систем оказания международной помощи и изучению особенностей их облика, механизма функционирования и адаптации к внутренним и внешним шокам различной природы и масштаба.

Ключевые слова:

международная помощь; содействие международному развитию; система; модель; страны-доноры; государственные институты; субгосударственные структуры; муниципальные органы; частные организации.

* Автор благодарит двух анонимных рецензентов и редакторов журнала за ценные замечания, которые позволили повысить качество работы.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.08.2025

Дата принятия к публикации: 20.11.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: vl_bartenev@mail.ru

Введение

Международная помощь на протяжении многих десятилетий остаётся важным элементом глобального политико-экономического ландшафта и предметом устойчивого интереса со стороны представителей разных научных дисциплин. Усилия значительной части профильных специалистов направлены на исследование и объяснение зримых различий между страновыми моделями оказания такой помощи.

Долгое время в изучении международной помощи доминировала исследовательская парадигма, в рамках которой преимущественно изучались различия в распределении (*allocation*) финансовых ресурсов, выделяемых на соответствующие цели, между отдельными видами, инструментами, каналами, секторами и реципиентами. Для этого использовался широкий спектр эконометрических методов, но полученные результаты отличались высокой степенью неоднозначности¹. В XXI веке более пристальное внимание стало уделяться процессам формирования и реализации политики международной помощи внутри государств-доноров, что сопровождалось более широким использованием качественных и учебно-методические труды такого плана, выполненные в компаративистском ключе, стали регулярно выходить за рубежом [Van Belle, Rioux, Porter 2004; Lancaster 2008; Van der Veen 2011; Lundsgaarde 2012; Brown, Grävingholt 2016] и в России [Национальные стратегии... 2010; Иностранная помощь... 2013; Содействие международному развитию... 2018; Содействие международному развитию 2022; Российская и китайская помощь.... 2023].

При этом и в упомянутых исследованиях с широкой выборкой государств-доноров, и в трудах, посвященных ограниченному числу страновых кейсов [Zhang, Smith

2017; Pericoli 2025; Ермолов 2015; Дегтерев et al. 2017; Белецкая 2020], широко используется термин «система» применительно к национальной (страновой) архитектуре оказания международной помощи². Однако ни в зарубежной, ни в отечественной литературе не ставился вопрос об общих принципах концептуализации и декомпозиции таких систем и анализа спектра взаимодействий их элементов. Поиску ответа на него посвящена данная статья.

Дополнительную актуальность настоящему исследованию придают резонансные действия второй администрации Дональда Трампа по ликвидации Агентства США по международному развитию, а также ряда других государственных и негосударственных элементов американской системы оказания международной помощи. Эти шаги нынешних властей США – при всей их беспрецедентности – стали наиболее отчётливым проявлением давнего и устойчивого кросс-странового тренда на интеграцию независимых агентств содействия развитию в состав внешнеполитических ведомств в целях более чёткого подчинения политики оказания невоенной помощи национальным интересам [Максимова 2015: 60–61; Gulrajani 2017]. Действия команды 47-го Президента США с высокой долей вероятности вызовут серьёзные последствия, которые отразятся не только на мировой политике (в том числе и в зонах стратегических интересов России, всё более активно задействующей инструментарий международной помощи), но и на академических исследованиях, закрепив в политологии разворот в сторону углублённого изучения национальных (страновых) систем оказания международной помощи и факторов их эволюции.

Предлагаемая статья разделена на четыре блока. В первом разделе дано общее опре-

¹ Всеобъемлющий обзор англоязычного библиографического комплекса представлен в [Dreher et al. 2024].

² Многочисленные труды, посвящённые анализу глобальной системы (архитектуры) оказания международной помощи, не цитируются сознательно ввиду принципиальных отличий в объекте изучения.

деление понятия «национальная система оказания международной помощи» и построена абстрактная модель такой системы. Во втором — определены основные компоненты и типы структурных элементов, составляющих такого рода системы. В третьем — обозначена логика перемещения различных потоков в границах и через границы систем. Наконец, в четвертом разделе показано, в каких формах их элементы могут в принципе взаимодействовать друг с другом внутри системы.

Концептуализация понятия и абстрактная модель системы

Концептуализация понятия «национальная система оказания международной помощи» (далее — система) требует демаркации содержательных границ понятия «международная помощь».

Международная помощь — это предоставление материальных и нематериальных благ на безвозмездной или льготной основе, осуществляемое субъектами национального права одного государства в интересах граждан и резидентов других государств. Предложенное авторское определение заметно отличается от разработанной под эгидой Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (далее — КСР ОЭСР) дефиниции официальной помощи развитию (ОПР)³, которая используется в качестве базовой в подавляющем большинстве профильных исследований. Оно объединяет помощь из всех возможных источников, включает не только экономическую и гуманитарную, но и военную помощь. Как правило, в акте оказания помощи присутствует иерархия целей: декларируемые высокие цели (искоренение бедности, развитие систем образования и здравоохранения, преодоление «цифрового разрыва», защита окружающей среды и другие) — на деле уступают в значимости прагматическим

устремлениям, связанным с обеспечением собственных интересов доноров.

Более того, следует отметить, что значимая доля средств международной помощи — как военной, так и невоенной — даже не выходит за пределы финансовых систем государств-доноров. *Во-первых*, речь идёт о квалифицируемых ОЭСР в качестве ОПР расходах, изначально не предназначенных для трансфера за рубеж: ассигнованиях на обеспечение деятельности профильных структурных подразделений страны-донора, обучении иностранных граждан в национальных учебных заведениях, размещении беженцев, повышении осведомленности собственного населения о проблемах глобального развития (*development awareness programs*). *Во-вторых*, о формальном «связывании» (*tying*) помощи — то есть изначальном ограничении круга поставщиков товаров и услуг в рамках программ помощи только организациями и лицами из страны-провайдера — или о фактическом её «связывании», когда такие ограничения де-юре не выставляются, но де-факто национальным поставщикам отдаётся негласное предпочтение перед зарубежными⁴.

Сегодня наблюдается многообразие форм международной помощи, что предопределяет множественность структур, организаций и отдельных лиц, задействованных в той или иной роли в процессе её оказания. В условиях глобализации предоставление такой помощи осуществляется благодаря сформированным страновым комплексам, которые чаще всего описываются понятием «система» — устоявшегося определения чего в литературе нет. Мы понимаем *национальную систему оказания международной помощи* как сформировавшийся в отдельной стране и находящийся в постоянном взаимодействии с внешней средой комплекс взаимосвязанных специализированных и неспециализированных элементов из числа органов государственного и муниципально-

³ Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD). Official development assistance — definition and coverage. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/oda-eligibility-and-conditions/official-development-assistance--definition-and-coverage.html> (accessed: 31.07.2025).

⁴ OECD. Untied aid. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/oda-standards/untied-aid.html> (accessed: 31.07.2025).

го управления, учреждённых и/или контролируемых ими юридических лиц, включая их отдельных представителей, а также частных организаций и лиц, которые участвуют в оказании международной помощи и обеспечении данной деятельности.

Предложенное выше определение сознательно сконструировано так, чтобы системы можно было рассматривать в любом из пяти основных аспектов (призм), выделяемых теоретиками: системно-компонентном, системно-структурном, системно-интегративном, системно-функциональном и системно-коммуникативном [Шабров 2019: 223–224].

В структуру таких систем входит комплекс субъектов, осуществляющих непосредственное предоставление международной помощи, а также её правовое, финансовое, административное, аналитическое, кадровое и информационное обеспечение. Они отличаются как по присущим им типологическим характеристикам (например, организационно-правовой форме), так и по второму, не менее важному критерию — наличию или отсутствию специализации на вопросах оказания международной помощи. Говоря об институционально оформленных элементах, мы будем иметь в виду как сами органы, организации и учреждения, так и отдельных их представителей, которые могут обладать собственной агентностью.

К неспециализированным элементам относятся те, которые возникли и действуют преимущественно вне системы, становясь её звеньями лишь в те моменты, когда занимаются вопросами, связанными с оказанием помощи. Для профильных организаций и их сотрудников, равно как и, например, для некоторых экспертов (консультантов) или волонтеров система представляет собой как исходную среду, так и непосредственную сферу деятельности.

Принадлежность к системе определяет стратегические ориентиры, финансовую модель, кадровую политику и другие фундаментальные аспекты деятельности институционализированных элементов, а также профессиональную идентичность, статус, карьерные перспективы указанных частных лиц. Учёт указанных критериев позволяет построить двухмерную схематическую модель системы на рис. 1.

Необходимо сделать две важные оговорки, обусловленные схематичностью и двухмерностью предложенной модели. *Во-первых*, идеальная симметрия левого и правого полукругов на рисунке не должна вводить в заблуждение. Подсистемы принципиально отличаются с точки зрения плотности — «населенности» элементами разного типа, котораякратно выше в подсистеме 2. *Во-вторых*, схема изначально не предназначена для иллюстрации связей между элементами, для описания которых лучше подойдут другие инструменты визуализации.

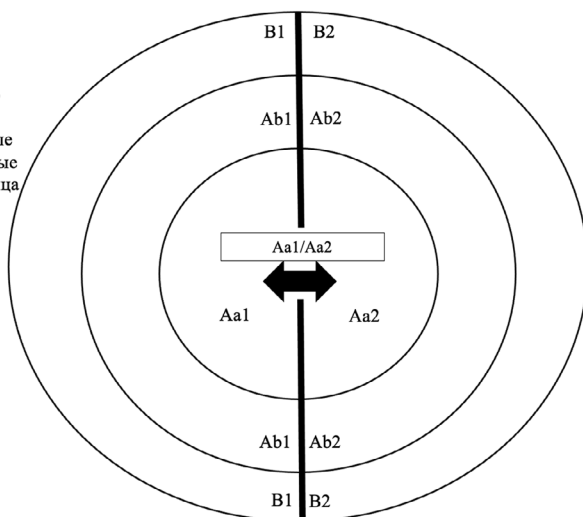
Система состоит из двух тесно взаимосвязанных подсистем. Первая объединяет органы государственного и муниципального управления, учреждённые и/или контролируемые ими юридические лица⁵. Вторая включает частные организации и частных лиц, действующих в личном качестве. Элементы подсистем принадлежат к разным классам субъектов и поэтому разделены почти непроходимой «стеной», обозначенной на рисунке вертикальной линией, идущей по центру круга.

В свою очередь, обе подсистемы одновременно разделены на несколько областей, выделенных с учётом фактора специализации их составных элементов. Специализированные элементы образуют двухчастное «ядро». «Внутреннее ядро» (Aa1 и Aa2) сформировано структурами, чья деятель-

⁵ В практике ОСЭР все акторы, принадлежащие к данной совокупности, именуются «официальными». В том же контексте это прилагательное используется в словосочетании «официальная помощь развитию». Однако в русском языке термин «официальные акторы» в аналогичном значении не используется. В российских реалиях к категории «учреждённые и/или контролируемые ими юридические лица» могут быть отнесены государственные компании, компании с преимущественным государственным участием, государственные унитарные предприятия, государственные и муниципальные учреждения.

Рисунок 1
Абстрактная модель национальной системы оказания международной помощи

Подсистема 1:
Органы
государственного
и муниципального
управления,
а также учреждённые
и/или контролируемые
ими юридические лица

Подсистема 2:
Частные организации
и лица

Примечание: Aa1, Aa2 — части «внутреннего ядра»; Ab1, Ab2 — части «внешнего ядра»; B1, B2 — части «периферии», Aa1/Aa2 — «перемычка» между подсистемами. Индексы 1 и 2 обозначают принадлежность к соответствующим подсистемам.

Источник: составлено автором.

ность полностью сконцентрирована на вопросах оказания международной помощи. Области Aa1 и Aa2 соединены «перемычкой» из гибридных структур, которые не могут быть отнесены только к одной подсистеме. «Температура», под которой понимается интенсивность взаимодействия, выражаемая либо в количественных, либо в качественных показателях, во «внутреннем ядре» и на «перемычке» является наивысшей в системе.

Образующие «внешнее ядро» области подсистем (Ab1 и Ab2) представлены в большинстве своём специализированными структурными подразделениями неспециализированных органов. Эти структуры (и отдельные их представители) не могут действовать исходя только из своих экзистенциальных интересов как элементов системы и обязаны согласовывать свои действия с руководством, которое в собственных решениях может исходить отнюдь не только из императивов оказания международной помощи.

Неспециализированные элементы, в свою очередь, образуют двухчастную «периферию» (области B1 и B2), которая опоясывает «ядро», причём интенсивность взаимодействия в ней существенно ниже, чем во внешнем и тем более во внутреннем «ядре». Элементы, расположенные на «периферии», также контактируют между собой и с элементами других областей «своей» подсистемы, но с элементами другой подсистемы взаимодействуют нерегулярно и стратегических отношений не выстраивают.

Такое представление о системе не позволяет рассматривать её исключительно как разновидность «субсистемы» в понимании, предложенном в своё время Дж. Фриманом, то есть как «модели взаимодействия акторов, вовлечённых в процесс принятия решений в отдельной сфере публичной политики» [Freeman 1965]. Дело в том, что значительная часть органов управления разного уровня и частных организаций и лиц не принимает системно значимых решений по вопросам оказания междуна-

родной помощи, но это не позволяет исключить их из числа элементов системы.

Разделяя позицию Д. Беланда, М. Хаулетта и И. Мухерджи, которые развивают теорию множественных потоков (*multiple streams framework*) Д. Кингдона [Kindgon 1984], автор одновременно считает важным разграничивать «ряд схожих, но обособленных коллективных акторов, вовлечённых в процессы формулирования проблемы, выработки политического курса, заключения политических сделок и участия в политических конфликтах» [Béland et al. 2018: 2].

Понятие «субсистема» или смежное с ним понятие «субправительство», предложенное позднее Р.Б. Рипли и Г.А. Франклин [Ripley, Franklin 1980], может быть использовано при характеристике «ядра» системы. Однако степень его применимости ко всему спектру западных и незападных государств-доноров, вне зависимости от формы государственного правления, вызывает сомнения.

Все элементы рассматриваемых систем одновременно принадлежат и к другим системам, функционирующим в соответствующей юрисдикции (например, политической системе, системе экономических отношений, системе частной благотворительности и другим). При этом любая национальная система является также частью глобальной архитектуры международной помощи, вписанной, в свою очередь, в систему международных отношений. В связи с этим на её функционирование и развитие могут оказывать значительное влияние мощные внешние импульсы.

Постоянство обмена импульсами между системой и внешней средой, изменчивость ситуации внутри государств-доноров — изменения партийно-политической конфигурации, экономической конъюнктуры, общественных настроений [Бартенев, 2014], а также различия в индивидуальных характеристиках конкретных представителей органов государственной власти и стержневых частных организаций — придают функционированию систем высокую степень динамизма. Это развитие нередко следует сложной и нелинейной траектории,

что наглядно демонстрирует неспособность экспертного сообщества предвидеть масштаб реформ американской системы помощи при второй администрации Трампа.

Таким образом, следует, с одной стороны, зафиксировать однозначную принадлежность национальных систем оказания международной помощи к категории открытых сложноорганизованных динамических систем, с другой — признать их видовое своеобразие, обусловленное многоаспектностью феномена международной помощи и требующее особого подхода к определению параметров системной архитектуры. Предложенная в разделе абстрактная модель, на первый взгляд, может выглядеть излишне схематично и не отражать плотности связей сетевого типа, которые элементы выстраивают в том числе «поверх» линий, разграничивающих различные области и подсистемы, но, с точки зрения автора, она помогает обогатить процесс анализа и прогнозирования процессов эволюции таких систем новыми нюансами и смысловыми оттенками. Условием повышения качества такого анализа и прогнозирования является максимально точная дифференциация составных элементов систем в соответствии с изложенными выше принципами.

Дифференциация элементов

Дифференциация элементов системы и двух составляющих её подсистем должна производиться по разным основаниям: с учётом как их организационно-правовой природы, так и специализации на вопросах оказания международной помощи.

Подсистема 1 объединяет государственные, субгосударственные и муниципальные структуры, учреждённые и/или контролируемые ими юридические лица (и, соответственно, их отдельных представителей, степень агентности которых может варьировать).

К *неспециализированным* государственным структурам, чья деятельность в значительной степени определяет облик и принципы функционирования системы, относятся:

- главы государств и правительств;
- аппараты/администрации глав государств и правительств, их структурные подразделения;

- министерства и ведомства помимо агентств развития и институтов финансирования развития (ИФР). Среди них ключевую роль в большинстве стран играют министерства иностранных дел, обороны, финансов и/или торговли, а также отраслевые структуры (в частности, министерства сельского хозяйства, здравоохранения, образования, энергетики и подведомственные им агентства и службы), которые сегодня почти повсеместно реализуют международные программы, в том числе за счёт отдельных ассигнований;

- ИФР. Они не занимаются оказанием помощи в узком смысле, а используют инструменты каталитического финансирования, способствующие мобилизации дополнительных ресурсов частного бизнеса, но координируют действия с национальными агентствами международного развития;

- национальные парламенты и связанные с ними контрольно-ревизионные органы – например, счётные палаты;

- органы судебной власти различных инстанций.

Отдельного упоминания заслуживают органы государственной власти регионального уровня и органы местного самоуправления. Необходимость их отдельного обозначения определяется заметным усилением роли таких структур как участников «децентрализованного сотрудничества» (*decentralized development cooperation, DDC*)⁶, частью которого является и сотрудничество между городами в разных странах⁷. Региональные и местные власти активно участвуют в процессах оказания помощи как в западных странах

[Reinsberg, Dellepiane 2022], так и, например, в КНР [Shi, Hoebnik 2019].

Государственные институты развития также могут играть значимую роль в страновой архитектуре оказания международной помощи, хотя преимущественно они финансируют проекты на территории самих государств-доноров. Среди представителей этой категории следует упомянуть, в частности, государственную корпорацию развития «ВЭБ.РФ», а также три «политических банка» Китая – Экспортно-импортный банк, Банк развития Китая и Банк сельскохозяйственного развития Китая.

Государственные корпорации и компании с преимущественным государственным участием из различных секторов экономики также могут играть в рассматриваемых системах разные значимые роли – выступать операторами крупных инфраструктурных проектов, осуществляемых на средства государств-доноров; предоставлять техническую помощь; реализовывать программы корпоративной социальной ответственности в странах присутствия, предоставлять дополнительные стипендии иностранным студентам. Эти организации являются важными элементами систем в таких ведущих государствах, как Россия (например, «Росатом», «Роснефть») и Китай (например, «Китайские железные дороги», Китайская компания коммуникаций и строительства).

Нельзя не упомянуть также структуры, учредителями которых выступают государственные, субгосударственные и муниципальные органы управления и основная деятельность которых финансируется полностью или преимущественно из средств федеральных, региональных или муниципальных бюджетов.

Вклад разных структур в международную помощь и их вес в системе предопределяется наличием или отсутствием в них

⁶ Подробнее см.: OECD. Decentralised development co-operation: A global policy toolkit and guidance for practitioners. OECD Regional Development Papers, No. 46. Paris: OECD Publishing, 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/decentralised-development-co-operation_3cb22851-en.html (accessed: 31.07.2025).

⁷ Подробнее см.: OECD. City-to-City Partnerships to Localise the Sustainable Development Goals, OECD Urban Studies. Paris: OECD Publishing, 2023. URL: https://www.oecd.org/en/publications/city-to-city-partnerships-to-localise-the-sustainable-development-goals_d2fe7530-en.html (accessed: 31.07.2025).

специализированных элементов, которые входят во «внешнее ядро» системы. Этот тезис можно проиллюстрировать на примере органов различных ветвей власти.

Очевидно, например, что судебные инстанции в обычных (штатных) условиях функционирования систем играют куда менее заметную роль по сравнению с органами исполнительной власти и законодательными органами — особенно в странах континентального права. Сводится она, по большей части, к рассмотрению исков госорганов к исполнителям государственного заказа в сфере оказания международной помощи или исков от этих исполнителей к госорганам. В то же время, как показывают события, развернувшиеся в 2025 г. в США, в исключительных случаях, таких как реформирование системы и её перехода в нештатный режим, характеризующийся повышенной степенью энтропии, подобного рода иски могут затрагивать вопросы максимально высокого порядка — о распределении полномочий между ветвями власти, а решения судов разного уровня могут задавать новые условия функционирования и развития системы в целом⁸.

Распределение ролей между высшими органами исполнительной и законодательной властей в национальных системах предопределяется в значительной степени формой государственного устройства и их полномочиями, предусмотренными законодательством, а также особенностями бюджетного процесса. В государствах с более чётко выраженной системой разделения властей парламенты стараются как можно активнее пользоваться правом

утверждения бюджетных ассигнований и выполнять контрольно-надзорные функции в сфере оказания международной помощи⁹. При этом даже рядовые члены законодательных органов, не участвующие в работе специализированных комитетов или парламентских групп, могут быть глубоко вовлечены в обсуждение вопросов оказания международной помощи. Это обусловлено деятельностью разнообразных групп интересов, которые получают прямые и косвенные дивиденды от выделения бюджетных средств на эти цели и оказывают давление на парламентариев [Milner, Tingley 2010; Cho 2021; Kim 2024]. Результатом такого давления становится, в частности, практика «маркирования» бюджетных ассигнований для оказания помощи конкретным странам или по отдельным секторальным направлениям: сельское хозяйство, здравоохранение, образование, цифровое развитие, транспорт, энергетика.

Точно так же различается и вес в системах неспециализированных органов исполнительной власти, и место вопросов оказания международной помощи в их деятельности. Легче всего это продемонстрировать на примере министерств иностранных дел, используя адаптированную (с учетом специфики предложенного нами определения системы) «мейнстримную» классификацию моделей государственного администрирования политики сотрудничества в целях развития, предложенную на рубеже XX—XXI веков в материалах ОЭСР¹⁰ и с тех пор неоднократно воспроизводившуюся и уточнявшуюся в различных публикациях¹¹. Соответствующие модели приведены в табл. 1.

⁸ Saldinger A., Miolene E. Court watch: The latest on the USAID docket // Devex. URL: <https://www.devex.com/news/court-watch-the-latest-on-the-usaid-docket-109995> (accessed: 31.07.2025).

⁹ См. результаты систематизации информации о структурах, обеспечивающих парламентский надзор в сфере оказания помощи развитию в странах-членах ОЭСР в [Gulrajani N. Post-Merger Development Governance in the UK. London: ODI, 2020. P. 14–16. URL: https://media.odi.org/documents/development_governance_publication.pdf (accessed: 31.07.2025)].

¹⁰ OECD. A Comparison of Management Systems for Development Co-operation in OECD/DAC Members. Paris: OECD, 1999.

¹¹ См.: Gulrajani N. Post-Merger Development Governance in the UK. London: ODI, 2020. 18 p. URL: https://media.odi.org/documents/development_governance_publication.pdf (accessed: 31.07.2025); Dissanayake R., Calleja R. What Could the UK's Future Development Structure Look Like? CGD Policy Paper 319. Washington, DC: Center for Global Development, 2024. 30 p. URL: <https://www.cgdev.org/publication/what-could-uks-future-development-structure-look> (accessed: 31.07.2025).

Таблица 1

Модели систем государственного администрирования политики сотрудничества в целях развития
(согласно «мейнстримной» классификации, получившей наибольшее распространение
в международной экспертной среде)

Модель	Выработка политики	Реализация программ/проектов
1	неспециализированные (территориальные/функциональные) департаменты МИД	
2	специализированное подразделение в структуре МИД	
3	МИД	отдельное специализированное исполнительное агентство (или банк) развития
4	специализированное министерство/агентство (не МИД)	

Источник: составлено автором на основе версии «мейнстримной» классификации, представленной в аналитической записке Н. Гулраджани (Gulrajani N. Post-Merger Development Governance in the UK. London: ODI, 2020. 18 p. URL: https://media.odi.org/documents/development_governance_publication.pdf (accessed: 31.07.2025)), с дополнительным указанием на наличие или отсутствие у соответствующих структур профильной специализации.

Весьма существенно может отличаться и место министерств обороны в системах. В государствах, чьи вооружённые силы активно задействовались в экспедиционных кампаниях, например в рамках «глобальной войны с террором», войска могли быть активно вовлечены в оказание невоенной помощи гражданскому населению в зонах дислокации (в том числе в восстановлении объектов материальной и социальной инфраструктуры) и разрабатывали отдельные доктринальные документы, регулирующие такую деятельность [Brown, Gravingholt 2016]. В качестве хрестоматийного примера можно привести Программу действий командиров в чрезвычайных ситуациях (*Commander's Emergency Response Program* – *CERP*), которая была апробирована Министерством обороны США в Ираке сразу после свержения режима С. Хусейна, а с января 2004 г. начала действовать и на территории Афганистана. В государствах, менее активно применяющих вооружённые силы за рубежом, роль министерств обороны в системе может сводиться к организации поставок вооружений и военной техники, обучению и подготовке иностранных военных специалистов и – в исключительных случаях – участию в оказании гуманитарной помощи, в том числе при стихийных бедствиях.

Принципиально может отличаться и роль отраслевых министерств, например министерств сельского хозяйства. В государствах, не входящих в число основных экспортеров сельхозпродукции, а также в европейских странах – донорах продовольственной помощи, сделавших политический выбор в пользу закупок продовольствия у местных производителей в развивающихся странах, министерства сельского хозяйства и подведомственные им службы и агентства играют относительно незначительную роль. В США или в РФ министерства сельского хозяйства, напротив, имеют весьма тесные связи с частными организациями и лицами «внешнего ядра» соответствующей подсистемы в лице национальных сельхозпроизводителей (а в США – также судовладельцев, осуществляющими перевозки продовольствия) и их отраслевых ассоциаций. Схожая логика может иметь место и в случае с другими отраслевыми министерствами (здравоохранения, энергетики, связи и другими) в тех государствах, которые активнее других задействуют международную помощь для поддержки национального экспорта.

Круг специализированных государственных и субгосударственных структур различных уровней представлен в табл. 2¹².

¹² Необходимо отметить, что автору не удалось найти примеров специализированных муниципальных органов.

Таблица 2

Основные виды и примеры специализированных государственных и субгосударственных структур – элементов национальных систем оказания международной помощи

Вид элемента	Примеры
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ	
<i>Органы исполнительной власти</i>	
Специализированные межведомственные координационные органы	Межведомственная комиссия по вопросам содействия международному развитию в РФ; Межминистерский комитет по международному сотрудничеству и развитию во Франции
Специализированные элементы аппаратов глав государств и правительств	Директорат по вопросам развития, глобального здравоохранения и гуманитарной помощи в аппарате Совета национальной безопасности США (2021–2025)
Специализированные структурные подразделения и профильные должностные лица во внешнеполитических ведомствах	Управление по вопросам оказания международной помощи в Госдепартаменте США; Посол по особым поручениям, курирующий вопросы реализации госпрограммы «Содействие международному развитию» в МИД РФ
Специализированные структурные подразделения в министерствах и ведомствах помимо МИД и агентств развития	Отдел технической помощи Департамента международных отношений министерства финансов США; Китайский центр международного сотрудничества и обменов в области здравоохранения под эгидой Национальной комиссии здравоохранения КНР; Отдел чрезвычайного гуманитарного реагирования Департамента международной деятельности МЧС РФ
Общенациональные агентства и фонды оказания международной невоенной и военной помощи, осуществляющие программную и/или координирующую деятельность	<i>Невоенная помощь:</i> Банк развития KfW (ФРГ); Саудовский фонд развития; Чешское агентство развития; Японское агентство международного сотрудничества; Турецкое агентство по сотрудничеству и координации при Министерстве культуры и туризма Турции. <i>Военная помощь:</i> Агентство сотрудничества в области безопасности Министерства обороны США
Общенациональные агентства с координирующими функциями, не ведущие программной деятельности	Китайское агентство международного сотрудничества в сфере развития
<i>Органы законодательной власти и подотчетные им органы государственного аудита</i>	
Профильные комитеты/подкомитеты палат национальных парламентов (и их аппараты)	Комитет по вопросам международного развития Палаты общин Великобритании; Комитеты по экономическому сотрудничеству и развитию и по защите прав человека и гуманитарной помощи в Бундестаге Германии
Специальные парламентские группы (кокусы), фокусирующиеся на вопросах оказания международной помощи	Кокус Конгресса за эффективную международную помощь (США)
Специализированные контрольно-ревизионные органы	Аппараты специальных инспекторов по восстановлению Афганистана и Ирака, учреждённые в США в 2000-е годы
СУБГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ	
Субгосударственные агентства и фонды международной помощи	Баскское агентство сотрудничества в сфере развития; Фламандское агентство международного сотрудничества; Шотландский фонд международного развития

Источник: составлено автором.

Национальные системы могут существенно отличаться с точки зрения представленности в их структуре тех или иных элементов. В государствах с наиболее продолжительной историей оказания международной помощи, не переживавших радикальных смен форм государственного устройства и форм правления, присутствуют почти все основные элементы — как специализированные, так и неспециализированные.

Однако в государствах, только вставших на путь оказания международной помощи, может пройти время, прежде чем элементами системы станут те или иные отраслевые министерства или будет учреждено специализированное агентство содействия развитию или ИФР. При этом нередки и случаи отказа от автономного агентства развития и кардинальной смены организационной модели в странах с продолжительной историей донорства — по этому пути в 2000–2010-е годы пошли все англосаксонские страны, начиная с Новой Зеландии в 2009 г. и заканчивая США в 2025 году.

Присутствие в разных страновых системах схожего набора элементов не делает их идентичными. Большое значение имеет также число структур того или иного типа — в первую очередь, агентств оказания международной помощи и вовлечённых в эту деятельность отраслевых министерств. Многие малые доноры ограничиваются одним профильным агентством, но в крупных странах их может быть гораздо больше. В США, к примеру, в XXI веке оказанием невоенной помощи занималось семь специализированных агентств, а предоставлением военной помощи — не только специализированное Агентство сотрудничества в области безопасности, но и множество неспециализированных структур в Министерстве обороны и различных видах ВС США.

Что касается отраслевых министерств как элементов систем, то во многих странах их количество исчисляется десятками.

Национальные системы будут отличаться и по числу специализированных субгосударственных элементов — их количество предопределяется не только интенсивностью трансграничных связей субнациональных регионов, но и особенностями правового регулирования таких связей [Reinsberg, Dellepiane 2022].

Бюджетных статей, по которым выделяются средства на оказание международной помощи, в крупнейших государствах-донорах также может насчитываться несколько десятков. Этот параметр имеет большое значение для сопоставления степени фрагментации разных систем, минимизировать риски которой призваны механизмы межведомственной координации.

В случае с государственными структурами, представляющими как исполнительную, так и законодательную власть, их вес в системе и роль в политическом механизме, обеспечивающем ее функционирование, напрямую зависит от объёма проходящих через них денежных потоков и способности генерировать регулирующие сигналы. Сформировать первичное представление о соответствующих страновых различиях могут помочь «Профили провайдеров сотрудничества в сфере развития» (*Development Cooperation Profiles*), составляемые ОЭСР¹³. Представленные в них показатели распределения ресурсов между распорядителями бюджетных средств зависят от степени интенсивности взаимодействия с входящими в «ядро» параллельной подсистемы частными организациями, которое осуществляют как сами министерства и ведомства, так и органы законодательной власти. При этом чем интенсивнее происходит такое взаимодействие, тем выше вероятность того, что государственные и негосударственные структуры выстроят симбиотические отношения, которые будет крайне сложно разорвать.

На «перемычке» между подсистемами расположены гибридные структуры. Часть из них представляет собой органы управле-

¹³ OECD. Development cooperation profiles. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/development-co-operation-profiles.html> (accessed: 10.07.2025).

Таблица 3
**Основные виды и примеры специализированных гибридных структур –
 элементов национальных систем оказания международной помощи**

Вид элемента	Примеры
Советы директоров специализированных госкорпораций	Совет директоров Корпорации «Вызовы тысячелетия» (США) ¹⁴ ; Совет директоров Французского агентства развития ¹⁵ .
Консультативные советы при органах исполнительной власти	Консультативный комитет по безвозмездной международной помощи при АМР США (1961–2025); Общественный совет при Россотрудничестве; Национальный совет по развитию и международной солидарности во Франции; Консультативный совет по оценке при Японском агентстве международного сотрудничества.
Постоянно действующие парламентские группы с участием частных организаций	Межпартийная парламентская группа по глобальным целям ООН (Великобритания).
Квазиавтономные неправительственные организации	Национальный фонд в поддержку демократии ¹⁶ (США); Китайский фонд мира и развития.

Источник: составлено автором.

ния, учреждённые государственными властями, но состоящие — как минимум наполовину, а иногда и полностью — из негосударственных элементов.

Данные структуры выступают важными связующими звеньями между двумя подсистемами и могут оказывать содействие формированию государственно-частных и муниципально-частных партнёрств в области оказания международной помощи.

Отдельно стоит упомянуть квазиавтономные неправительственные организации, структура бюджета которых может различаться достаточно радикально. Так, Национальный фонд в поддержку демократии, учреждённый Конгрессом США в 1983 году, всегда получал основные средства из госбюджета. В Китайском фонде мира и развития, напротив, доля госфинансирования, по имеющимся данным, сегодня минимальна (около 1%), но факт инициирования и контроля его деятельно-

сти Международным отделом ЦК КПК свидетельствует о сохраняющейся высокой степени государственного надзора [Wang 2024].

Подсистема 2 включает в себя частные организации всех возможных типов — коммерческие и некоммерческие, а также физические и некоммерческие, а также физические лиц. Эти субъекты могут выступать в разных ролях: как в роли провайдеров материальных (денежные средства, медикаменты, книги, компьютеры) или нематериальных (знания, навыки, информационный контент) ресурсов, так и в роли исполнителей программ и проектов, финансируемых другими донорами (провайдерами), в том числе из третьих стран [Burgess, Cluster 2023].

Элементы рассматриваемой подсистемы также можно разделить на неспециализированных, составляющих ее «периферию», и специализированных, входящих в её «ядро» — либо внутреннее, либо внешнее.

¹⁴ В состав Совета директоров входит 9 членов: 5 представителей госорганов (по должности) и 4 представителя частного сектора, назначаемых указом президента США.

¹⁵ В состав Совета директоров входит 17 членов: председатель, 6 представителей госорганов (по должности) и 10 представителей частного сектора, назначаемых указом президента Франции.

¹⁶ Деятельность организации признана нежелательной на территории РФ (Распоряжение Минюста РФ № 1076-р от 29.07.2015).

Принадлежность к той или иной области «ядра» зависит от того, является ли участие в обеспечении усилий по оказанию международной помощи единственным (или как минимум приоритетным) направлением деятельности данной структуры (или частного лица) или второстепенным.

К категории неспециализированных элементов могут быть отнесены:

- частные компании из разных секторов экономики (агропромышленный комплекс, транспорт, энергетика, фармацевтика, ИКТ-сектор и другие), в том числе с государственным участием менее 50%;

- отраслевые ассоциации, объединяющие представителей отдельных (суб-) отраслей экономики;

- некоммерческие организации разного профиля (кроме квазиавтономных), не специализирующиеся на оказании помощи, включая этнические лобби, защищающие интересы отдельных этноконфессиональных групп и содействующие развитию связей с государствами, которые для их членов (или их предков) являются исторической родиной¹⁷;

- частные благотворительные фонды, преимущественно ориентированные на решение внутренних проблем развития страны происхождения и реализующие международные проекты лишь от случая к случаю;

- коммерческие лоббистские фирмы, продвигающие повестку любых групп интересов в органах государственной власти за вознаграждение;

- частные университеты и исследовательские институты широкого профиля;

- негосударственные аналитические центры широкого профиля;

- негосударственные средства массовой информации (кроме узкоспециализированных), публикующие материалы по вопросам оказания международной помощи только при наличии громкого инфор-

мационного повода, но влияющие на общественное мнение по данной проблематике¹⁸.

Отдельного упоминания заслуживают индивидуальные консультанты, привлекаемые различными государственными и негосударственными структурами для выполнения тех или иных услуг в рамках проектов оказания международной помощи, волонтеры и даже рядовые граждане стран-доноров, делающие регулярные пожертвования в профильные благотворительные организации.

Категория специализированных частных организаций представлена в табл. 4.

Степень активности неспециализированных частных организаций предопределяется не только параметрами самих систем, но и многими сторонними факторами: общим уровнем развития гражданского общества, масштабами экономики страны-донора, степенью транснационализации её бизнеса и другими показателями. При этом специализированные коммерческие структуры, коалиции или исследовательские институты могут появиться отнюдь не сразу в странах, которые находятся на ранних стадиях развития национальных программ оказания международной помощи. Заметный разброс между странами наблюдается и по общему числу таких структур. Даже грубый подсчёт элементов может помочь оценить общее состояние «экосистемы».

Принципиально важно отметить, что произведенная в данном разделе статьи декомпозиция системы на отдельные элементы оставляет за скобками вопрос о соотношении деятельности институционализированных элементов в обеих подсистемах и агентности отдельных их представителей. Политические назначенцы, бюрократы, дипломаты, законодатели, судьи, топ-менеджеры крупнейших специализированных и неспециализированных государ-

¹⁷ Самым цитируемым исследованием, посвящённым влиянию этнических лобби на политику оказания международной помощи, остаётся статья С. Лахири и П. Раймондоса-Меллера [Lahiri, Raimondos-Møller 2000].

¹⁸ О роли СМИ см. подробнее: [Van Belle et al. 2004].

Таблица 4
**Основные виды и примеры специализированных частных организаций –
 элементов национальных систем оказания международной помощи**

Вид элемента	Примеры
Специализированные коммерческие компании – исполнители проектов	<i>DAI Global LLC, DT Global, Management Systems International, Agriconsulting Europe S.A. (AES), Landell Mills</i>
Профессиональные ассоциации, объединяющие специализированные коммерческие компании – исполнителей проектов	Коалиция поставщиков услуг в области международного развития в США, Китайская ассоциация международных подрядчиков
Частные (семейные и корпоративные) благотворительные фонды, выделяющие значительную долю средств на решение проблем развивающихся стран	<i>Семейные фонды:</i> Фонд Гейтсов (США), Фонд Бернарда фон Леера (Нидерланды), Фонд Ботнар (Швейцария). <i>Корпоративные фонды:</i> Фонд <i>IKEA</i> (Нидерланды), Фонд <i>Coca-Cola</i> (США), Фонд <i>Mastercard</i> (Канада)
Специализированные некоммерческие организации – исполнители проектов	<i>Caritas, Oxfam, World Vision</i> , АНО «Русская Гуманитарная Миссия»
«Зонтичные» некоммерческие организации, объединяющие профильные НКО и группы адвокации	<i>Interaction</i> (США), <i>Coordination Sud</i> (Франция), <i>Venro</i> (ФРГ), <i>Bond</i> (Великобритания)
Структуры в университетах и научных институтах, нацеленные на подготовку профильных специалистов и/или проведение профильных научных исследований	Институт исследований в области развития в Университете Сассекса (Великобритания), Центр международного развития Дьюкского университета (США), Институт политики развития Института Антверпена (Бельгия), Институт сотрудничества по линии Юг-Юг и развития Пекинского университета (Китай)
Специализированные аналитические центры	Институт зарубежного развития (<i>Overseas Development Institute, ODI</i>) (Великобритания), Немецкий институт политики развития (<i>Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, DIE</i>), Европейский центр управления политикой в области развития (<i>European Centre for Development Policy Management, ECPDM</i>) (Нидерланды/Бельгия), Центр за глобальное развитие (<i>Center for Global Development, CGD</i>) (США/Великобритания), Институт исследований развития Таиланда
Ассоциации экспертов в области оказания международной помощи	Ассоциации, участвующие в Форуме Северо-Восточной Азии Северо-Восточной Азии в области развития под эгидой ЭСКАТО ООН ¹⁹ ; Шведская сеть экспертов в области развития
Специализированные средства массовой информации	<i>Devex, DevelopmentAid</i>

Источник: составлено автором

ственных и частных компаний, ключевые представители профильных НКО, ведущие эксперты в аналитических центрах могут, действуя в определенных институциональных рамках, оказывать значимое влияние и на официальную позицию той структуры, которую они представляют, и – опосредованно – на механизмы функционирования системы в целом. Для понимания логики работы этих механизмов нужно более под-

робно проанализировать связи как между различными компонентами и элементами, так и между системой и внешней средой.

Логика движения потоков в границах и через границы системы

Понять общую логику функционирования систем с учётом особенностей их архитектуры и состава системообразующих элементов может помочь предлагаемая авто-

¹⁹ UNESCAP. North East Asia Development Forum. URL: <https://www.unescap.org/subregional-office/east-north-east-asia/dcf> (accessed: 15.07.2025).

ром концепция триады ключевых потоков: финансов, кадров и сигналов (импульсов). Обмен ими происходит как в границах системы, так и между системой и средой, через её внешний контур.

Функционирование различных элементов системы обеспечивается за счёт финансовых потоков, идущих от государственных, субгосударственных и муниципальных структур и от частных доноров. Этому также способствует особенность учёта международной помощи, включающей в себя даже те финансовые потоки, которые фактически не покидают финансовых систем государств-доноров. Наибольшая зависимость от решений об общих объёмах ассигнований на международную помощь, а также от формата их распределения наблюдается у элементов «внутренних ядер» обеих подсистем. При этом способность специализированных органов исполнительной власти влиять на эти параметры ограничена их относительно низким статусом во властной иерархии. Это ограничение сохраняется даже при наличии отдельного министра по проблемам развития и его вхождении в состав совета национальной безопасности или другого координационного органа. Тем не менее, согласно отдельным исследованиям, статус и опыт лиц, занимающих данные посты, может оказывать определённое влияние как на количественные параметры бюджетных ассигнований на цели развития [Fuchs, Richert 2018], так и на качественные характеристики государственной политики международной помощи²⁰.

Однако центры принятия ключевых решений, как правило, находятся в неспециализированных структурах, расположенных вне «ядра». В то же время независимые агентства развития и профильные учреждения при отраслевых министерствах, занятые реализацией программ помощи, вынуждены ежегодно обосновывать свои бюджетные запросы — будь то увели-

чение финансирования или его сохранение в условиях экономии. Им необходимо демонстрировать эффективность и отдачу от вложенных средств (*value for money*) [Максимова 2015]. Для элементов «внутреннего ядра» подсистемы 1 ключевым фактором успеха в этой конкурентной борьбе становится привлечение частных организаций и лиц из аналогичного сегмента подсистемы 2 и преобразование их из контрагентов в стратегических союзников. Используя зависимость от средств, поступающих по грантам и контрактам на реализацию проектов международной помощи из бюджета, профильные органы управления подспудно способствуют формированию в сфере содействия международному развитию того, что С. Робертс, в частности, применительно к США называет *development-industrial complex* (по аналогии с военно-промышленным комплексом, сформировавшемся в сфере национальной обороны) [Roberts 2014]. Они поддерживают усилия некоммерческих и коммерческих организаций, направленные на центры принятия финансовых решений (аппараты правительства/администрации президентов и законодательные органы) и призванные, в первую очередь, содействовать увеличению бюджетных ассигнований на цели оказания помощи. В результате симбиотические отношения еще более укрепляются.

Наличие прочных связей между «внутренними ядрами» подсистем в этом смысле может оказывать «амортизирующий» эффект при различных внешних вызовах. Но, как показывает пример англосаксонских стран, оно отнюдь не всегда спасает профильные агентства от реорганизации, а специализированные частные структуры — от полного прекращения их финансирования. При наступлении подобных шоков частные организации оказываются вынуждены диверсифицировать источники дохода, что может вести к частичному

²⁰ См. также: *Gulrajani N. Post-Merger Development Governance in the UK. London: ODI, 2020. P. 9–10. URL: https://media.odi.org/documents/development_governance_publication.pdf (accessed: 31.07.2025)*

их перепрофилированию и перемещению из «внутреннего ядра» в другие области системы.

Обмен финансовыми ресурсами также происходит между системой и внешней средой. Какой бы высокой ни была доля де-юре или де-факто «связанной» помощи, она в любом государстве-доноре меньше доли финансовых ресурсов, сразу же перечисляемых за рубеж по двусторонним или многосторонним каналам²¹. Однако часть средств может возвращаться в систему в случае привлечения национальных подрядчиков международными организациями. Государства-провайдеры могут оказывать только косвенное воздействие на процесс закупок товаров и услуг международными организациями [McLean 2017]. Они, впрочем, могут уменьшать объёмы взносов в их основной бюджет и увеличивать долю целевых взносов на реализацию отдельных проектов, в рамках которых контроль за выбором поставщиков товаров и услуг остаётся за провайдером средств — происходит «билатерализация многосторонней помощи», фиксировавшаяся в качестве одного из магистральных трендов в рассматриваемой сфере уже в начале 2010-х годов²².

Ключевую роль играет и обмен кадрами в границах системы, который идёт постоянно и придаёт особый динамизм их развитию. В западных странах-донорах лучшие специалисты активно перемещаются между подсистемами и за свою карьеру успевают поработать в нескольких органах власти различного уровня, частной корпорации, некоммерческой организации, семейном благотворительном фонде, университете и «мозговом центре». Анализ карьерных траекторий ключевых фигур

в системе позволяет лучше понять логику циркуляции иных потоков, в том числе финансовых, а также структуры неформальных коалиций и сетей, возникающих в ней и особенности работы политического механизма применительно к вопросам оказания международной помощи. При этом большое значение имеет и принадлежность организации, где ранее работал тот или иной специалист, к конкретной области подсистемы — «внутреннему ядру», «внешнему ядру» или «периферии». Различия в «местоположении» этих структур в системе предопределяют оптику, через которую их сотрудники рассматривают политику оказания международной помощи, включая вопросы распределения финансовых потоков и характер сигналов (импульсов), которые они будут генерировать²³. Соответственно, особое значение приобретает и последовательность перемещения этих лиц между различными подсистемами и их областями. Специалисты, которые за карьеру осуществляют наибольшее число таких переходов, с большей долей вероятности будут эффективнее других работать в гибридных структурах, располагающихся на «перемычке» между подсистемами.

Обмен кадрами имеет место и между системой и внешней средой. Граждане той или иной страны, проработав долгие годы в секретариатах международных организаций или в международных НПО, могут в определённый момент вернуться на родину и занять государственные посты. При этом они останутся носителями иной организационной культуры и другого видения, которое могут реализовывать и в новом качестве.

Элементы системы также на постоянной основе обмениваются сигналами (импуль-

²¹ OECD. Report on the Implementation of the DAC Recommendation on Untying Official Development Assistance. 5 September 2022. URL: [https://one.oecd.org/document/DAC/DAC\(2022\)34/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAC/DAC(2022)34/FINAL/en/pdf) (accessed: 29.07.2025).

²² OECD. The Architecture of Development Assistance. Paris: OECD Publishing, 2012. https://www.oecd.org/en/publications/the-architecture-of-development-assistance-2012_9789264178885-en.html (accessed:). P. 16.

²³ О факторе влияния различий в профессиональном опыте лиц, назначаемых на посты министров по делам международного развития в странах-членах КСР ОЭСР, на государственную политику в сфере СМР см.: [Fuchs, Richert 2018].

сами). Речь идёт о нормативных и административных предписаниях, информации, идеях по усовершенствованию политики оказания международной помощи. Наибольшая интенсивность генерации и обработки импульсов наблюдается во «внутреннем ядре» каждой подсистемы, а также в гибридных структурах на «перемычке», которые и созданы для двусторонней передачи таких сигналов. Однако эффективность реализации идей, сгенерированных во «внутреннем ядре», в немалой степени зависит от способности элементов из этой области к формированию устойчивых коалиций с элементами, расположенными во «внешнем ядре» и на «периферии» соответствующей подсистемы. Объединение усилий специализированных и неспециализированных элементов обеспечивает кумулятивный эффект и помогает позиционировать «отраслевые» интересы в качестве общесистемных и даже общенациональных.

Принципиальное значение имеет и обработка сигналов (импульсов), поступающих в систему из внешней среды. Национальные системы испытывают на себе влияние тех процессов, которые протекают вне их границ. Они реагируют на изменения представлений об угрозах безопасности, мировом развитии, эффективности разных форм сотрудничества и другие процессы.

Мощными трансляторами таких импульсов являются и профильные учреждения системы ООН (в том числе Всемирный банк, Международный валютный фонд), но в первую очередь ОЭСР, главным образом её Директорат по сотрудничеству в целях развития. Следует особо упомянуть механизм взаимной оценки (*peer review*), работу которого координирует данный Директорат. Раз в пять лет страны-участни-

цы КСР ОЭСР должны выступать в качестве объекта «аудита», либо «партнёра-аудитора»²⁴. Страны, имеющие статус участника КСР ОЭСР, в свою очередь, могут выступать в роли наблюдателей.

Западные государства, даже обладающие схожими политическими системами, демонстрируют значительное различие с точки зрения абсорбции внешних импульсов и выполнении тех или иных сторонних рекомендаций. Это касается таких аспектов, как снижение доли «связанной» помощи, минимизация фрагментированности системы, делегирование «права собственности» (*ownership*) странам-партнёрам, гармонизация подходов между донорами или обеспечение прозрачности и подотчётности²⁵. Если воспользоваться терминологией Н. Лумана [Луман 2007: 58], идентичные внешние сигналы система в одном государстве может воспринять как «вредные», а в другом — как «полезные». Эффективность адаптационных механизмов систем в разных странах также будет варьироваться. Различия в степени интернализации этих норм международного «мягкого права» будет отражаться и на положении государств-доноров в международных индексах, составляемых профильными аналитическими центрами²⁶. Эти межстрановые различия также обуславливаются совокупностью факторов: ролью государств в международной системе, степенью их суверенности, партийно-политической конфигурацией в государствах-донорах, а также объёмами циркулирующих в системах финансовых ресурсов, размерами «внутреннего ядра» и динамикой самих внутрисистемных связей.

Концепция триады ключевых потоков (финансы, кадры и сигналы), обмен которыми происходит как внутри системы, так и через её внешний контур, позволяет

²⁴ OECD Development Co-Operation Peer Reviews. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-development-co-operation-peer-reviews_23097132.html (accessed: 29.07.2025).

²⁵ Global Partnership for Effective Development Cooperation — Global Dashboard. URL: <https://www.effectivecooperation.org/monitoring-dashboard> (accessed: 29.07.2025).

²⁶ В их числе: Индекс приверженности развитию (Commitment to Development Index), составляемый Центром за глобальное развитие (CSA); Индекс принципиальности провайдеров помощи (Principled Aid Index), составляемый Институтом зарубежного развития (Великобритания) и другие.

повысить дескриптивный и объяснительный потенциал предлагаемого в статье подхода к анализу выбранного объекта исследования. Ее применение помогает, среди прочего, лучше раскрыть политический механизм функционирования систем в заданных институциональных рамках и их развития во времени с учетом как эндогенных, так и экзогенных факторов. В числе прочего она облегчает классификацию конкретных форм внутрисистемных взаимодействий, посредством которых происходит перемещение рассмотренных выше потоков.

Виды внутрисистемных взаимодействий

Большая часть интеракций между властными инстанциями — элементами системы и отдельными их представителями не являются специфическими. Можно выделить несколько основных форм:

- взаимодействие органов исполнительной и законодательной власти на общенациональном уровне в сфере международной помощи осуществляется по нескольким направлениям. Оно включает совершенствование государственного регулирования, парламентский надзор и участие в бюджетном процессе. Конкретные формы надзора предусматривают приглашение представителей ведомств на слушания в профильные комитеты — как специализированные, так и общего профиля, а также направление им письменных запросов²⁷;

- органы исполнительной власти могут взаимодействовать друг с другом через своих официальных представителей в рамках межведомственных органов (комиссий, рабочих групп), объединяющих как специализированные, так и неспециализированные структуры — в том числе и временные, создаваемые, например, для подготовки совместных документов стратегического планирования, которые предусматривают задействование инструментария международной помощи;

- главы ключевых органов государственной власти, могут входить в советы директоров специализированных госкорпораций, участвующих в реализации государственной политики оказания международной помощи, в целях обеспечения проведения единого курса (см. табл. 4).

- сотрудники одного ведомства могут прикомандировываться к другому для повышения эффективности работы в областях, требующих межведомственной координации;

- распорядители бюджетных средств могут производить трансферты средств в другие министерства и ведомства, финансируя те или иные программы оказания международной помощи;

- государственные структуры также взаимодействуют с субгосударственными и муниципальными структурами по вопросам оказания международной помощи в целях обеспечения синергии усилий;

- субгосударственные и муниципальные структуры разных территориальных единиц обмениваются опытом в выстраивании международных связей.

Автономные негосударственные элементы системы развивают собственные модели взаимодействия, в том числе и в сетевом формате.

Профильные частные организации одного типа — как коммерческие, так и некоммерческие — нередко объединяют усилия, в первую очередь в целях сохранения и увеличения объема бюджетных средств, циркулирующих в границах системы и отстаивания других своих интересов. Представители компаний одного сектора объединяются в отраслевые ассоциации, некоммерческие организации («зонтичные» коалиции, университеты), консорциумы, а идеологически близкие аналитические центры запускают совместные проекты по проблемам совершенствования политики международной помощи. В ряде случаев объединения могут создавать и частные лица (например, консультанты или волонтеры).

²⁷ Gulrajani N. Post-Merger Development Governance in the UK. London: ODI, 2020. P. 14–16. URL: https://media.odi.org/documents/development_governance_publication.pdf (accessed: 31.07.2025).

Взаимодействуют и частные организации и лица разного типа, причём относящиеся как к одной, так и к разным зонам соответствующей подсистемы:

- коммерческие и некоммерческие структуры объединяются в «супер-коалиции» — как по отдельным тематическим направлениям, так и в целях совершенствования национальной системы в целом — для масштабирования эффекта от усилий узкоотраслевых ассоциаций;

- коммерческие компании и благотворительные фонды финансируют некоммерческие организации, университеты, независимые аналитические центры, либо поддерживая их программную деятельность в целом, либо предоставляя средства на реализацию отдельных проектов помощи или проведение исследований по отдельным секторальным направлениям. Роль частной благотворительности в национальных системах неуклонно растёт, особенно в условиях сокращения государственных ассигнований, выделяемых на эти цели;

- частные компании и благотворительные фонды (семейные или корпоративные) финансируют обучение граждан развивающихся стран как в государственных, так и в частных национальных образовательных учреждениях;

Государственные, субгосударственные и муниципальные структуры не менее активно осуществляют взаимодействие с автономными частными организациями в пределах одной юрисдикции, причём отнюдь не всегда извне можно достоверно установить, кто первым его инициирует. Можно выделить следующие формы:

- распорядители бюджетных средств разного уровня привлекают частные коммерческие и некоммерческие организации (и реже — частных лиц) для поставок товаров и услуг в рамках реализации программ и проектов помощи, часто прибегая к её «связыванию»²⁸, что облегчает демонстрацию отдачи от вложенных средств;

- распорядители бюджетных средств и негосударственные доноры создают государственно-частные партнёрства для распределения финансового бремени и рисков²⁹;

- государственные органы включают представителей негосударственных структур в советы директоров профильных госкорпораций «внутреннего ядра» и консультативные советы при органах исполнительной власти, располагающиеся на «перемычке» между двумя подсистемами. Такие органы могут становиться площадками для предварительной апробации решений, направленных на усовершенствование политики оказания международной помощи на отдельных секторальных или географических направлениях, или её всеобъемлющую перестройку;

- представители негосударственных организаций участвуют в парламентских слушаниях, посвящённых обсуждению вопросов оказания международной помощи, получая легитимную возможность донести свою позицию и до представителей властей, и до широкой общественности и повлиять на принятие значимых решений;

- коммерческие и некоммерческие организации, в том числе этнические группы, лоббируют свои интересы в органах государственной власти — либо через отраслевые или межотраслевые коалиции, задействуя весь спектр инструментов GR-менеджмента, либо через профессиональные лоббистские фирмы;

- частные организации и лица, в первую очередь относящиеся к «внутреннему ядру» соответствующей подсистемы, регулярно направляют официальные обращения во властные органы по вопросам, связанным с оказанием международной помощи, или письменные комментарии для приобщения их к материалам парламентских слушаний, могут выступать истцами или ответчиками по релевантным судебным делам. В тех случаях, когда система подвергается радикальной реорганизации,

²⁸ Подробнее о практиках «связывания» и «развязывания» ОПР см.: [Petermann 2012].

²⁹ Анализ зарубежной и российской практики взаимодействия государства и транснационального бизнеса в интересах реализации ЦУР см. в: [Старикова 2021].

а регулярные каналы взаимодействия перестают работать, именно обращение в судебные инстанции становится для специализированных НКО, частных коммерческих компаний или индивидуальных сервисных подрядчиков последним шансом отстоять свои права и изменить ход перестройки;

Каждый вид автономных специализированных и неспециализированных негосударственных элементов систем выстраивает свою стратегию взаимодействия с государственными (а также субгосударственными и муниципальными) структурами и квазиавтономными неправительственными организациями с учётом ограничений, налагаемых его организационно-правовой формой и уставом.

Перечисленные форматы взаимодействия элементов систем могут быть представлены не во всех государствах-донорах. Здесь проявляется та же закономерность, которая отмечалась выше при дифференциации элементов: чем дольше государство оказывает международную помощь, тем большее число обозначенных в разделе форматов в нём работают на регулярной основе, обеспечивая функционирование и развитие системы.

* * *

В статье предложено оригинальное определение понятия «национальная система оказания международной помощи». Новизну дефиниции обеспечивает приоритизация такого параметра, как специализация элементов на вопросах оказания помощи. Разделение всех элементов на специализированные и неспециализированные позволяет построить схематическую модель системы в виде совокупности двух тесно взаимосвязанных подсистем: 1) органов государственного и муниципального управления и учреждённых и/или контролируемых ими юридических лиц; 2) частных организаций и лиц. В каждой из подсистем выделяется «ядро», состоящее из внутренней и внешней областей, и «периферия». Данные области различаются по типологическим

характеристикам, специализации составных элементов и «температуре» — интенсивности протекающих в них процессов взаимодействия.

Приведённые в статье классификации неспециализированных и специализированных элементов обеих подсистем обеспечивают высокую степень их детализации. При этом они допускают инкорпорацию новых элементов, которые могут появиться по мере эволюции систем в будущем.

Наконец, представление о триаде наиболее значимых для функционирования системы потоков — финансов, кадров и сигналов (импульсов) — помогло раскрыть логику внутрисистемных взаимодействий, протекающих и в границах подсистем, и между ними, в том числе в рамках гибридных структур, расположенных на «перемычке», а также между системой и внешней средой. На этой основе была произведена систематизация всех гипотетически возможных и выявляемых эмпирически видов взаимодействий между элементами.

С точки зрения автора, представленные в статье научные результаты могут внести вклад в формирование научной методологии исследований систем — как кросс-странных, так и ориентированных на детальную проработку единичных кейсов³⁰. Одним из следующих шагов может стать проработка вопросов о сочетании качественных и количественных методов в анализе систем в динамике, а также исследование различных сетевых механизмов, описываемых в том числе современными версиями концепции множественных потоков. Такой анализ должен охватывать особенности функционирования систем в штатном и нештатном режимах, их адаптацию к шокам различной природы и масштаба. Это, в свою очередь, должно помочь формализовать проработку наиболее интересных с научной точки зрения и политически значимых кейсов, подобных перестройке американской системы, запущенной второй администрацией Д. Трампа в 2025 году.

³⁰ Подробнее об эвристических возможностях казусно-ориентированного подхода в сравнительной политологии см.: [Гаман-Голутвина 2025].

Список литературы

- Бартенев В.И. Внутриполитические детерминанты использования инструментов внешней помощи: модель для сборки // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 153–166. DOI: 10.17976/jpps/2014.05.11
- Белецкая М.Ю. Система иностранной экономической помощи США: от Трумэна до Трампа // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. №11–12.
- Гаман-Голутвина О.В. Мозаика страноведческих исследований: казусно-ориентированный подход // Сравнительная политика. 2025. Т. 16. №1. С. 4–24. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-16-1
- Дегтерев Д.А., Ли Янь, Трусова А.А. Российская и китайская системы оказания международной помощи: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. №4. С. 824–838. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838
- Ермолов М.О. Российский механизм международной помощи: незавершенный проект // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 3. С. 134–155. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-03-134
- Иностранная помощь / Под общ. ред. Л.М. Капицы. М.: МГИМО-Университет, 2013. 651 с.
- Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 646 с.
- Максимова А.В. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 1. С. 56–79. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-01-44.
- Национальные стратегии содействия международному развитию / Отв. ред. М.В. Ларионова. М.: Издательский дом Гос. ун-та высшей школы экономики, 2010. 280 с.
- Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации / Под ред. Д.А. Дегтерева и Я.Ли. М.: РУДН, 2023. 263 с.
- Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В.Тогановой, М: ИМЭМО РАН, 2018. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0548-2> 248 с.
- Старикова Е.А. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Роль государства и бизнеса. М.: КНОРУС, 2021. 318 с.
- Шабров О.Ф. Системный подход в политической науке / Современная политическая наука, Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 213–232
- Béland D., Howlett M., Mukherjee I. Instrument Constituencies and Public Policy-Making: An Introduction // Policy and Society. 2018. Vol. 37. No.1. P. 1–13. DOI: 10.1080/14494035.2017.1375249
- The Securitization of Foreign Aid / Ed. by S. Brown, J. Gravingholt. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 267 p. DOI: 10.1007/978-1-137-56882-3
- Burgess B., Custer S. Catalytic Partnerships: Opportunities and Challenges in Mobilizing US Private Sector Resources to Scale America's Contribution to Development Overseas. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2023. 88 p.
- Cho E. Language in Congress: Domestic Constituent Influence in Foreign Aid Decisions. 2021. APSA Preprints. DOI: 10.33774/apsa-2021-sc1s
- Dreher A., Lang V., Reinsberg B. Aid Effectiveness and Donor Motives // World Development. 2024. Vol. 176. 106501. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106501
- Freeman J.L. The Political Process: Executive Bureau — Legislative Committee Relations. New York: Random House, 1965. 146 p.
- Fuchs A., Richert K. Development Minister Characteristics and Aid Giving // European Journal of Political Economy. 2018. Vol. 53. P. 186–204. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2017.08.004
- Gulrajani N. Bilateral Donors and the Age of the National Interest: What Prospects for Challenge by Development Agencies? // World Development. 2017. Vol. 96. P. 375–389.
- Kingdon J.W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. Boston, MA: Little Brown and Company, 1984. 240 p.
- Kim D. Domestic Support for Foreign Aid: Development Firms and Support for Foreign Aid in the US Congress // International Interactions. 2024. Vol. 50. No. 5. P. 839–865 DOI: 10.1080/03050629.2024.2380464
- Lahiri S., Raimondos-Møller P. Lobbying by Ethnic Groups and Aid Allocation // The Economic Journal. 2000. Vol. 110. No. 3. P. 62–79.
- Lancaster C. Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 284 p.
- Lundsgaarde E. The Domestic Politics of Foreign Aid. Abingdon: Routledge, 2013. 268 p.

- McLean E.V.* The Politics of Contract Allocation in the World Bank // The Review of International Organizations. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 255–279. DOI: 10.1007/s11558-017-9272-5
- Milner H.V., Tingley D.* The Political Economy of US Foreign Aid: American Legislators and the Domestic Politics of Aid // Economics and Politics. 2010. Vol. 22. No.2. P. 200–232 DOI: 10.1111/j.1468-0343.2009.00356.x
- Petermann J.H.* Between Export Promotion and Poverty Reduction: The Foreign Economic Policy of Untying Official Development Assistance. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2012. 423 p. DOI: 10.1007/978-3-658-00048-6
- Pericoli A.* Understanding Gulf States' Foreign Aid: A Conceptual Framework // The International Spectator. 2025. P. 1–18. DOI: 10.1080/03932729.2025.2510985
- Roberts S.* Development Capital: USAID and the Rise of Development Contractors // Annals of the American Association of Geographers. 2014. Vol. 104. No. 5. P. 1030-1051. DOI: 10.1080/00045608.2014.924749
- Ripley R.B., Franklin G.A.* Congress, the Bureaucracy, and Public Policy, Revised edition. Homewood, Ill.: Dorsey, 1980. 250 p.
- Reinsberg B., Dellepiane S.* Development Co-Operation by European Regions: Introducing the Subnational Donor Governance Dataset // Development Policy Review. 2022. Vol. 40. No. 6. P.e12608. DOI: 10.1111/dpr.12608
- Shi X., Hoebink P.* From Chengdu to Kampala: The Role of Subnational Actors in China's Foreign Aid // Journal of Contemporary China. 2019. Vol. 29. No.121. P. 125–140. DOI: 10.1080/10670564.2019.1621534
- Van Belle D.A., Rioux J.-S., Potter D.M.* Media, Bureaucracies, and Foreign Aid: A Comparative Analysis of the United States, the United Kingdom, Canada, France and Japan. New York: Pgrave Macmillan, 2004. 188 p. DOI: 10.1057/9781403973481
- Van der Veen A.M.* Ideas, Interests and Foreign Aid. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 312 p. DOI: 10.1017/CBO9780511842177
- Wang Y.* Chinese NGOs "Going Out": Depoliticisation and Diplomatisation // Journal of Contemporary Asia. Vol. 55. No. 2. P. 249–275. DOI: 10.1080/00472336.2024.2305916
- Zhang D., Smith G.* China's Foreign Aid System: Structure, Agencies, and Identities // Third World Quarterly. 2017. Vol. 38. No. 10. P. 2330–2346. DOI: 10.1080/01436597.2017.1333419

NATIONAL SYSTEM OF INTERNATIONAL AID PROVISION AN ANALYTICAL FRAMEWORK*

VLADIMIR BARTENEV

HSE University, Moscow, 101000, Russia

Abstract

This article develops a conceptual framework for analyzing national systems of international aid provision. It proposes an original definition of such systems that accounts for the multidimensional nature of this phenomenon and the plurality of actors and roles in the twenty-first century. The novelty of the approach lies in prioritizing specialization in aid-related activities. Dividing all elements into specialized and unspecialized allows for an abstract model of the aid system as a totality of two closely interconnected subsystems: (1) bodies of state and municipal governance and legal entities established and/or controlled

* The author would like to thank two anonymous reviewers and the journal's editorial team for their valuable comments, which helped to improve the quality of the work.

by them; (2) private entities and individuals. Within each subsystem, a core – comprising inner and outer zones – and a periphery are distinguished. These zones differ in the degree of specialization of their elements and in their “temperature”, that is, the intensity of interaction. The central and “hottest” area is the inner core, which includes a bridge of hybrid structures belonging simultaneously to both subsystems. The article differentiates between unspecialized and specialized elements, drawing on examples from foreign states and the Russian Federation, and identifies three key flows for system functioning: financial resources, personnel, and signals (impulses). It analyzes the circulation of these flows within the system and between the system and its external environment and systematizes empirically observable forms of interaction between different types of elements. The findings contribute to the development of a methodology for case-oriented and cross-country studies of international aid systems, including their specific features, functioning, and adaptation to shocks of different origins and scales.

Keywords:

foreign aid, international development cooperation, system, model, donor countries, state institutions, sub-state structures, municipalities, private organizations

References

- Baranovskii V.G., Kvashnin Yu.D., Taganova N.V. (eds.) (2018). *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki: zarubezhnyi opyt* [International development assistance as foreign policy tool: Foreign experience]. Moscow, IMEMO Publ. 248p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0548-2
- Bartenev V.I. (2014). Vnutripoliticheskie determinanty ispol'zovaniya instrumentov vneshnei pomoshchi: model' dlya sborki [Domestic Political Determinants of Foreign Aid Instruments: A Model Kit]. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 153–166. DOI: 10.17976/jpps/2014.05.11
- Béland D., Howlett M., Mukherjee I. (2018). Instrument Constituencies and Public Policy-Making: An Introduction. *Policy and Society*. 2018. Vol. 37. No.1. P. 1–13. DOI: 10.1080/14494035.2017.1375249
- Beletskaya M.Yu. (2020). Sistema inostrannoi ekonomicheskoi pomoshchi SShA: ot Trumena do Trampa [The U.S. Foreign Economic Aid System: From Truman to Trump]. *USA & Canada: economics, politics, culture*. Vol. 50. No. 11–12.
- Brown S., Gravingholt J. (eds.) (2016). *The Securitization of Foreign Aid*. London: Palgrave Macmillan UK. 267 p. DOI: 10.1007/978-1-137-56882-3
- Burgess B., Custer S. (2023). *Catalytic Partnerships: Opportunities and Challenges in Mobilizing US Private Sector Resources to Scale America's Contribution to Development Overseas*. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary. 88 p.
- Cho E. (2021). Language in Congress: Domestic Constituent Influence in Foreign Aid Decisions. *APSA Preprints*. DOI: 10.33774/apsa-2021-sc1s
- Degterev D., Li Y. (2023). *Rossiiskaya i kitaiskaya pomoshch' stranam Azii i Afriki: sravnitel'nyi analiz i perspektivy koordinatsii* [Russian and Chinese Aid to Asia and Africa: Comparative Analysis and Prospects for Coordination]. Moscow: RUDN University. 263 p.
- Degterev D., Li Yan, Trusova A.A. (2017). Rossiiskaya i kitaiskaya sistemy okazaniya mezhdunarodnoi pomoshchi: sravnitel'nyi analiz [Russian and Chinese Systems of Development Cooperation: A Comparative Analysis]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 17. No. 4. P. 824–838.
- Dreher A., Lang V., Reinsberg B. (2024). Aid Effectiveness and Donor Motives. *World Development*. Vol. 176. P. 106501. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106501
- Ermolov M.O. (2015). Rossiiskii mekhanizm mezhdunarodnoi pomoshchi: nezavershennyyi proekt [The Russian Framework for International Assistance: An Unfinished Plan]. *International Organisations Research Journal*. Vol. 10. No. 3. P. 134–155. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-03-134
- Freeman J.L. (1965). *The Political Process: Executive Bureau – Legislative Committee Relations*. New York: Random House. 146 p.
- Fuchs A., Richert K. (2018). Development Minister Characteristics and Aid Giving. *European Journal of Political Economy*. Vol. 53. P. 186–204. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2017.08.004
- Gaman-Golutvina O.V. (2025). Mozaika stranovedcheskikh issledovaniy: kazusno-orientirovannyi podkhod [Mosaic of Regional Studies: A Case-Oriented Approach]. *Comparative Politics*. Vol.16. No.1. P. 4–24. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-16-1
- Gulrajani N. (2017) Bilateral Donors and the Age of the National Interest: What Prospects for Challenge by Development Agencies? *World Development*. Vol. 96. P. 375–389. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.03.021
- Kapitsa L. (ed.) (2013). *Inostrannaya pomoshch' [Foreign Aid]*. M.: MGIMO University. 651 p.

- Kim D. (2024). Domestic Support for Foreign Aid: Development Firms and Support for Foreign Aid in the US Congress. *International Interactions*. Vol. 50. No. 5. P. 839–865. DOI: 10.1080/03050629.2024.2380464
- Kingdon J.W. (1984). *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Boston, MA: Little Brown and Company. 240 p.
- Lahiri S., Raimondos-Møller P. (2000). Lobbying by Ethnic Groups and Aid Allocation. *The Economic Journal*. Vol. 110. No. 3. P. 62–79.
- Lancaster C. (2007). *Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics*. Chicago: University of Chicago Press. 284 p.
- Larionova M. (ed.) (2010). *Natsionalnye strategii sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu* [National Strategies on Development Assistance: Toolkit]. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics. 280 p.
- Luman N. (2007). *Sotsialnye sistemy: Ocherk obshchei teorii* [An Essay on General Theory]. Saint Petersburg: Nauka. 656 p.
- Lundsgaarde E. (2013). *The Domestic Politics of Foreign Aid*. Abingdon: Routledge. 268 p.
- Maximova A. V. (2015). Chto tsenim, to i otsenivaem: otsenka rezul'tativnosti sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu [Measure What You Treasure: Evaluating the Effectiveness of Development Assistance]. *International Organisations Research Journal*. Vol. 10. No. 1. P. 56–79. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-01-44
- McLean E.V. (2017). The Politics of Contract Allocation in the World Bank. *The Review of International Organizations*. Vol. 12. No. 2. P. 255–279. DOI: 10.1007/s11558-017-9272-5
- Milner H.V., Tingley D. (2010). The Political Economy of US Foreign Aid: American Legislators and the Domestic Politics of Aid. *Economics and Politics*. Vol. 22. No. 2. 200–232 DOI: 10.1111/j.1468-0343.2009.00356.x
- Pericoli A. (2025). Understanding Gulf States' Foreign Aid: A Conceptual Framework. *The International Spectator*. P. 1–18. DOI: 10.1080/03932729.2025.2510985
- Petermann J.H. (2012). *Between Export Promotion and Poverty Reduction: The Foreign Economic Policy of Untying Official Development Assistance*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden. 423 p. DOI: 10.1007/978-3-658-00048-6
- Reinsberg B., Dellepiane S. (2022). Development Co-Operation by European Regions: Introducing the Subnational Donor Governance Dataset. *Development Policy Review*. Vol. 40. No. 6. P.e12608. DOI: 10.1111/dpr.12608
- Ripley R.B., Franklin G.A. (1980). *Congress, the Bureaucracy, and Public Policy*, Revised edition. Homewood, Ill.: Dorsey. 250 p.
- Roberts S. (2014). Development Capital: USAID and the Rise of Development Contractors. *Annals of the American Association of Geographers*. Vol. 104. No. 5. P. 1030–1051. DOI: 10.1080/00045608.2014.924749
- Shabrov O.F. (2019). Sistemnyi podkhod v politicheskoi nauke [System Approach in Political Science] / Gaman Golutvina O., Nikitin A. (eds.). *Sovremennaya politicheskaya nauka, Metodologiya* [Contemporary Political Science: Methodology]. Moscow: Aspect Press. P. 213–232
- Shi X., Hoebink P. (2019). From Chengdu to Kampala: The Role of Subnational Actors in China's Foreign Aid. *Journal of Contemporary China*. 2019. Vol. 29. No. 121. P. 125–140. DOI: 10.1080/10670564.2019.1621534
- Starikova E.A. (2021). *Ustoichivoe razvitie v menyayushchemsya mire. Rol' gosudarstva i biznesa* [Sustainable Development in a Changing World. The Role of Government and Business]. Moscow, KNORUS Publ. 318 p.
- Van Belle D.A., Rioux J.-S., Potter D.M. (2004). *Media, Bureaucracies, and Foreign Aid: A Comparative Analysis of the United States, the United Kingdom, Canada, France and Japan*. N.Y.: Pgrave Macmillan. 188 p. DOI: 10.1057/9781403973481
- Van der Veen A.M. (2011). *Ideas, Interests and Foreign Aid*. Cambridge: Cambridge University Press. 312 p. DOI: 10.1017/CBO9780511842177
- Wang Y. (2024). Chinese NGOs "Going Out": Depoliticisation and Diplomatisation. *Journal of Contemporary Asia*. Vol. 55. No. 2. P. 249–275. DOI: 10.1080/00472336.2024.2305916
- Zhang D., Smith G. (2017). China's Foreign Aid System: Structure, Agencies, and Identities. *Third World Quarterly*. 2017. Vol. 38. No. 10. P. 2330–2346. DOI: 10.1080/01436597.2017.1333419

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ ВО ВЬЕТНАМЕ В АМЕРИКАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ В ОТНОШЕНИИ ВОЙН В АФГАНИСТАНЕ И ИРАКЕ

ЛАРИСА ДЕРИГЛАЗОВА

Томский государственный университет, Томск, Россия

Резюме

Настоящее исследование сосредоточено на изучении осмысления крупных военных кампаний Соединенных Штатов Америки в первые два десятилетия XXI века, осуществленных в Афганистане и Ираке, с учетом влияния памяти о войне во Вьетнаме (1965–1973). Данный конфликт обусловил формирование специфического феномена, обозначаемого как «вьетнамский синдром», который характеризуется состоянием глубокого социально-политического кризиса американского общества в 1970–1980-е годы. Специфическим выражением этого явления стало нежелание политической элиты и неприятие со стороны общества использования США военной силы. Память и уроки войны во Вьетнаме является неотъемлемой частью любого обсуждения возможности применения военной силы США. Целью статьи является выявление дискурсивных практик и сообществ и роли памяти о войне во Вьетнаме в этих обсуждениях. По результатам исследования можно выделить несколько дискурсов о военных и политических уроках войн, что отражается в дискурсивных практиках выделяемых сообществ. В общественно-политическом дискурсе, который представлен в публицистике, журналистских расследованиях, общественном мнении, война обсуждается с точки зрения потерь и затрат, которые не были оправданы, легитимности начала войн и ответственности политиков, принимавших решения о начале войн. Такие дискурсивные практики сформировались в период войны во Вьетнаме и повторяются при обсуждении войн в Афганистане и Ираке и отражают дискурс «жертвы» с точки зрения критического дискурса-анализа. Политики, принимавшие решения о начале войн, склонны оправдывать легитимность начала войн и перекладывают ответственность на исполнителей военных действий и тех президентов, кто принимал решения о выводе войск. Военные обсуждают свой опыт участия в войнах и склонны возлагать ответственность за неудачи на политиков, инициировавших войны, подчеркивая сложность или невозможность достижения поставленных политических целей военными средствами. Сходные дискурсивные практики отражены в документах Конгресса США и правительственных ведомствах, которые контролируют выделение средств на ведение войн и их использование. Для этих сообществ характерен дискурс «исполнителей» и обращение к подобным проблемам реализации военных кампаний в прошлом как «урокам», которые оказались не вполне выученными.

Ключевые слова:

уроки войны; Вьетнам; США; память; общественно-политический дискурс; дискурсивные сообщества; дискурсивные практики; Афганистан; Ирак

Исследование выполнено в рамках программы развития Томского государственного университета «Приоритет 2030».

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2025

Дата принятия к публикации: 22.10.2025

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: dlarisa@inbox.ru

Начало XXI века нередко отсчитывают от терактов 11 сентября 2001 года, которые стали основанием для начала «войны против террора», инициированной и возглавляемой США [Сафранчук, Сушенцов 2024]. Две военные кампании — в Афганистане (2001–2021) и Ираке (2003–2011) — стали самыми масштабными и продолжительными¹ со времён войны во Вьетнаме (1965–1973) и вызвали широкое обсуждение в американском обществе и экспертных кругах. В США, начиная с 1970-х годов, сформировался особый жанр аналитики, публицистики и официальных документов, посвящённых памяти о военных конфликтах и «урокам войн». Понятие «урока» подразумевает критическое осмысление процесса планирования и ведения боевых действий. Публичный характер этих дебатов, в которых принимают участие представители различных общественно-политических кругов, позволяет проанализировать особенности американского дискурса по поводу войн в Афганистане и Ираке.

Память о войне во Вьетнаме, основанная на личном опыте полумиллиона ветеранов войны и их семей, прочно укоренена в политической и культурной жизни США. Ей посвящено значительное количество исследовательской, публицистической литературы и мемуаристики. Ежегодно выходят новые публикации, включая жанр популярной литературы для детей [Prados, 2009; Dittmer 2025]. Основная причина сохраняющего интереса к первой неудачной войне США заключается в попытке понять причины поражения Америки, усвоить «уроки» и избежать повторения неудач. Поражение США во Вьетнаме было политическим, а не военным, и стало основанием для разработки теории асимметричного конфликта, которая объясняет причины парадоксального поражения военного гиганта в борьбе против слабого противника [Mask 1975].

Д.В. Кузнецов подробно проанализировал влияние памяти о войне во Вьетнаме на американское общественное мнение по вопросу использования военной силы США [Кузнецов 2016]. Российские ученые-американисты и специалисты по международным отношениям активно исследуют использование США военной силы в XXI веке и влияние американского силового фактора на международные отношения [Уткин 2005; Батюк, Володин, Дьякова 2012; Согрин 2014; Сушенцов 2014; Андреев 2024; Ермаков 2019; Kashin, Sushentsov 2024; Safranchuk 2024].

Целью данной статьи является анализ дискуссий об уроках военных кампаний в Афганистане и Ираке, и то, какую роль в этих дискуссиях играет память о войне во Вьетнаме. Новизна исследования заключается в попытке представить различные сообщества и публичные площадки, где обсуждают данные военные кампании, через призму *концепции памяти* как способа интерпретации и сохранения личного опыта и коллективного осмысления прошлого. А. Ассман выделяет три уровня памяти: индивидуальный, коллективный и культурный. Индивидуальная память представляет собой переживание и сохранение непосредственного опыта; коллективная память является политической памятью нации; культурная память отражается в создании «внешних медийных носителей и институтов», которые формируют «долговременную социальную память» [Ассман 2016: 110–119]. Ассман полагает, что то, «что мы зовём коллективной памятью, — на самом деле не память, не воспоминание, а условность, конвенция, соглашение: вот это важно, и вот это и есть история о том, как это случилось, с иллюстрацией в виде картинки, закрепляющей эту историю в нашем сознании» [Ассман 2014: 27]. Коллективная память выражается в осмыслении прошлого и сохранении его в истории для

¹ Несмотря на то что военная операция в Афганистане осуществлялась в рамках НАТО, а в Ираке воевала «коалиция желающих» из 49 стран, военное присутствие США было решающим. На пике военных действий в Афганистане размещалось до 100 тыс. американских военных, в Ираке — 160 тыс. Всего в конфликтах приняли участие более 2 млн американских военнослужащих.

«стабилизация коллектива» и «выработки чёткого, однозначного ориентира для будущего». Коллективная память «всегда представляет собой политически инструментализированную память» [Ассман 2016: 113].

Выбранная оптика статьи позволяет выделить особенности *дискурсивных практик* как устойчивых действий, формирующих интерессубъективное знание, общие смыслы и ценности [Иссерс 2012], обозначить *дискурсивные сообщества* с характерными для них подходами и оценками, и выявить место этих дискурсивных сообществ во властных отношениях [Водак 2011; ван Дейк 2013]. Учитывая значительное количество работ на эту тему, при подготовке данной работы были отобраны только некоторые публикации с учётом их типичности для определённого дискурсивного сообщества. В начале статьи будут представлены память и «уроки Вьетнама» в США, затем — основные направления дискуссий по поводу войн США в XXI веке. В заключении будут сделаны выводы о том, какую роль играет память об «уроках» в общественно-политических дискурсе и о специфике соответствующих дискурсивных сообществ и дискурсивных практик.

Память о войне во Вьетнаме и её уроках

Война во Вьетнаме оказала заметное влияние на политику и общественное мнение в США, и оценивается большинством американцев как негативное событие в истории страны². Война, в которой погибли более 58 тыс. американских военнослужащих и более 300 тыс. получили ранения, вызвала самое массовое антивоенное дви-

жение в истории США³. Вмешательство США должно было остановить распространение коммунизма в странах Юго-Восточной Азии, привела к росту антиамериканских настроений во всём мире, включая критику со стороны союзников США. В 1973 г. был отменён призыв на военную службу, и армия США стала формироваться на контрактной основе. Закон «О военных полномочиях», принятый в ноябре 1973 года, усилил власть Конгресса и ограничил право президента на применение военной силы. Закон обязывает президента получать одобрение Конгресса на любое использование вооружённых сил и регулярно отчитываться перед Конгрессом о ходе военных действий и необходимости их продолжения не реже чем каждые полгода⁴.

Война во Вьетнаме сформировала так называемый «вьетнамский синдром», а именно глубокий социально-политический кризис американского общества в 1970–1980-е годы, ставшую следствием неудачного хода военных действий США во Вьетнаме. Специфическим выражением этого явления стало нежелание политической элиты и неприятие со стороны общества использования США военной силы. Эта реакция включает в себя отрицательное отношение общества к использованию военной силы (антиинтервенционизм); низкий уровень доверия к военным и политическим институтам страны; кризис внешнеполитического курса вследствие потери общественной поддержки; опасение инициировать войны, которые могут подорвать легитимность политического лидерства. Слово «Вьетнам» стало нарица-

² Можно обратиться к монографии Д.В. Кузнецова «Тень Вьетнама над Америкой. Американское общественное мнение и использование военной силы США после войны во Вьетнаме (1973–2009 гг.)» СПб.: Нестор-История, 2016. 752 с., которая содержит подробные приложения с результатами опросов общественного мнения в США об отношении американцев к различным военным кампаниям. Отношение к войне во Вьетнаме остаётся самым негативным на протяжении десятилетий.

³ Число погибших увеличивается, так как к нему добавляют умерших ветеранов войны, уточнённые данные о пропавших без вести и военнопленных. Информация доступна на официальном портале архива США. URL: <https://www.archives.gov/research/military/vietnam-war/casualty-statistics> (accessed: 09.07.2025).

⁴ H.J.Res. 542 — 93rd Congress (1973–1974): Joint resolution concerning the war powers of Congress and the President. Public Law 93-148. H.J. Res. 542; 87 Stat. 555; approved November 7, 1973, 93rd Cong. URL: <https://www.congress.gov/bill/93rd-congress/house-joint-resolution/542> (accessed: 09.07.2025).

тельным и прочно утвердилось в политическом лексиконе, а лозунг «Больше никаких Вьетнамов» (*No more Vietnams*) является устойчивым антиинтервенционистским призывом.

Военный историк Алистер Хорн назвал одну из глав своей монографии «Чёрная дыра: Вьетнам», используя метафору Генри Киссинджера, бывшего государственным секретарём при президенте Ричарде Никсоне. Киссинджер писал о войне во Вьетнаме как об «определяющем опыте второй половины XX века» и «чёрной дыре в американской исторической памяти» [Horne 2009: 35]. Он отмечал, что «опыт Вьетнама оставил глубокий отпечаток в психике Америки, хотя история по-своему сохранила его наиболее поучительные уроки» [Kissinger 1996: 701]. Мелвин Лэйрд, занимавший пост министра обороны в администрации Никсона, писал, что «в США сформировалась боязнь войны, сильное отвращение к интервенции даже во имя справедливой цели и неуверенность в своей способности выйти из войны после её начала», и что «достаточно прошептать “другой Вьетнам”, и руки потеют» [Laird 2005: 7]. Считается, что «вьетнамский синдром» был преодолен в период президентства Рональда Рейгана, что выразилось в восстановлении доверия американцев к вооружённым силам, решении проблемы комплектования армии и росте патриотизма. В 1980-е годы были возведены мемориалы ветеранам войны в Вашингтоне, что символизировало смягчение общественного отношения к участникам непопулярной войны. Стоит отметить, что эти мемориалы визуально передают не гордость, а скорбь и сожаление о потерянных жизнях американских солдат, и являются местом паломничества родственников и сослуживцев погибших [Horne 2009: 35]. Эти мемориалы контрастируют по своему посылу с другими военными мемориалами, находящимися в этой же анфиладе Национального молла в центре Вашингтона⁵.

«Уроки Вьетнама» составляют важную часть памяти об этой войне, и одним из первых документов этой традиции является меморандум, подготовленный в мае 1975 г. Киссинджером для президента США Джеральда Форда. В меморандуме Киссинджер использовал выражение «уроки Вьетнама», которые должны стать «всеобъемлющим катехизисом» по поводу опыта США в войне, оказавшей «всеобъемлющее влияние» на американское общество. Основной посыл меморандума заключался в необходимости обеспечить поддержку внешней политике США со стороны американского общества. Киссинджер выделил следующие «уроки»: 1) необходимость учёта партийных разногласий по поводу ведения войны; 2) важность сбалансированного освещения хода войны средствами массовой информации; 3) ускорение процесса выделения средств на ведение войны и их использование; 4) обоснование масштаба американского военного присутствия; 5) правильный выбор стратегии ведения войны против революционных движений; 6) обсуждение поддержки политических сил и политических процессов в стране, в которой идёт война; 7) неэффективность открытой дипломатии в переговорах по поводу завершения войны; и 8) вопросы моральных оснований вступления в войну, её ведения и последующего выхода. В меморандуме не звучало сожаления по поводу начала войны, а в заключении документа говорилось о том, что многие критики войны не ценят тех выгод, которые война во Вьетнаме дала США и их союзникам в Азии [Kissinger 1975]. Для Киссинджера «уроки Вьетнама» заключаются в недопущении раскола общества и политической элиты по поводу военных действий и внешней политики, и в предотвращении негативного влияния войны на вооружённые силы.

В 1981 г. на страницах журнала *International Security* были опубликованы материалы дискуссии о влиянии Вьетнамской

⁵ National Mall and Memorial Parks. URL: <https://www.nps.gov/nama/index.htm> (accessed: 22.07.2025).

войны на внешнюю политику США. В обсуждении приняли участие авторитетные американские эксперты: Стэнли Хоффман, Самюэль Хантингтон, Эрнест Мэй, Томас Шеллинг и Ричард Нойштадт. Они выделили следующие военные и политические «уроки войны» во Вьетнаме: 1) сложность достижения победы в ограниченной войне; 2) неспособность демократических стран к ведению затяжных ограниченных войн; 3) невозможность достижения победы развитыми странами в войнах против слабых противников, которые навязывают партизанские и террористические стратегии ведения войны; 4) участие регулярной армии в освободительных войнах против партизан приводит к дегуманизации поведения военнослужащих, падению морали и к проявлению жестокости; 5) ошибочные опоры на разрозненные политические силы в попытке создать новое политическое устройство [Schelling et al. 1981]. Шеллинг полагал, что «вместе с Вьетнамом заканчивается целая эпоха, для которой была характерна уверенность в неизбежности победы великой индустриальной державы в борьбе против маленькой, бедной, отсталой страны». Он также указал на парадоксальный «урок Вьетнама», который заключается в том, что такие «уроки» никогда не усваиваются [Schelling et al. 1981: 9, 12]. Ключевой темой этой дискуссии стало опровержение базовой для стратегического анализа предпосылки о том, что военное превосходство гарантирует победу в войне.

В 1995 г. были опубликованы мемуары Роберта Макнамары, занимавшего пост министра обороны в администрациях Джона Кеннеди и Линдона Джонсона, — «Вглядываясь в прошлое: трагедия и уроки Вьетнама». Макнамара давал негативную оценку войне и подчёркивал, что она «причинила Америке колоссальный вред». Он признавал, что люди в администрациях Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, принимавшие решения, «чудовищно ошибались», хотя и руководствовались «национальными принципами и традициями» в соответствии с американскими ценностями [Макнамара 2004: 36]. Сам Макнамара был одним из

инициаторов масштабного военного вмешательства США во Вьетнаме, которое привело к росту американского военного присутствия с 16 тыс. военных советников в 1963 г. до полумиллионной армии к середине 1960-х годов. Он выделил одиннадцать причин поражения США во Вьетнаме, которые можно суммировать следующим образом:

— *Ошибки восприятия и понимания ситуации*: неправильная оценка геополитических намерений противников и преувеличение опасности их действий для США; ограниченность в понимании истинных интересов других стран и народов; перенос собственного опыта, образа жизни и мыслей на население и политическую элиту Вьетнама; «глубокое невежество и незнание истории, культуры и политики» других народов и «привычек их лидеров»;

— *Ошибки стратегии, построенной на преобладании в военной силе, и недооценка невоенных факторов*: непонимание ограниченности возможностей применения передовой военной техники и стратегий в борьбе против «национальных движений с их нетрадиционными формами борьбы и высокой степенью мотивации действий народа»; недооценка мобилизующей силы национализма; неспособность обеспечить поддержку войны внутри США и сохранить единство нации в отношении к этой войне [Макнамара 2004: 338–341].

Макнамара указывал, что США должны заручаться поддержкой международного сообщества при осуществлении военных акций и формировать военные коалиции с другими странами, особенно «при отсутствии прямой угрозы» для США. Прогнозируя развитие международных отношений в XXI веке, Макнамара отмечал, что США должны очень осторожно относиться к участию в ограниченных войнах и быть готовыми «к сокращению операций, а затем и выводу войск, если выяснится, что степень возможного риска или предполагаемая цена не позволяют достичь желаемых нами ограниченных целей» [Макнамара 2004: 350].

Таким образом, память о войне во Вьетнаме представлена на индивидуальном,

коллективном (политическом) и культурном уровне. На индивидуальном уровне память о Вьетнаме сохраняется среди ветеранов войны и их семей. Создание в 1980-е годы мемориалов в Вашингтоне стало актом культурной памяти, призванным закрепить это травмирующее событие в социальной и политической памяти нации. Индивидуальный и коллективный уровень памяти отражён в мемуарах военных и политиков, которые пытались определить причины политического поражения США во Вьетнаме через призму «уроков войны» — как военных, так и политических. К военным урокам можно отнести обсуждение всего комплекса вопросов, связанного с ведением военных действий и способностью достичь поставленных политических целей военным средствами. Политические уроки заключаются в обсуждении процесса принятия решения о начале военных действий и влиянии войны на внутреннюю и внешнюю политику США. К политическим урокам стоит отнести вопрос о необходимости вступления США в войну в поддержку одной из сторон внутреннего вооруженного конфликта и успешность политики экспорта демократии.

Можно говорить о нескольких характерных дискурсах по поводу войны во Вьетнаме и соответствующих им дискурсивных сообществах. Для публицистов, общества и ветеранов войны характерен взгляд на проигранную войну через призму человеческих потерь и национального унижения. Политики, участвовавшие в принятии решений в период войны, анализируют допущенные ошибки и причины провала военной кампании без осуждения самого решения о начале войны. Дискурс исследователей сосредоточен на необходимости пересмотра подходов к стратегическому анализу и роли военных факторов для достижения

политических целей, глобальной роли США, целесообразности вмешательства во внутренние процессы других стран. Военные чаще всего критикуют политическое руководство страны, которое определяло цели войны, принимало решения о применении военной силы без учёта оперативных возможностей, недостаточно обеспечивало вооружённые силы ресурсами для ведения боевых действий, а также определяло условия и сроки вывода войск.

Войны в Афганистане и Ираке в общественно-политическом дискурсе США

Обе крупные военные кампании США в XXI веке — в Афганистане и Ираке — негативно оцениваются американским обществом и экспертами, их постоянно сравнивали с войной во Вьетнаме, понятие «уроки войны» сопровождало все этапы кампаний — от планирования до завершения⁶. Важнейший аспект критики заключается в том, что военные кампании, которые были частью «войны против террора», не позволили достичь поставленных целей, а напротив, ухудшили ситуацию на Ближнем Востоке и способствовали распространению международного терроризма. За выводом американских войск из Ирака в декабре 2011 г.⁷ последовал рост влияния ИГИЛ⁸, борьба международного сообщества с которым завершилась только в 2019 году. Вывод американских войск из Афганистана в августе 2021 года, завершившийся стремительным приходом к власти «Талибана», нивелировал все результаты двадцатилетних усилий по демократизации страны.

Активное обсуждение этих вопросов продолжается на различных уровнях. Примером может служить доклад Комитета по международным делам в Конгрессе США.

⁶ Ignatius D. The painful lessons of Iraq // Washington Post. 13.03.2013. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/david-ignatius-ten-years-later-recalling-iraqs-hard-lessons/2013/03/20/5a05890c-90d7-11e2-bdea-e32ad90da239_story.html (accessed: 09.07.2025).

⁷ После вывода основных американских войск, в Ираке остались около 50 тыс. американских военных, которые обеспечивали обучение местных сил безопасности и обеспечивали безопасность американских и международных представителей и компаний.

⁸ ИГИЛ признанно террористической организацией на территории Российской Федерации.

С января 2023 по январь 2025 г. было проведено около 20 интервью с высокопоставленными представителями администрации Дж. Байдена⁹ в дополнение к опубликованному в 2021 г. расследованию о «стратегическом провале вывода войск» комиссией Конгресса¹⁰. Характерно, что эту комиссию возглавил депутат республиканец, и критиковались действия администрации, возглавляемой президентом-демократом, хотя решение и условия вывода были подписаны в Дохе в феврале 2020 г. в период президентства Д. Трампа с представителями движения «Талибан».

Результаты опросов общественного мнения свидетельствуют, что большинство американцев считает расходы на ведение войн в Ираке и Афганистане несоизмеримыми с достигнутыми результатами. Согласно статистике, 64% ветеранов и 62% граждан США негативно оценивают войну в Ираке (против 33% и 32% положительных оценок соответственно); в отношении афганской кампании негативные оценки составляют 58% среди ветеранов и 59% среди общего населения при 38% и 36% положительных отзывов соответственно¹¹. Исследовательский центр *Pew Research* приводит данные опросов, которые позволяют увидеть проявление «вьетнамского синдрома» в период президентства Линдона Джонсона и Ричарда Никсона, когда произошло падение доверия американцев к правительству. Данные опросов показывают некоторое восстановление доверия при Рональде Рейгане и Джордже Буше-

старшем, и рост доверия в начале президентства Дж. Буша-младшего, который инициировал две крупные военные кампании. Доверие к правительству постоянно снижалось в ходе второго срока президентства Дж. Буша-младшего и оставалось низким при президентах Бараке Обаме, Дональде Трампе и Джозефе Байдене, когда боевые действия в Афганистане и Ираке продолжались и завершались. Опросы показывают, что в настоящее время в США сформировался самый низкий за историю наблюдений уровень доверия к правительству¹².

Можно говорить о системном кризисе двухпартийной системы США, который отчётливо проявился в ходе президентских выборов 2008, 2012, 2016, 2020 и 2024 годов. Каждый из победивших на выборах президентов — Б. Обама, Д. Трамп, Дж. Байден и вновь Д. Трамп — уделяли большое внимание в своих президентских кампаниях вопросу о прекращении войн, обещая более эффективное решение этой проблемы по сравнению с их предшественниками. Однако ни одному из них не удалось полностью выполнить эти обещания. Можно утверждать, что неудачные и дорогостоящие военные кампании в Афганистане и Ираке стали существенным, хотя и не единственным фактором политического кризиса в стране. Недавний опрос *Gallup* подтверждает устойчивую тенденцию партийного разделения страны по большинству вопросов, включая вопросы национальной и военной безопасности¹³.

⁹ House Foreign Affairs Committee GOP. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/investigative-work-getting-answers-on-the-disastrous-afghanistan-withdrawal/> (accessed: 09.07.2025).

¹⁰ McCaul M. A 'Strategic Failure': Assessing the Administration's Afghanistan Withdrawal // U.S. House of Representatives. 117th Congress. <https://foreignaffairs.house.gov/wp-content/uploads/2022/08/HFAC-Republican-Interim-Report-A-22Strategic-Failure22-Assessing-the-Administrations-Afghanistan-Withdrawal.pdf> (accessed: 09.07.2025).

¹¹ Ruth I. and Parker K. Majorities of U.S. veterans, public say the wars in Iraq and Afghanistan were not worth fighting // Pew Research. 10.07.2019. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/07/10/majorities-of-u-s-veterans-public-say-the-wars-in-iraq-and-afghanistan-were-not-worth-fighting/> (accessed: 09.07.2025).

¹² Public Trust in Government: 1958–2024 // Pew Research Center. 24.06.2024. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2024/06/24/public-trust-in-government-1958-2024/> (accessed: 09.07.2025).

¹³ Neither Party Dominates in Favorability or Trust // Gallup. 21.10.2025. URL: <http://news.gallup.com/poll/696635/neither-party-dominates-favorability-trust.aspx> (accessed: 22.10.2025).

В Соединенных Штатах активно обсуждают измеримые последствия военных кампаний, часто обозначаемые как «цена войны» — людские потери и финансовые затраты. Один из проектов, который собирает и публикует информацию о «цене войны», реализуется в Институте международной и публичной политики Уотсона в Университете Брауна¹⁴. Публикации проекта основаны на официальных данных Министерства обороны США о погибших и раненных в ходе военных действий после сентября 2001 года. Согласно этим данным, в Афганистане погибли 2324 американских военнослужащих, в Ираке — 4599¹⁵. Общие безвозвратные потери США составили 7053 человека, к которым следует добавить более 8 тыс. погибших сотрудников частных охранных компаний, несших службу в Афганистане и Ираке. Всего потери США в войнах XXI века составили около 15200 человек. Несмотря на продолжительность и масштабность военных кампаний США в Афганистане и Ираке, американские потери в войнах XXI века почти в четыре раза меньше потерь во Вьетнаме. Примечательно, что статистика самоубийств среди ветеранов афганской и иракской кампаний превышает боевые потери вчетверо. Можно отметить, что США заручились международной поддержкой для ведения военных действий, и делали упор на использование местных вооружённых сил. Потери среди афганских и иракских военнослужащих и полицейских значительно превзошли американские: свыше 69 тыс. и 52 тыс. человек соответственно¹⁶. Жертвы среди гражданского населения,

особенно в Ираке, были существенными, однако точная численность погибших остаётся предметом дискуссий.

Сопутствующим войне расходом является государственная помощь ветеранам войн и их семьям. Программы поддержки ветеранов войн стали важной частью восстановления образа армии и решения проблемы комплектования вооружённых сил после отмены призыва на военную службу в 1973 году. Активное использование военной силы США после окончания «холодной войны» привело к резкому увеличению числа ветеранов и росту соответствующих государственных расходов. Всего через войны XXI века прошли от 1,9 до 3 млн военнослужащих и более половины из них находились в зоне военных действий не менее двух раз. Количество раненных и получивших инвалидность среди военнослужащих превышает показатели предыдущих войн. Более 1,8 млн ветеранов имеют официально признанную инвалидность вследствие участия в войне, более половины из них имеют тяжёлые степени инвалидности и более 40% ветеранов получают пожизненно выплаты по нетрудоспособности. Этот показатель почти вдвое превышает данные по ветеранам всех предыдущих войн США, включая Вторую мировую войну. По подсчётам проекта, стоимость выплат ветеранам «войны против террора» достигнет 2,2–2,5 трлн долларов США к 2050 году¹⁷.

Значимой составляющей «цены войн» являются государственные расходы и рост государственного долга США за последние 20 лет. Всего с сентября 2001 г. США истра-

¹⁴ The Costs of War project // Thomas J. Watson Jr. School of International and Public Affairs. Brown University. URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/about> (accessed: 07.09.2025).

¹⁵ Crawford N., Lutz C. Human cost of Post-9/11 Wars: Direct War Deaths in Major War Zones, Afghanistan & Pakistan (Oct. 2001 – Aug. 2021); Iraq (March 2003 – Aug. 2021); Syria (Sept. 2014 – May 2021); Yemen (Oct. 2002–Aug. 2021) and Other Post-9/11 War Zones // Thomas J. Watson Jr. School of International and Public Affairs. Brown University. 01.09.2021. URL: https://watson.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/papers/2021/Costs%20of%20War_Direct%20War%20Deaths_9.1.21.pdf (accessed: 07.09.2025).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ U.S. Military, Veterans, Contractors & Allies // Thomas J. Watson Jr. School of International and Public Affairs. Brown University. URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/costs/human/military> (accessed: 09.07.2025).

тили на ведение боевых действий и связанных с ними расходов около 5,8 трлн долларов США¹⁸. Государственный долг достиг исторически высокого уровня и составил в 2024 г. 35,46 трлн долларов США, увеличившись в 3,5 раза после 2001 г. с 10,28 трлн долларов США¹⁹. Государственный долг США сегодня превышает ВВП страны.

Другие направления дискуссий включают обсуждение причин и легитимности начала войн [Pffigner 2009], оценку возможности достижения поставленных целей, выбор стратегии ведения военных действий, политику постконфликтного восстановления и «государственного строительства», а также вопросы завершения военных действий и вывода войск. В этих дискуссиях постоянно упоминается понятие «урока» как необходимости учёта допущенных ошибок при одновременном сравнении с опытом Вьетнама. Тезис об ошибочности решения о начале войны в Ираке озвучен Томасом Риксом, лауреатом Пулитцеровской премии за книгу «Фиаско: Американская военная авантюра в Ираке». В своём труде Рикс отмечал, что «решение о начале войны в 2003 г. было самым худшим внешнеполитическим решением за всю историю США», и Ирак в ближайшем будущем не сможет стать ни стабильным и демократическим государством, ни надёжным союзником США в регионе [Ricks 2006]. Последующие годы подтвердили обоснованность этих выводов. Бывший президент Совета по внешней политике Ричард Хаас охарактеризовал военную кампанию США в Ираке как «войну по выбору» и «плохой выбор» стратегического поведения США в сложившихся геополитических условиях: у США было множество других вариантов действия, которые были более предпочтительными и менее затратными с точки зрения материальных

и людских потерь и упущенных возможностей [Haas 2009].

Активно обсуждается вопрос легитимации боевых действий через обеспечение общественной поддержки, получения одобрения в Конгрессе и финансирования войн. Исследователи отмечают, что общественная поддержка была обеспечена ложными посылами политиков и ошибочными представлениями о возможности достижения поставленных целей [Doherty, Kiley 2023]. В этом отношении важно обратиться к мемуарам политиков, принимавших решение о начале войн. В 2010-е годы были опубликованы воспоминания бывшего президента США Дж. Буша-младшего [Bush 2010], помощника президента по национальной безопасности и госсекретаря в Кондолизы Райс [Rice 2011], министра обороны Доналда Рамсфелда [Rumsfeld 2011] и вице-президента Ричарда Чейни [Cheney 2015]. Прочтение мемуаров показывает, что ни один из политиков не считает, что начало войн было ошибочным, и все они называют схожий набор причин, обосновывающих их необходимость. Более того, Чейни возлагает ответственность за неудачу в войнах на президента Б. Обаму, который «разрушил двухпартийный консенсус по внешней политике», тогда как первое десятилетие «войны против террора» Чейни оценил как «триумф». Аналитики, в свою очередь, не поддерживают тезис Р. Чейни об успешности военных кампаний [Lebovic 2010; Tierney 2021]. Важно помнить, что присутствие американских войск и условия их вывода из Ирака принимались администрацией Буша-младшего. Аналогичная ситуация наблюдалась и при выводе американских войск из Афганистана: решение о выводе и его условиях было принято администрацией Трампа, тогда как практическая реализация этого

¹⁸ Crawford N. The US Budgetary Costs of the Post 9/11 Wars // Thomas J. Watson Jr. School of International and Public Affairs. Brown University. 01.09.2021. URL: https://watson.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/papers/2021/Costs%20of%20War_U.S.%20Budgetary%20Costs%20of%20Post-9%2011%20Wars_9.1.21.pdf (accessed: 09.07.2025).

¹⁹ What is the National Debt? // Fiscal Data. U.S. Department of the Treasury. URL: <https://fiscaldata.treasury.gov/americas-finance-guide/national-debt/#the-growing-national-debt> (accessed: 09.07.2025).

процесса осуществилась уже при администрации Байдена, завершив двадцатилетний период военного присутствия США в стране.

В отличие от политиков, военные, принимавшие участие в военных действиях, повторяют тезис, укorenившийся ещё со времён Вьетнамской войны: они несут ответственность за решения, которые не принимали, были вынуждены выполнять приказы, направленные на достижение политических целей, недостижимых военными средствами [Spiller 2013; Dempsey 2019]. Среди публикаций самых известных военных, принимавших участие в этих войнах, стоит выделить генерала Стэнли Маккрystal [McChrystal 2014] и генерала Дэвида Петреуса [Petraeus, Collins, White 2017; Petraeus, Roberts 2023]²⁰. Главные уроки, которые выделяют генералы, касаются особенностей современных войн, где регулярная армия борется против повстанцев и террористов при поддержке местного населения. Маккрystal призывает к необходимости выработки особого порядка действий. Петреус, в свою очередь, подчёркивает, что прежде чем «вторгаться в страну, её нужно действительно понимать в деталях и нюансах, необходимо тщательно продумывать вероятность достижения поставленных целей и способы выхода из конфликта» [Petraeus et al. 2017: 162]. Схожим образом обсуждаются вопросы стратегии и тактики ведения войн против партизан и террористов на страницах специализированных журналов [Moustakis, Chaudhuri 2007; Marshall 2007; Etzioni 2015; Snyder 2022].

Тема демократического переустройства страны в результате внешнего вмеша-

ства во внутренние гражданские войны регулярно затрагивается в работах публицистов, аналитиков, военных и правительственных экспертов. Наличие официальных интернет-страниц основных правительственных ведомств и Конгресса США даёт возможность анализировать документы, в которых отражены оценки хода военных кампаний и проблемы демократической «реконструкции» Афганистана и Ирака²¹. В 2006 г. был опубликован доклад созданной по поручению Конгресса США группы по изучению Ирака [Baker, Lee 2006]. Примечательно, что её возглавили конгрессмены от Демократической и Республиканской партий – Ли Хэмилтон и Джеймс Бейкер соответственно²². Доклад примечателен тем, что в нём оценивалось положение в Ираке и предлагались возможные пути решения ухудшавшейся ситуации после трёхлетней военной оккупации страны, что контрастирует с аргументами в мемуарах Чейни. В докладе также подчёркивалась невозможность реализации программ политического и экономического восстановления и демократизации страны после полного разрушения военной и политической системы Саддама Хусейна в 2003 году. В числе ключевых рекомендаций указывались необходимость более широкого международного участия в процессе восстановления страны, усиление потенциала местных органов власти в обеспечении безопасности и разработка плана вывода американских войск из Ирака²³.

Важной темой является обсуждение эффективности использования выделенных средств на реконструкцию, которые проводят Счётная палата и Генеральный инспектор США. Примером такой работы

²⁰ Оба генерала успели побывать и героями, и антигероями. Маккрystal, добившийся значительных успехов в ходе боевых действий в Афганистане в 2000-е годы, вступил в конфликт с политическим руководством страны по поводу невозможности достижения намеченных политических целей. Карьера Петреуса на посту директора ЦРУ была непродолжительной из-за громкого скандала.

²¹ Стоит отметить, что доступность этих материалов значительно сократилась после 2022 года, когда стал блокироваться доступ к этим сайтам из России.

²² Baker J., Lee H. et al. The Iraq Study Group Report. New York: Vintage Books, 2006. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-IRAQSTUDYGROUP/pdf/GPO-IRAQSTUDYGROUP.pdf> (accessed: 09.07.2025).

²³ Ibid., P. 37–39, 43–50.

является создание двух ведомств — Специального генерального инспектора по делам реконструкции Ирака в 2004 г. (*SIGIR — Special Inspector General for Iraq Reconstruction*), и Специального генерального инспектора по делам реконструкции Афганистана (*SIGAR — Special Inspector for Afghanistan Reconstruction*)²⁴ в 2008 году, которые должны были предоставлять ежеквартальные отчёты для Конгресса и правительства США. Один из первых таких отчётов, получивших широкое обсуждение, был опубликован под названием «Тяжёлые уроки: опыт реконструкции Ирака» в 2009 году. В нём говорилось о нецелевой растрате средств и о том, что восстанавливаемые объекты вновь разрушаются в ходе продолжающихся военных действий. Основная идея отчёта сводилась к сложности оценки эффективности использования выделяемых средств и высокому риску злоупотреблений²⁵.

Таким образом, в дискуссии об уроках войн США в Афганистане и Ираке можно выделить несколько дискурсивных сообществ с характерными для них практиками. Для американского общества и ветеранов войн фокусом обсуждения является «цена войны», людские потери и влияние войн на экономику и общество. Политики, принимавшие решение о начале войн, пытаются оправдать необходимость проведения данных военных кампаний, даже когда очевидным является их провал. Высокопоставленные военные концентрируются в своих оценках на достижимости политических целей военными средствами и возлагают ответственность на политиков за принимаемые решения о начале войн. В докладах Счётной палаты и Комиссий Конгресса представлен дискурс об эффективности используемых средств и достижимости поставленных целей — политических и экономических.

Заключение: выученные и невыученные уроки

Общественно-политические дискуссии в США по поводу войн в Афганистане и Ираке во многом повторяют обсуждение уроков войны во Вьетнаме. Основанием для этого сравнения является проблема достижения политических целей военными средствами и негативное отношение к ним большинства американцев. В США обсуждают ошибки в принятии решений о начале военных действий, негативное влияние войны на вооружённые силы и американское общество. Дискуссии идут и в отношении неправильных оценок собственных возможностей и сил противника, а также ошибочных толкований намерений противника: эксперты анализируют тактику и стратегию США, ищут пути достижения победы в ограниченной войне против противника, использующего не прямые формы борьбы, а также исследуют ошибки постконфликтного восстановления. Важной составляющей дискуссий является оценка потерь и материальных затрат и соотношение их с достигнутыми результатами.

Можно выделить несколько форматов и участников обсуждения уроков военных кампаний в Афганистане и Ираке: материалы правительственных ведомств и Конгресса США, аудиторские проверки; мемуары политиков; публикации участников боевых действий; исследования; журналистские расследования и опросы общественного мнения. Каждый из этих форматов подразумевает разный фокус обсуждения, стиль и цель. На основе приведённых публикаций можно выделить несколько дискурсивных сообществ и дискурсивных практик.

Первое сообщество представлено публицистами, экспертами, исследователями, специалистами в области изучения общественного мнения и американской общест-

²⁴ Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction // An official website of the United States Government. URL: <https://www.sigar.mil/> (accessed: 09.07.2025).

²⁵ Hard Lessons: The Iraq Reconstruction Experience. Office of the Special Inspector General for Iraq Reconstruction. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 2009. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA493696.pdf> (accessed: 09.07.2025).

венностью. Для них характерен критический взгляд на войны с учётом потерь, цены для общества и достигнутых результатов. Память о Вьетнамской войне проявляется здесь в последовательном осуждении конфликтов, нанесших ущерб как американскому обществу, так и международному престижу США. Обе войны — в Афганистане и Ираке — оцениваются как внешнеполитическая ошибка и как затратные авантюры, которые дорого стоили стране, и долгосрочные негативные последствия которых ещё недостаточно ясны. Этот широкий формат общественных дискуссий отражает дискурсивные практики, характерные для ветеранских сообществ и критиков силовой политики США. С точки зрения критического дискурса-анализа, это проявление дискурса «жертвы» и массового недовольства людей, вынужденных «платить» за политические решения, которые они не принимали. Память о войне во Вьетнаме проявлена как постоянный рефрен о жертвенности и необходимости предотвращать повторение ошибочных политических решений. Устойчивость таких дискурсивных практик определяется значительным количеством ветеранов войн и связанными с ними сообществами. Индивидуальная память об этих войнах как о негативном опыте создаёт основу для долгосрочной коллективной политической и культурной памяти.

Политики, принимавшие решение о начале войн, формируют другое дискурсивное сообщество, которое не сожалеет о принятом решении, повторяет тезисы о легитимности военных действий и возлагает ответственность за неудачи на политиков, которые эти войны завершали. Стоит отметить, что обе войны были инициированы президентом-республиканцем, и соглашения об условиях завершения военного присутствия США в Афганистане также принимались республиканскими администрациями. Вывод войск из Ирака и Афганистана был реализован уже при президентах-демократах, что даёт возможность республиканцам перекладывать ответственность на другую партию и её представителей. Это

повторяет логику политиков периода войны во Вьетнаме. В отличие от общественного дискурса, память о Вьетнаме в данном сообществе проявляется не через аналогии, а через их отрицание — через стратегическое дистанцирование от сравнения с вьетнамским опытом. С точки зрения дискурса-анализа, такая риторика характерна для политиков, которые несут или должны нести ответственность за неудачные политические решения. Критическая позиция в отношении хода боевых действий, стратегий восстановления и условий их завершения находит выражение в дискурсе конгрессменов, осуществляющих парламентский надзор. При этом партийная принадлежность не является надёжным предиктором их позиции, что демонстрирует сложность и нелинейность политической оценки военных кампаний.

Ещё одним характерным дискурсивным сообществом являются высокопоставленные военные и представители госаппарата. Тезисы военных созвучны аргументам об уроках войны во Вьетнаме: сложность ведения военных действий против повстанцев, проблемы политической реконструкции, невозможность достижения политических целей военными средствами, сложность завершения войны и вывода войск с опорой на местную политическую элиту. В оценках чиновников, контролирующих использование выделенных на войны средств, повторяется понятие «тяжёлого урока» и аргументы о неэффективности расходования средств на политическую реконструкцию в условиях продолжающихся военных действий. Военные и чиновники представляют характерный дискурс «исполнителей», в котором акцентируется понимание своей подчиненной роли в иерархии политической власти и в выполнении задач, содержание которых они не определяли.

Можно констатировать, что, хотя политики, военные и представители государственных ведомств сохраняют память о войне во Вьетнаме и стараются учесть уроки Вьетнамской войны, это не обеспечило им победы в полномасштабных конфликтах

начала XXI века. Дискуссии о ходе и завершении войн напоминают дискуссии о войне во Вьетнаме, и можно согласиться с тезисом Томаса Шеллинга о том, что подобные «уроки» никогда не выучиваются. С точки зрения влияния опыта «войны против террора» на внешнюю и военную политику США, можно говорить о том, что США будут ограничивать размещение своих военных контингентов в конфликтных зонах и будут предпочитать дистантные формы военного участия в рамках военных коалиций. Такая стратегия подтверждается участием США в военных кампаниях в Ливии, Сирии, Иране, Йемене. Сложно предугадать, насколько долговременным окажется этот курс и когда у США вновь будут готовы к развертыванию значительного воинского

контингента для решения политических задач. После войны во Вьетнаме на это потребовалось почти тридцать лет.

Недавние опросы общественного мнения в США по вопросам внешней политики страны подтверждают наличие двухпартийного консенсуса по четырём национальным приоритетам: защита страны от угроз терроризма, предотвращение распространения ядерного оружия, обеспечение энергетической безопасности и продвижение благоприятных условий для торговли. Помощь другим странам в экономическом развитии, строительстве демократии, продвижении прав человека вызывают партийный раскол и не поддерживаются большинством американцев и основными политическими партиями²⁶.

Список литературы

- Андреев К.М. Эволюция приоритизации военной помощи США при администрациях Трампа и Байдена // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 1. С. 23–38. DOI: 10.20542/afij-2024-1-23-38
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 254 с.
- Батюк В.И., Володин Д.А., Дьякова Н.А. Американская военная политика в XXI веке: региональные аспекты. М.: ИСКРАН, 2012. 147 с.
- ван Дейк Тён А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
- Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4(38). С. 286–291.
- Ермаков С.М. Фактор военной силы в современной стратегии США // Проблемы национальной стратегии. 2019. Т. 5. № 56. С. 97–121.
- Иссерс О.С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2012. 276 с.
- Кузнецов Д.В. «Тень» Вьетнама над Америкой. Американское общественное мнение и использование военной силы США после войны во Вьетнаме (1973–2009 гг.). СПб.: Нестор-История, 2016. 752 с.
- Лата В.Ф., Ульянов А.А., Рычков С.В. Особенности и перспективы военной политики США // Военная мысль. 2022. № 9. С. 125–129.
- Макнамара Р. Вглядываясь в прошлое: Трагедия и уроки Вьетнама. М.: Ладомир, 2004. 409 с.
- Сафранчук И.А., Сушенцов А.А. Интервенция, с которой начался «новый мировой порядок» // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1(125). С. 21–37. DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-1-21-37
- Согрин В.В. Внешняя политика Дж. Буша-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 92–111.
- Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. М.: Аспект Пресс, 2014. 272 с.

²⁶ Saad L. Americans' Foreign Policy Priorities, NATO Support Unchanged. Positive views of foreign trade surge again under Trump // Gallup. 04.03.2025. URL: <https://news.gallup.com/poll/657581/americans-foreign-policy-priorities-nato-support-unchanged.aspx> (accessed: 09.07.2025).

- Уткин А.И. Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 4. С. 29–42. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/doktrina-busha-koncepcziya-razdelivshaya-ameriku/> (дата обращения: 09.07.2025).
- Bush G.W. Decision Points. New York: Broadway Paperbacks, 2010. 497 p.
- Cheney D., Cheney L. Exceptional: Why the World Needs a Powerful America. New York: Threshold Editions, 2015. 336 p.
- Dittmer L. The Vietnam War: 12 things to know. Mankato, MN: Black Rabbit Books, 32 p.
- Dempsey J. Coming to Terms with America's Undeniable Failure in Afghanistan. 11.02.2019. URL: <https://warontherocks.com/2019/02/coming-to-terms-with-americas-undeniable-failure-in-afghanistan/> (accessed: 09.07.2025).
- Doherty C., Jocelyn K. A Look Back at How Fear and False Beliefs Bolstered U.S. Public Support for War in Iraq. March 14, 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2023/03/14/a-look-back-at-how-fear-and-false-beliefs-bolstered-u-s-public-support-for-war-in-iraq/> (accessed: 09.07.2025).
- Etzioni A. COIN: A study of strategic illusion // Small Wars & Insurgencies, 2015. 26(3). P. 345–376. DOI: 10.1080/09592318.2014.982882
- H.J.Res. 542 – 93rd Congress (1973–1974): Joint resolution concerning the war powers of Congress and the President, H.J.Res.542, 93rd Cong. (1973). URL: <https://www.congress.gov/bill/93rd-congress/house-joint-resolution/542> (accessed: 09.07.2025).
- Haas R. War of necessity, war of choice. A Memoir of Two Iraq Wars. N.Y.: Simon & Schuster, 2009. 336 p.
- Hoffmann S., Huntington S., May E., Neustadt R., and Schelling T. Vietnam Reappraised // International Security. 1981. Vol. 6. No. 1. P. 3–26. DOI: 10.2307/2538527
- Kashin V.B., Sushentsov A.A. Warfare in a New Epoch: The Return of Big Armies // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. No. 1(85). P. 32–56. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-32-56
- Kissinger H. Diplomacy. New York, London: Touchstone books, 1996. 701 p.
- Kissinger H. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Ford. Washington, May 12, 1975. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v10/d280> (accessed: 09.07.2025).
- Laird M. Iraq: Learning the lessons of Vietnam // Foreign Affairs, November/December 2005. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20051101faessay84604/melvin-r-laird/iraq-learning-the-lessons-of-vietnam.html> (accessed: 09.07.2025).
- Lebovic J. The Limits of U.S. Military Capability: Lessons from Vietnam and Iraq. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 2010. 312 p.
- Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // World politics. 1975. Vol. 27. No. 2. P. 175–200.
- Marshall A. Managing Withdrawal: Afghanistan as the Forgotten Example in Attempting Conflict Resolution and State Reconstruction // Small Wars & Insurgencies. 2007. Vol. 18. No. 1. 68–89. DOI: 10.1080/09592310601173238
- McChrystal S. My Share of the Task: A Memoir. Penguin Publishing Group, 2014. 496 p.
- Moustakis F., Chaudhuri R. The Rumsfeld Doctrine and the Cost of US Unilateralism: Lessons Learned // Defence Studies. 2007. 7(3). 358–375. DOI: 10.1080/14702430701559263
- Petraeus D., Collins J., White N. Reflections by General David Petraeus, USA (ret.) on the Wars in Afghanistan and Iraq // PRISM. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 150–167.
- Petraeus D., Roberts A. Conflict: The Evolution of Warfare from 1945 to Ukraine. New York: Harper, 2023. 544 p.
- Pfiffner J.P. Decision making in the Bush White House // Presidential Studies Quarterly. 2009. Vol. 39, no 2. P. 363–384. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2009.03679.x.
- Prados J. Vietnam: the history of an unwinnable war, 1945–1975. Lawrence: University Press of Kansas, 2009. 665 p.
- Rice C. No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington. New York: Crown Publishers, 2011. 766 p.
- Ricks T. Fiasco: The American Military Adventure in Iraq. New York: The Penguin Press, 2006. 496 p.
- Rumsfeld D. Known and unknown: a memoir. New York: Sentinel, 2011. 815 p.
- Safranchuk I. The United States' Intervention in Afghanistan: Dysfunction of a Centralized Authority in a Diverse Nation // Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriia i Sovremennost. 2024. No. 1. P. 114–124. DOI: 10.31857/S086919080029218-6.
- Schaeffer K. A year later, a look back at public opinion about the U.S. military exit from Afghanistan. Pew Research Center. August 17, 2022. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/08/17/a-year-later-a-look-back-at-public-opinion-about-the-u-s-military-exit-from-afghanistan/> (accessed: 09.07.2025).

- Snyder R.S.* The Fall of Afghanistan: An American Tragedy // *Small Wars & Insurgencies*. 2022. Vol. 34. No. 4. P. 747–758. <https://doi.org/10.1080/09592318.2022.2159738>
- Spiller H.* Veterans of Iraq and Afghanistan: Personal Accounts of 22 Americans Who Served. McFarland, 2013. 200 p.
- Taylor P. et al.* War and Sacrifice in the Post-9/11 Era. Pew Research Center. 5 October, 2011. URL: / <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/3/2011/10/veterans-report.pdf> (accessed: 09.07.2025).
- Turney D.* Why the United States Is Losing – And Russia and Iran Are Winning // *The Washington Quarterly*. 2021. Vol. 44. No. 3. P. 69–87.

THE MEMORY OF THE VIETNAM WAR IN THE AMERICAN SOCIO-POLITICAL DEBATE REGARDING THE WARS IN AFGHANISTAN AND IRAQ

LARISA DERIGLAZOVA

Tomsk State University, Tomsk, 634050, Russia

Abstract

This study examines how the United States interpreted and framed its major military campaigns in Afghanistan and Iraq during the first two decades of the twenty-first century, taking into account the enduring influence of memories of the Vietnam War (1965–1973). That conflict generated a distinctive phenomenon commonly referred to as the “Vietnam Syndrome,” characterized by profound socio-political disorientation within American society throughout the 1970s and 1980s. The memory and perceived lessons of the Vietnam War remain an integral component of any debate concerning the possible use of U.S. military force. The article aims to identify the relevant discursive practices and communities and to elucidate the role of Vietnam War memory within these debates. The findings indicate the existence of several distinct discourses on the military and political lessons of recent wars, reflected in the discursive practices of the respective communities. In the broader public and political discourse—represented in commentary, investigative journalism, and public opinion—wars are assessed primarily in terms of losses and unjustified costs, the legitimacy of initiating military operations, and the responsibility of political leaders who authorized them. These discursive practices, which first crystallized during the Vietnam War, reappear in discussions of the wars in Afghanistan and Iraq and correspond to a “victimhood” discourse in the sense used in critical discourse analysis. Political leaders responsible for initiating military action tend to justify the legitimacy of the wars and shift responsibility onto military executors and onto the presidents who oversaw troop withdrawals. Military personnel, reflecting on their operational experience, generally attribute responsibility for failures to policymakers who launched the wars, emphasizing the difficulty—or outright impossibility—of achieving political objectives through military means. Comparable discursive practices are found in U.S. Congressional documents and in executive-branch agencies that supervise the allocation and use of funds for war efforts. These communities typically articulate an “executor” discourse and invoke analogous implementation problems from past military campaigns as “lessons” that have been only partially learned.

Keywords:

lessons of war; Vietnam; the United States; memory; sociopolitical discourse; discourse; discourse communities; discourse practices; Afghanistan; Iraq

References

- Andreev K.M. (2024). Evolyutsiya prioritizatsii voennoi pomoschi SSHA pri administratsiyah Trampa i Baidena [Evolution of US military aid priorities under Trump and Biden administrations] // *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. No. 1. P. 23–38. DOI: 10.20542/afij-2024-1-23-38
- Assman A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kultura i istoricheskaya politika* [Long shadow of the past: memorial culture and politics of history]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Assman A. (2016). *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriej* [Oblivion of history – obsession with history] M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 254 p.
- Batyuk V.I., Volodin D.A., Dyakova N.A. (2012). *Amerikanskaya voennaya politika v XXI veke: regionalnye aspekty* [U.S. military policy in the 21st century: regional aspects]. Moscow, ISKRAN. 147 p.
- Bush G.W. (2010). *Decision Points*. New York: Broadway Paperbacks. 497 p.
- Cheney D., Cheney L. (2015). *Exceptional: Why the World Needs a Powerful America*. Threshold Editions. 336 p.
- Ermakov S.M. (2019). Faktor voennoi sily v sovremennoi strategii SSHA [Military power factor in the modern U.S. strategy]. *National Strategy Issues*. Vol. 5. No. 56. P. 97–121.
- Etzioni A. (2015). COIN: A study of strategic illusion. *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 26. No. 3. P. 345–376. DOI: 10.1080/09592318.2014.982882
- Haas R. (2009). *War of necessity, war of choice. A Memoir of Two Iraq Wars*. N.Y.: Simon & Schuster. 336 p.
- Hoffmann S., Huntington S., May E., Neustadt R., Schelling T. Vietnam Reappraised. (1981). *International Security*. Vol. 6. No. 1 P. 3–26. DOI: 10.2307/2538527
- Issers O. S. (2012). *Lyudi govoryat... Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [People say... Discursive practices of our time]. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 276 p.
- Kashin V.B., Sushentsov A.A. (2024). Warfare in a New Epoch: The Return of Big Armies // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. No. 1. P. 32–56. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-1-32-56
- Kissinger H. (1996). *Diplomacy*. Touchstone books: NY, London. 701 p.
- Kuznetsov D.V. (2016). *"Ten" Vietnama nad Amerikoi. Amerikanskoye obschestvennoye mneniye i ispolzovaniye voennoi sily SSHA posle voyny vo Vietname (1973–2009)* [Shadow of Vietnam over America. U.S. public opinion and use of military force after the war in Vietnam (1973–2009)]. Saint-Petersburg. Nestor-Istoriya. 752 p.
- Lata V.F., Ulyanov A.A., Rychkov S.V. (2022). Osobennosti i perspektivy voennoi politiki SSHA [Features and perspectives of the U.S. military policy]. *Military Thought*. No. 9. P. 125–129.
- Lebovic J. (2010). *The Limits of U.S. Military Capability: Lessons from Vietnam and Iraq*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press. 312 p.
- Mack A. (1975). Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict. *World politics*. Vol. 27. No. 2. P. 175–200.
- Marshall A. (2007). Managing Withdrawal: Afghanistan as the Forgotten Example in Attempting Conflict Resolution and State Reconstruction. *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 18. No. 1. P. 68–89. DOI: 10.1080/09592310601173238
- McChrystal S. (2014). *My Share of the Task: A Memoir*. Penguin Publishing Group. 496 p.
- McNamara R. (2004). *Vglyadyvayas v proshloe: tragediya i uroki Vietnama* [In Retrospect: The Tragedy and Lessons of Vietnam]. Moscow: Ladomir. 409 p.
- Moustakis F., Chaudhuri R. (2007). The Rumsfeld Doctrine and the Cost of US Unilateralism: Lessons Learned. *Defence Studies*. Vol. 7. No. 3. P. 358–375. DOI: 10.1080/14702430701559263
- Petraeus D., Collins J., White N. (2017). Reflections by General David Petraeus, USA (ret.) on the Wars in Afghanistan and Iraq. *PRISM*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 150–167.
- Petraeus D., Roberts A. (2023). *Conflict: The Evolution of Warfare from 1945 to Ukraine*. New York: Harper, 2023. 544 p.
- Pfiffner J.P. (2009). Decision Making in the Bush White House. *Presidential Studies Quarterly*. Vol. 39. No. 2. P. 363–384. DOI: 10.1111/j.1741-5705.2009.03679.x.
- Prados J. (2009). *Vietnam: the History of an Unwinnable War, 1945–1975*. Lawrence: University Press of Kansas. 665 p.
- Rice C. (2011). *No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington*. New York: Crown Publishers, 2011. 766 p.
- Ricks T. (2006). *Fiasco: The American military adventure in Iraq*. New York: The Penguin Press. 496 p.
- Rumsfeld D. (2011). *Known and Unknown: a Memoir*. New York: Sentinel. 815 p.
- Safranchuk I. (2024). The United States' Intervention in Afghanistan: Dysfunction of a Centralized Authority in a Diverse Nation // *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriia i Sovremennost*. No. 1. P. 114–124. DOI: 10.31857/S086919080029218-6.

- Safranchuk I.A., Sushentsov A.A. (2024). Intervenciya, s kotoroi nachalsya "noviy mirovoi poryadok" [The Intervention that started "The New World Order"]. *Russia in Global Affairs*. Vol. 22. No. 1. P. 21–37. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-21-37
- Snyder R.S. (2022). The Fall of Afghanistan: An American Tragedy. *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 34. No. 4. P. 747–758. DOI: 10.1080/09592318.2022.2159738
- Sogrin V.V. (2014). Vneshnyaya politika Dzh. Busha-mladshogo. Genezis. Evolyutsiya. Itogi. [Foreign policy of G. Bush Jr. Genesis. Development. Results]. *Novaia i noveishaia istoriya*. No. 2. P. 92–111.
- Sokov I.A. (2024). Usiliya administratsii Dzho Baidena po transformatsii/restavratsii mirovogo poryadka v kontekste amerikanskih pravil [Joe Biden Administration's efforts to transform/restore the world order in the context of American rules]. *Tomsk State University Journal*. No. 498. P. 120–127. DOI: 10.17223/15617793/498/13
- Spiller H. (2013). *Veterans of Iraq and Afghanistan: Personal Accounts of 22 Americans Who Served*. California: McFarland. 200 p.
- Sushentsov A.A. (2014). *Malye voyny SSHA: politicheskaya strategiya SSHA v konfliktakh v Afganistane i Irake v 2000–2010-h godakh* [America's small wars. US Strategy in the Afghan and Iraq Conflicts]. Moscow. Aspekt Press. 272 p.
- Tierney D. (2021). Why the United States Is Losing – And Russia and Iran Are Winning. *The Washington Quarterly*. Vol. 44. No. 3. P. 69–87.
- van Deijk Tyon A. (2013). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication]. M.: LIBROKOM. 344 p.
- Vodak R. (2011). Kriticheskaya lingvistika i kriticheskij analiz diskursa [Critical linguistics and critical discourse analysis]. *Politicheskaya lingvistika*. Vol. 4. No. 38. P. 286–291.
- Utkin A.I. (2005). Doktrina Busha: kontseptsiya, razdelivshaya Ameriku [the Bush Doctrine: the concept that split America]. *Russia in Global Affairs*. Vol. 3. No. 4. P. 29–42.

ОСПАРИВАНИЕ НОРМЫ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. КАРТЕРА В ОТНОШЕНИИ ГРЕНАДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ФОКУСЕ РЕАЛИСТСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

ЕЛЕНА ГЛАЗУНОВА

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

В статье на примере курса, избранного администрацией Дж. Картера в отношении Гренадской революции, рассматриваются попытки реформирования основ внешней политики США. Для исследования данной проблематики автор обращается к реалистскому конструктивизму, предполагая, что в основе определения национальных интересов и формирования внешнеполитической стратегии государства, наряду с укреплением мощи и влияния, лежит его стремление сохранить свою идентичность и следовать определенным ценностным установкам. Посредством легитимации прав человека в качестве основы внешней политики и их трансформации в принцип уважения национального суверенитета латиноамериканских стран Картер пытался бросить вызов доктрине Монро и утвердившейся во время «холодной войны» практике вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Анализируя императивы принятия решений правительством США в отношении Гренады, автор приходит к выводу, что вопреки мнению о выборе Соединёнными Штатами пути конфронтации с революционным правительством Гренады, его дискредитации и подрыва экономической стабильности, во время президентства Картера Вашингтон стремился наладить диалог с новой властью этого островного государства. Пример Гренады, которая вследствие произошедшей в стране внутриполитической трансформации оказалась участником типичного для «холодной войны» интернационализированного конфликта, позволяет проследить логику, противоречия и проблемы реализации обещанной Картером «моральной внешней политики». В результате общей динамики международных отношений и расклада внутриполитических сил в обеих странах эта стратегия не увенчалась успехом и имела последствия, во многом противоположные тем, во имя которых инициировались реформы.

Ключевые слова:

реалистский конструктивизм; категории норм; универсальные и групповые нормы; внешняя политика США; доктрина Монро; Гренадская революция 1979 года; Джимми Картер; Морис Бишоп; права человека; ЦРУ; военное вторжение США в Гренаду

Американское военное вторжение в Гренаду в 1983 году положило конец революционному эксперименту в этой стране. Интервенция не только стала показательным актом резкого поворота внешней

политики Вашингтона после прихода к власти администрации Рональда Рейгана, но и ознаменовала собой начало заключительного периода «холодной войны». Несмотря на локальный характер, этот

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.11.2024

Дата принятия к публикации: 04.09.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: elenanglazunova@mail.ru

конфликт определил траекторию развития международных отношений последнего десятилетия биполярной и начала постбиполярной системы, когда Соединённые Штаты стали ощущать себя единственной и «незаменимой» державой.

В российской историографии общепринятым является мнение, что Вашингтон с самого начала негативно воспринял Гренадскую революцию и стал предпринимать попытки дестабилизации ситуации в стране [Нитобург, Ровинская 1984; Строганова 2012: 59; Тестов 2005: 12]. Эта точка зрения зачастую встречается и в зарубежной литературе [Chomsky 2014: 274; Prados 2006: 463]. Её сторонники используют в качестве первичных источников выступления и интервью лидеров революции или более поздние свидетельства чиновников Народного Революционного Правительства (НРП), риторика которых отражала стремление обвинить американцев в трудностях и бедах своей страны¹.

Вместе с тем революция в Гренаде произошла в марте 1979 года, когда у власти находились демократы во главе с Джимми Картером. До прихода в Белый дом республиканской администрации Рейгана, с именем которого связана резкая переориентация внешней политики Вашингтона и активизация её силового компонента, оставалось два года. Выработка первоначальной стратегии в отношении Гренадской революции выпала на долю Картера, чьё президентство отмечено попытками реформировать внешнюю политику, убрав из неё интервенционистский компонент и утвердив концепт прав человека². Это несоответствие побуждает историков более пристально взглянуть на вопрос о том, насколько конкретные шаги Вашингтона, в частности в отношении Гренадской революции, соответствовали общим установкам администрации. Ответ на него позво-

ляет подтвердить (или опровергнуть) предположение, что ценностные ориентиры американского руководства влияли не только на концептуализацию внешней политики и целевые установки Вашингтона, но и на выбор подходов к определению государственных интересов страны.

Настоящая статья задаётся целью на основе метода анализа конкретной ситуации охарактеризовать реформистскую политику администрации демократов и оценить её результаты. Для исследования данной проблематики мы обращаемся к относительно недавно обозначившемуся внутри конструктивистской парадигмы «реалистскому крылу».

Поставленные задачи обусловили логику изложения материала: первый раздел посвящён основным положениям реалистского конструктивизма и объяснению целесообразности обращения к различным категориям норм — универсальным и групповым. Во второй части рассматривается процесс концептуализации администрацией Картера национальных интересов и основных внешнеполитических подходов США. Здесь же разбирается коллизия различных категорий норм — универсальной нормы (права человека) и групповой нормы (доктрина Монро). В третьем разделе статьи в качестве эмпирического материала представлен анализ политики 39-го Президента США в отношении Гренады после произошедшего там в 1979 году государственного переворота и прихода к власти Народного Революционного правительства во главе с М. Бишопом.

Реалистский конструктивизм

Ключевые понятия и взгляды основных представителей конструктивизма подробно изложены в работах российских учёных [Алексеева 2014; Кочетков 2024], отмечавших среди прочего существование внутри

¹ См., например, *Nobody's Backyard. Maurice Bishop's Speeches, 1979-1983: A Memorial Volume*. Edited by C. Searle. London: Zed Books Ltd, 1984. 260 p.

² Jimmy Carter 1977. *Human Rights and Foreign Policy*. Public Papers of the Presidents of the United States: Jimmy Carter. 1977. Vol.1. No. 954. URL: <https://usa.usembassy.de/etexts/democrac/55.htm> (accessed: 29.08.2025).

данного направления множества течений либо более либерального, либо реалистского толка [Алексеева 2014: 18]. На начальном этапе формирования конструктивистской школы ее приверженцы, изучая роль норм в политике, особое внимание уделяли вопросу о том, каким образом, трансформируясь сами, они способны преобразовывать другие характеристики политического ландшафта [Finnemore, Sikkink 1998: 888]. Стремительные и внушавшие оптимизм изменения мирового порядка в 1990-е годы позволили конструктивистам сделать вывод, что представления людей о «хорошем мире» и о «мире, каким он должен быть», становятся реальностью [Finnemore, Sikkink 1998: 916–917].

Между тем в условиях обострившихся международных конфликтов всех уровней эти утверждения подверглись критике «за ценностно-обусловленную телеологию всего процесса, где либерально-демократические нормы в конце концов неизменно преодолевают сопротивление авторитарных режимов» [Коцур 2019: 163]. Упрёки подобного свойства исходили как со стороны реалистов, так и со стороны самих конструктивистов, считавших, что излишний оптимизм и даже утопизм подобных выводов дискредитирует их подход. На волне этой критики в начале 2000-х годов более явственно стали обозначаться контуры реалистского конструктивизма [Nexon 2004: 527].

Совместить элементы двух парадигм пытались многие исследователи, но наиболее полная попытка сформулировать точки соприкосновения и очертить контуры реалистско-конструктивистского подхода [Jackson, Nexon 2004: 338] принадлежит канадскому исследователю Дж. Сэмюэлю Баркину. Он предложил закрепить этот термин как обозначение одного из общих подходов международно-политической мысли, а не как частнонаучную теорию [Barkin 2004: 349]. Участники продолжающейся и в наши дни дискуссии по вопросу реалистского конструктивизма в качестве исходной позиции неизменно ссылаются на работы Баркина.

По мнению Баркина, восприятие реализма и конструктивизма в качестве взаимно враждебных школ, с одной стороны, лишает реалистов возможности изучать влияние нормативных факторов при анализе политики с позиции силы и ограничивает возможности конструктивистов изучать политику с позиции силы в целом, с другой [Barkin 2010: 4]. Одним из центральных тезисов исследователя является утверждение об отсутствии глубокого разрыва между двумя основными парадигмами. Кажущаяся непримиримость реализма и конструктивизма вырастает из неверного расхождения конструктивизма не столько с реализмом, сколько с рационализмом, к которому последний апеллирует. Противопоставление идеализма и материализма аналогичным образом упрощает сложные отношения между этими двумя подходами.

При этом конструктивисты, в том числе и американские, отвергают обвинения в противопоставлении норм рациональному выбору, утверждая, что в процессе стратегического социального конструирования агенты рационально вырабатывают стратегии для перестройки предпочтений, идентичности или социального контекста. При анализе динамики норм конструктивисты обращают внимание на то, как нормы транслируются в практиках акторов в рационально-стратегической логике. В то же время, сторонники теории рационального выбора включают в анализ идеологические аспекты и значение норм, рассматривая их как важный элемент международных взаимодействий [Finnemore, Sikkink 1998: 916–917].

С точки зрения Баркина, традиционное противопоставление «идей» и «материи» в политической науке формирует искусственную дихотомию, которая смешивает онтологические проблемы с эпистемологическими и тем самым затрудняет построение целостной теоретической модели международных отношений [Barkin 2009: 3]. Автор говорит не просто о реализме и конструктивизме, а о конструктивистской эпистимиологии и классической реалистской теории, подразумевая не совмещение раз-

личных категорий двух парадигм, а осмысление международно-политических проблем одновременно на разных уровнях — эпистемологическом и онтологическом. С одной стороны, реализм не предлагает исследователям оптимальной методологии [Guzzini 2020: 220; Barkin 2010: 171]. Конструктивизм же, с другой, как социальная теория мало обращается к конкретной политике. Критика конструктивистов изначально была направлена на присущий позитивистским подходам эмпиризм [Конышев et al 2016: 96–97]. Баркин, предостерегая исследователей от свойственной реалистской парадигме недооценки метода в изучении международной политики и одновременно от присущего конструктивизму стремления умалить значение политической теории, пытается преодолеть недостатки обоих подходов [Barkin 2010: 4, 162–164].

Баркин предлагает интегрировать накопленные за долгие годы развития реалистской парадигмы эмпирические и онтологические категории³ в свободную от эмпирики объяснительную теорию конструктивизма. Данное предложение вполне согласуется с мнением ведущих российских учёных, оценивающих конструктивизм не в качестве теории, а в качестве «совокупности исходных посылок», то есть методологии. [Алексеева 2014: 4]. Западные сторонники реалистского конструктивизма рассматривают его как осмысление различных слоёв теории «не внутри, а между уровнями теоретизирования» [Guzzini 2020: 219].

Целесообразность обособления реалистского конструктивизма в самостоятельный подход объясняется тем обстоятельством, что в рамках общей характеристики интересов и поведения субъектов международных отношений представители конструктивистской теории всегда значительно различались. Агенты действуют в структурах, определяемых социальными нормами и идеями, а не материальными условиями внешней среды. При этом главные расхождения мнений внутри самого конструкти-

визма сводятся к одной из двух эпистемологий: первая в принципе допускает, что идентифицируемая реальность все-таки существует и может быть исследована эмпирическими методами, вторая — провозглашает в духе берклианского субъективизма, что истинной, независимой от человеческого сознания реальности просто нет, и, следовательно, никакое эмпирическое исследование не имеет смысла [Barkin 2003: 327]. Обоснование реалистского конструктивизма приводится с упором на первую эпистемологию.

Из всех разновидностей реализма наиболее перспективным, с точки зрения онтологии, Баркин считает его неоклассическую версию [Barkin 2020: 67]. Но потенциал этого подхода существенно ограничен приверженностью его сторонников методологии, которая не соответствует ни их теоретическим утверждениям, ни их эмпирическому содержанию. Преобладающим методом, используемым неоклассическими реалистами, является исторический нарратив. Как правило, их интересуют не среднестатистические, а важные внешнеполитические события, поэтому они акцентируют внимание на крупных войнах и конфликтах, а не на повседневном процессе принятия решений. Подобный подход позволяет понять ключевые исторические явления и создать эвристически полезную теорию, но не способствует созданию моделей, пригодных для реализации основной функции международно-политической науки — прогностической. Неоклассические реалисты полагаются на исторический нарратив ещё и потому, что их теории недостаточно определены для количественного или качественного сравнительного анализа [Barkin 2020: 60–61]. В данной ситуации на помощь реализму может прийти конструктивистская методология, которая позволяет объяснить конкретные случаи посредством детального эмпирического анализа. Она может быть особенно полезна при обращении к ситуациям, когда решения принимаются в резуль-

³ Например, государственность, анархию, силу/власть, мораль.

тате случайного стечения обстоятельств, в результате чего процесс выработки таких решений является неструктурированным и непредсказуемым.

Конструктивистская методология способна, главным образом, охватить разные толкования феномена власти, который, хотя и постулируется реалистами как центральный, детально ими не разработан. Речь идёт, *во-первых*, о структурной, безличной, не имеющей отношения к политическим субъектам власти, которую представители критической теории и отчасти конструктивисты понимают как налагаемые социальными институтами ограничения на индивидуальное поведение. *Во-вторых*, важно помнить о предпочитаемой реалистами категории относительности: власть выступает как принуждение и подчинение одного агента другим. Такие нематериальные факторы, как культура, моральный авторитет, сила убеждения и дискурс, конструктивисты рассматривают не отдельно от власти, а в качестве её ресурсов [Barkin 2020: 64].

Согласие с реалистским положением о главенстве власти в сочетании с призывом при описании властных отношений между всеми уровнями социальной субъектности учитывать фактор множественности толкований этого понятия можно обозначить в качестве одного из ключевых тезисов реалистского конструктивизма. Данный тезис высвечивает второй ключевой аспект описываемого подхода — диалектическую связь феноменов власти и этики. Одним из его наиболее важных вкладов является стремление к возрождению морали в качестве центрального компонента исследования [Sterling-Folker 2004: 341]. Концептуализация поведенческих норм как важнейших аспектов международной структуры, возникающих в результате взаимодействия её субъектов с окружающим социумом, с самого начала была одной из главных задач конструктивистов. Тем не менее возникает противоречие между тезисом о том, что ценностные установки сами по себе, в силу внутренней логики, ведут к желаемым политическим изменениям, и конструктивистской онто-

логией, утверждающей их контекстуальную обусловленность и социальную конструируемость. Логически проистекающие из телеологического понимания морали практические рекомендации «просто продвигать правильный набор норм, которые рано или поздно одержат победу над другими на рынке идей», не имеют под собой оснований, поскольку подобные действия могут быть истолкованы как «политика силы, выраженная языком политической морали» [Barkin 2010: 170].

Чтобы снять это противоречие, конструктивистский подход следует укрепить реалистской онтологией и эмпирическими результатами. Тем самым удаётся избежать контрпродуктивной телеологии морали в политике. В этой рамке реалистский конструктивизм фокусируется на: (1) диалектическом взаимодействии идеалов и власти; (2) связи интересов государств и их идентичностей; (3) соотношении нормативных структур и их элементов — формальных и неформальных, включая морально-ценностные. Одновременно реалистский конструктивизм справляется с задачей интеграции в теорию международных отношений нормативного подхода, от которого многие представители разных направлений теории международных отношений, опасаясь обвинений в идеализме и даже наивности, дистанцируются [Barkin 2003: 332].

Наиболее резонансной точкой совпадения логики реализма и конструктивизма является в равной мере важный для обеих парадигм концепт национального интереса. По мнению конструктивистов, внешняя политика и взаимодействие государств, направленные на реализацию национальных интересов не существуют сами по себе, а конструируются представителями элиты и всегда являются результатом их убеждений, морально-ценностных установок и представлений о собственной идентичности. «Прежде чем государства начинают защищать свои интересы, они должны эти интересы определить. ... Государственный интерес формируется в контексте принятых международных норм и представлений о том, что хорошо и правильно», — утверж-

дает видная представительница американской конструктивистской школы М.Финнемор [Finnemore 1996: ix, 1].

На начальных этапах исследования в качестве основного объекта конструктивизма выступает *общественный* интерес, определяемый как совокупность политических целей, intersубъективно реализуемых внутри социальной группы, члены которой имеют общие представления об идентичности и действуют в интересах данной группы. В контексте международных отношений такую группу представляет собой государство, и в этом случае *общественный* интерес совпадает с *национальным*. Реалистский конструктивизм использует и эмпирическую⁴, и intersубъективную трактовку общественного интереса, что отличает его от всех остальных подходов теории международных отношений.

Закрепиться в качестве общепризнанного подхода реалистскому конструктивизму пока не удалось, и многие предложенные принципы анализа до сих пор представляются проблематичными, в том числе, и учёным, которые в целом признают его научный потенциал [Michaels 2022: 101]. Данный подход подвергается критике преимущественно за фактический отход от конструктивизма, который в его трактовке сводится к набору аналитических инструментов [Jackson, Nexon 2004: 338]. Повышенный интерес к власти и морали вынуждает Баркина так часто обращаться к классическому реализму, что в результате возникает вопрос о том, что нового в этот подход вносит конструктивизм [Sterling-Folker 2004: 341]. Некоторые учёные рассматривают реалистский конструктивизм в качестве промежуточного результата кросспарадигмальной дискуссии и предлагают продолжить поиск универсальной метатеории [Sjoberg 2020: 197]. Тем не менее даже те исследователи, которые поначалу восприняли новый подход довольно критически, не отвергают его пользу: с их точки зрения, способность

конструктивизма взять на себя основные объяснительные функции в значительной степени компенсирует ограниченность методологии неоклассических реалистов [Sterling-Folker 2009: 111].

Вместе с тем сторонникам реалистского конструктивизма удалось сформулировать набор допущений, которые могут составить основу обновлённой модели. К наиболее значимым её положениям следует отнести: а) согласие с реалистской идеей приоритета властных отношений в любом социальном коллективе, включая международное сообщество; б) отстаивание (наравне с рациональными расчётами выгоды и затрат) роли идентичности и других идеологических факторов в процессе формулирования государствами своих национальных интересов; в) обоснование совместимости морально мотивированного действия и материальных факторов, в том числе стремления государства к реализации целей, основанных на властных интересах; г) анализ влияния норм на динамику власти и, наоборот, происходящей при её динамике трансформации нормативных программ. Результаты применения этих идей продемонстрированы в ряде опубликованных эмпирических исследований [Crowley-Vigneau et al. 2023; Delacour 2020; Iancu 2020; Michael 2018; Sterling-Folker 2009]. Предложенный Баркином подход не следует трактовать просто как существенный сдвиг в сторону реалистской парадигмы, поскольку, признавая главенствующую роль властных отношений и интегрируя другие важнейшие элементы реалистского подхода, он подчеркивает, что не выходит за рамки конструктивизма [Crowley-Vigneau et al. 2023: 47].

Стремясь уточнить вопрос о влиянии норм на поведение государства с точки зрения реалистского конструктивизма, исследователи из России А. Кроули и А. Байков в соавторстве с У. Уолфортом впервые в исследовательской литературе провели

⁴ Эмпирическая интерпретация национального интереса, по всей видимости, предполагает исследование этой категории как совокупности конкретных, поддающихся наблюдению, фиксации и измерению целей, ресурсов и результатов действий государства.

разграничение двух категорий норм — индивидуальных и групповых [Crowley-Vigneau et al. 2023]. На примере различных кейсов в исследовании было показано, какие механизмы государства используют для интеграции коллективных норм в дискурс прав человека для придания им дополнительной легитимности. Согласно предложенной учеными классификации, первая группа охватывает нормы, относящиеся к правам отдельных лиц. Эти нормы неотъемлемы и универсальны по своей природе, поскольку не принимают во внимание никакие различия между людьми, будь то национальное или социальное происхождение, раса, религия или политические убеждения. Данную категорию, с точки зрения ученых, легче объяснить в рамках конструктивистской парадигмы. К второй группе относятся нормы, касающиеся прав и интересов отдельных групп, будь то отдельные сообщества или целые государства. Эту категорию легче объяснить с реалистских позиций [Crowley-Vigneau et al. 2023: 50].

Реалистский конструктивизм привлёк учёных с точки зрения предоставляемых им возможностей применения теории норм и поиска ответа на вопрос, могут ли нормы одновременно отражать государственные интересы и универсальные принципы. В реалистском конструктивизме ученые увидели потенциал для согласования двух разных взглядов: конструктивистскую трактовку норм как векторов универсальных этических стандартов и реалистскую — как инструментальных каналов трансляции государственных интересов. Именно реалистский конструктивизм, признающий обе трактовки позволяет проанализировать взаимодействие различных категорий норм [Crowley-Vigneau et al. 2023: 44].

Поскольку позицию США в отношении Гренады нельзя рассматривать вне контекста внешнеполитических реформ администрации Картера в целом и общей латиноамериканской стратегии Вашингтона, мы не сможем избежать упоминания о доктри-

не Монро, которая на протяжении двух веков является важнейшим компонентом внешнеполитической идеологии США. С точки зрения реализма, доктрина служит инструментом защиты государственных интересов США⁵. Тем не менее учитывая востребованность этих принципов на протяжении двухсотлетней истории, они представляют собой нечто большее, чем сформулированный два века назад и обоснованный конкретной политической ситуацией национальный интерес. Применение предлагаемого реалистским конструктивизмом сочетания эмпирического и интересубъективного подходов позволяет включить в интерпретацию доктрины эндогенные факторы — идеологию, национальную идентичность и коммуникативный дискурс. В равной степени оно даёт возможность увидеть её социокультурную природу и определить как социальный концепт, вобравший в себя самые разнообразные принципы и идеи — от антиколониализма, суверенитета, невмешательства и права на самоопределение до интервенционизма, империализма, экспансионизма и аннексии.

Доктрина являлась «олицетворением североамериканской внешней политики и даже североамериканского самосознания», «созвездием привязанностей, обладающим силой убеждения для народа США» (согласно утверждению Уолтера Липпмана) [Исэров 2023: 53] и «освящённым авторитетом традиции знаковым идейным конструктом» [Истомин 2023: 11, 42]. Созданная американской политической элитой ещё на заре межамериканских отношений, она за время своего существования сама по себе стала представлять норму. При помощи неё обосновывались действия Вашингтона в западном полушарии, что позволяло американским лидерам игнорировать или преодолевать ограничения, возникающие в процессе принятия внешнеполитических решений. В выбранной нами классификации она должна быть отнесена к второй категории норм, касающихся интересов

⁵ «Принципы 1823 года» и были поначалу не доктриной, а посланием, разъяснявшим великим европейским державам американские национальные интересы.

отдельных групп (отдельного государства), в то время как интегрированная Картером во внешнюю политику норма прав человека представляет собой универсальную первую категорию. Ассоциировавшаяся с принципами доктрины Монро латиноамериканская политика рассматривалась президентом с точки зрения морали и справедливости, что возвращает исследователей к проблеме амбивалентности норм. Определение различных категорий норм предлагает реалистскому конструктивизму более чёткий фокус для понимания проблемы нормативной неопределённости и преодоления «дихотомии, которая представляет нормы как моральные в конструктивистской и аморальные в реалистской перспективе» [Crowley-Vigneau et al. 2023: 59].

Права человека как ключевой аспект реформ

Национальный интерес обусловлен культурно, исторически и политико-идеологически [Косолапов 2016]. Реалистский конструктивизм позволяет определить, что наряду с объективными императивами целесообразности и рациональности, присутствующими конкретному историческому моменту, на процесс его формирования оказывают влияние и субъективные факторы, в частности личностные характеристики конкретных представителей власти, их политическая идентичность и национальное самосознание.

Для более точного понимания логики 39-го президента при определении национальных интересов важно помнить, что он пришёл к власти в очень специфический момент американской истории. Во время президентской кампании 1976 г. дискуссия о моральных основаниях внешней полити-

ки была острой и едва ли не центральной. Уклониться от общепринятого нормативного дискурса не могли ни объединившиеся вокруг губернатора Джорджии «картеровские интернационалисты», ни их оппоненты — сгруппировавшиеся вокруг республиканца Рейгана «консервативные интернационалисты». Картер подвергал сильной критике политику Никсона—Форда—Киссинджера как противоречащую американской системе ценностей: «...Нынешняя администрация ...настолько одержима политикой баланса сил, что часто игнорирует основные американские ценности и обоснованную заботу о правах человека. Мы — великая и могущественная страна, приверженная определённым непреходящим идеалам, и эти идеалы должны быть отражены не только в нашей внутренней, но и во внешней политике»⁶.

Результаты выборов показали, что предвыборная программа демократов тогда в большей степени соответствовала общественным настроениям. Население США, не без проблем завершивших войну во Вьетнаме и переживших Уотергейтский скандал, с пониманием отнеслось к рассуждениям глубоко религиозного⁷, но при этом не вполне ортодоксального лидера демократов о высоко моральном правительстве и его справедливой внешней политике.

Став президентом, Картер многократно возвращался к этой теме. «Мы утратили духовность нации, мы должны стыдиться, что наше правительство делало с другими народами мира...»⁸, — говорил он в момент вступления в должность. Внешняя политика, по его мнению, должна быть в меньшей степени направлена на решение проблем безопасности в узком военном смысле и

⁶ Address to the B'nai B'rith Convention in Washington, DC. 08.09.1976. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-bnai-brith-convention-washington-dc#:~:text=Insofar%20as%20they%20comply%20with,of%20leadership%20in%20recent%20years.&text=Thank%20you> (accessed: 23.08.2025).

⁷ Даже во время президентской гонки Картер не оставил преподавание в воскресной школе для взрослых.

⁸ Jimmy Carter. Inaugural Address and Speech at Notre Dame University. 20.01.1977. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1977-pt2/pdf/GPO-CRECB-1977-pt2-3-2.pdf> (accessed: 23.08.2025).

в большей степени служить общечеловеческим интересам и ценностям.

Необходимо сделать оговорку, что 39-й президент был не единственным, кто призывал утвердить концепт прав человека в практике международных отношений. Хельсинкская декларация 1975 года, включившая обязательства государств в гуманитарной сфере, фактически стала платформой для превращения его в универсальную международную норму. Картер же, исходя из убеждения о ведущей роли Соединённых Штатов в мире, стремился сделать свою страну локомотивом её продвижения и вернуть США пошатнувшиеся позиции «лидера свободного мира». Приняв за основу определение нормы как «подобающего поведения для субъектов с заданной идентичностью» [Finnemore, Sikkink 1998: 891], можно утверждать, что президент действовал в соответствии с традиционным пониманием сути американской внешнеполитической идентичности.

Конструктивистская логика, в рамках которой национальный интерес рассматривается как эмпирическая проблема, помогает понять, почему в конкретный период истории именно права человека стали важны для государственного интереса США и как именно конкретные политики формулировали и реализовывали новые идеи. В то же время с точки зрения реалистского конструктивизма, который в отличие от реализма не следует дедуктивной логике и не постулирует интерес к выживанию государства и накоплению им мощи настолько же минималистично [Barkin 2020: 64], действия 39-го президента могут быть охарактеризованы с позиции рационального целеполагания, что вполне согласуется с реалистской точкой зрения.

Намерение сделать продвижение прав человека центральным элементом внешней политики сопровождалось их конкретным перечислением со стороны администрации. Речь идёт о свободе от посягательств на неприкосновенность личности со стороны государства; праве на удовлетворение жизненно важных потребностей (питание, жильё, здравоохранение и образование); гражданских и политических правах⁹. Особенно Картер акцентировал необходимость соблюдения этих норм государствами «третьего мира» и в отношении этих государств со стороны США, которым больше не следовало отделять традиционные проблемы войны и мира от глобальных вопросов справедливости и прав человека и при этом ожидать, что другие страны будут следовать их диктату. Вместо этого, полагал президент, американцы должны концентрировать усилия на «*вдохновении, убеждении и наставничестве*» [курсив автора — Е.Г.]¹⁰. С самого начала в администрации понимали, что Соединённым Штатам придётся учитывать ограничения в отстаивании прав человека за рубежом и предупреждали, что доктринальный подход, заключающийся в навязывании американских ценностей другим странам, не будет работать¹¹. Суть предлагавшегося демократии реформирования внешней политики заключалась в интеграции прав человека и уважения национального суверенитета стран «третьего мира», признании права народов этих стран на свободу выбора собственного пути социально-экономического развития.

Отдельного внимания в выступлениях президента удостоивались непосредственные соседи США. Помимо общих рассуждений о моральности внешней политики,

⁹ Address by Secretary of State Vance. Human Rights and Foreign Policy. Athens, Georgia. 30.04.1977. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d37> (accessed: 29.08.2025).

¹⁰ Jimmy Carter. Inaugural Address and Speech at Notre Dame University. 20.01.1977. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1977-pt2/pdf/GPO-CRECB-1977-pt2-3-2.pdf> (accessed: 23.08.2025).

¹¹ Address by Secretary of State Vance. Human Rights and Foreign Policy. Athens, Georgia. 30.04.1977. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d37> (accessed: 29.08.2025).

заявления президента свидетельствовали о попытке скорректировать стратегические установки в отношении латиноамериканских стран, перестроить их на основе равенства и главное — рассматривать их не в качестве объектов двустороннего взаимодействия и даже не как участников регионального сообщества, а как часть новой мозаики глобальных связей. Включение развивающихся стран континента в общий список «третьего мира» не без оснований рассматривалось республиканцами в качестве намерения отказаться от особых претензий США на Карибский регион и Латинскую Америку в целом. Для оппонентов Картера отношения Вашингтона с остальной частью полушария, придающие специфический оттенок американской обеспокоенности относительно происходящих в регионе процессов, являлись «историческим фактом»¹². На протяжении всей истории доктрины Монро, США в ответ на оказываемое латиноамериканским странам покровительство требовали от них лояльности и полагали, что географическая близость, традиции и идеи культурной и политической общности, подкрепленные официальными договорами и обязательствами, налагали на них обязательства и ответственность за всё полушарие¹³.

История доктрины Монро, которая поначалу в качестве главной цели провозглашала предотвращение европейского вмешательства и в целом была принята странами Латинской Америки, раскрывает тезис реалистского конструктивизма об «аморальных нормах», которые были приняты в прошлом, но позже стали отвергаться [Crowley-Vigneau et al. 2023: 50].

Учитывая утвердившуюся в XX веке интервенционистскую интерпретацию «Принципов 1823 года», так называемая ответственность за полушарие фактически оправдывала американское вмешательство во внутренние дела стран Латинской Америки, которое трудно было увязать с суверенитетом и правом на самоопределение. Разрешение данного нормативного конфликта Картер видел в отказе от патернализма и переходе к отношениям, основанным на партнёрстве. Публично президент не критиковал доктрину Монро, избегая малейшего упоминания о ней, но осудил американские модели вмешательства и сотрудничество с правыми антикоммунистическими диктатурами в регионе¹⁴, ранее рассматривавшимися в качестве союзников в «холодной войне». Сосредоточившись на ситуации с правами человека в этих странах, он фактически подверг делегитимации один из её ключевых принципов — интервенционизм.

В отличие от своего преемника республиканца Рейгана, Картер не имел явно выраженной политической идеологии. Концептуализировать и реализовывать задуманные подходы президенту помогала подобранная команда. Государственный секретарь Сайрус Вэнс, прежде служивший в должности заместителя министра обороны в правительстве Линдона Джонсона и ушедший в отставку из-за несогласия с политикой США во Вьетнаме, разделял взгляды президента относительно необходимости морального возрождения страны, которая, давая повод отождествлять свою внешнюю политику с репрессиями, «всегда рискует платить высокую цену»¹⁵. Вопреки традиционной характеристике Збигнева

¹² A Study of U.S. Policy Toward Latin America (NSSM 15). Washington. 05.07.1969. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve10/d4#:~:text=1.,of%20withdrawing%20from%20this%20relationship> (accessed: 29.08.2025).

¹³ Ibid.

¹⁴ Во время предвыборной кампании Картер особенно жёстко критиковал администрацию Никсона за вмешательство во внутренние дела Чили.

¹⁵ Human Rights and Foreign Policy. Address by the Honorable Cyrus Vance Secretary of State before the University of Georgia Law Day Ceremonies Athens, Georgia. April 30, 1977. P. 17. URL: https://digitalcommons.law.uga.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1015&context=lectures_pre_arch_lectures_lawday (accessed: 29.08.2025).

Бжезинского как одного из главных вашингтонских «ястребов», помощник по национальной безопасности, хотя и не был в эмоциональном плане столь же активным сторонником идеи прав человека, как Картер, по многим позициям являлся его единомышленником. Задолго до публичных выступлений будущего президента он говорил о необходимости пересмотра политики с южными соседями и отказе от идеи особых отношений с ними на фоне усиления идеологического влияния США в мире. Он считал, что расширяющаяся социальная база латиноамериканского национализма способствует его радикализации и делает его все более враждебным по отношению к США. В связи с этим Бжезинский рекомендовал признать, что «в новую глобальную эпоху географическая межамериканская сопряжённость больше не является непреложным императивом политики», и предлагал Соединённым Штатам отступить от доктрины Монро и перевести отношения с латиноамериканскими странами «на тот же уровень, что и взаимодействие с остальным миром, ограничившись акцентом на культурно-политическом сходстве...» [Brzezinski 1970: 108]. Часто возникавшее, особенно в последний год правления демократов, несогласие по принципиальным вопросам и в целом непрязненные отношения двух главных помощников президента — Бжезинского и Вэнса — в меньшей степени касались именно латиноамериканского направления внешней политики. По свидетельству самого Бжезинского, наоборот, чтобы минимизировать остроту серьёзных конфликтов по другим проблемам, в этой области они старались найти больше точек соприкосновения¹⁶. За координацию работы администрации по вопросам политики в области прав человека, а также реализацию непосредственно её латиноамерикан-

ского направления отвечал заместитель государственного секретаря Уоррен Кристоферсон. Он имел репутацию практического идеалиста, на протяжении политической карьеры отличавшегося стремлением избегать силовых решений в пользу переговоров. Одной из первостепенных фигур в администрации стал известный либеральными взглядами эксперт по Латинской Америке, бывший представитель США в Организации Американских государств (ОАГ) Сол Линовец, попавший в команду благодаря опубликованному ещё в 1974 г. докладу возглавлявшейся им неправительственной организации — Комиссии по вопросам отношений США с латиноамериканскими странами¹⁷.

Документ стал руководством к практической деятельности демократов: предложенный в нём подход должен был стать «свободным от патернализма», уважать суверенитет и проявлять толерантность к политическому и экономическому разнообразию стран региона. Эксперты призывали новую администрацию применять к региону «модель *глобальной* [курсив автора — Е.Г.] экономической политики», предлагали отказаться от практики военного вмешательства и положить конец тайным операциям. Более того, Линовец рекомендовал нормализовать отношения с Кубой, подвести черту под её четырнадцатилетней изоляцией, прекратить эмбарго на торговлю и поддержать отмену санкций¹⁸. Несмотря на то что главным вдохновителем прав человека являлся сам Картер, возникновение идеи реформирования внешней политики и её латиноамериканского направления объяснялось не только уникальными личностными чертами одного человека и его приверженностью определённой системе ценностей.

Состав пришедшей к власти в 1977 г. команды подтверждает проводимый реа-

¹⁶ Pastor R. The Carter Administration and Latin America: A Test of Principle. The Carter Center, 1992. URL: <https://www.cartercenter.org/documents/1243.pdf> (accessed: 25.09.2025).

¹⁷ Многие другие члены комиссии также впоследствии работали в администрации Картера.

¹⁸ Inter-American Blueprint // New York Times. 08.11.1974. URL: <https://www.nytimes.com/1974/11/08/archives/interamerican-blueprint.html> (accessed: 29.08.2025).

листским конструктивизмом тезис о существовании внутри одного государства социальных групп, имеющих обоснованно различные представления о национальном интересе и допускающих оспаривание его привычной трактовки. Реалистский конструктивизм, оставаясь в рамках именно конструктивистской парадигмы, позволяет увидеть, как эти группы продвигали отличные от общепринятых взгляды и убеждали менять подходы, лежавшие в основе внешней политики. В данном случае политические преобразования могут быть обусловлены изменениями в убеждениях и культуре, а не только трансформациями в международной системе. Использование данного подхода предоставляет неоклассическому реализму больше возможностей для объяснения политических изменений. Одновременно реалистский конструктивизм способен решить присущую реализму проблему неполного учета всех факторов, участвующих в процессе формирования внешнеполитического поведения государств, которая возникает в силу его слишком сильного акцента на структуре системы как непосредственной детерминанте политики [Barkin 2020: 64, 67].

Таким образом, анализ общего политического контекста и действий президента позволяет зафиксировать два одновременно проявившихся аспекта. С одной стороны, существуют международное признание концепта прав человека в качестве универсальной нормы и убежденность американского лидера в первостепенной роли Соединённых Штатов в её утверждении. С другой — резко критическое отношение общественности как внутри страны, так и за её пределами к политике, демонстрировавшей, по известному выражению сенатора Уильяма Фулбрайта, «высокомерие силы» и допускавшей дискриминацию стран целого континента посредством объявления их зоной особых интересов. Воплощением такой политики на протяжении десятилетий являлась доктрина Мон-

ро. Доктрина вошла в противоречие с центральным замыслом реформы, запланированной демократами. Это является яркой иллюстрацией тезиса сторонников реалистского конструктивизма о том, что нормы двух рассмотренных выше категорий вступают в конфликт друг с другом, «создавая напряжённость в международной системе» [Crowley-Vigneau et al. 2023: 51]. Для понимания логики действий американского руководства наиболее перспективным представляется теоретическое положение, что нормы, касающиеся групп, как правило, обусловлены не морально-этическими соображениями, а интересами, поэтому подвержены изменению в значительно большей степени, чем универсальные и устойчивые нормы первой категории [Crowley-Vigneau et al. 2023: 52]. В данном случае задача администрации облегчалась тем обстоятельством, что ей предстояло оспорить долго подвергавшуюся инструментализации и, следовательно, более слабую групповую норму — «Принципы 1823 года».

Гренада: убеждение вместо конфронтации

Приверженность Картера реформистской линии подтверждается политикой администрации в отношении Гренады, где в марте 1979 г. произошёл переворот. Диктаторский режим Эрика Гейри пал, и к власти пришло Народное революционное правительство (НРП) во главе с Морисом Бишопом. Первые американо-гренадские контакты свидетельствуют о стремлении США избежать конфронтации с новой властью. Сразу же посетивший Сент-Джорджес госсекретарь охарактеризовал встречу с Бишопом и его сподвижниками как «сердечную», а своих собеседников как «умных, мотивированных и трудолюбивых молодых людей из привилегированных слоёв общества, смело выступивших против коррупции и обанкротившегося режима, ... слишком идеалистичных, недостаточно прагматичных и нуждающихся в помощи извне»¹⁹.

¹⁹ Grenada Recognition. Doc.E168. March 23, 1979. The National Archives in Washington, DC. URL: <https://nsarchive.files.wordpress.com/2012/10/bishop-grenada.pdf> (accessed 23.11.2024).

В Вашингтоне знали об антиамериканских взглядах лидеров Гренады, но первые шаги НПР выглядели вполне миролюбиво. Новая власть пообещала не преследовать политиков из окружения Гейри, а также поддерживать смешанную экономику. Находившихся в стране иностранцев призывали оставаться. Все эти факторы благоприятствовали планам администрации установить контакты с лидерами НРП. Они же заставляют усомниться в достоверности часто встречающейся в отечественной и зарубежной литературе информации о введении в действие направленного против НРП плана ЦРУ, якобы называвшимся «Пирамида» [Нитобург, Ровинская 2015, Строганова 2012: 60, Тестов 2005: 13, Rose 2002: 381]²⁰. Документов, подтверждающих существование плана с таким названием, и свидетельств о его внедрении, на сегодняшний день нет.

Позицию администрации в отношении НРП можно охарактеризовать как заинтересованную, но сдержанную. США не стали содействовать попыткам Гейри вернуть власть, а Совет национальной безопасности (СНБ) отклонил предложение Пентагона об установлении морской блокады Гренады [Schoenhals, Melanson 2019: 36]. В то же время Вашингтон отказал Бишопу в поставках оружия, которое он просил на случай вторжения наёмников свергнутого диктатора. Ещё одним доказательством готовности Соединённых Штатов к диалогу с новым правительством явился беспрецедентный шаг — обращение администрации в Министерство юстиции с просьбой оказать содействие в экстрадиции Гейри, которого Бишоп обвинял в убийстве своего отца [Williams 2007: 45]. Вашингтон взял

курс на убеждение новых лидеров Гренады в необходимости проведения выборов. При этом американцы, зная о популярности Бишоп в стране, не сомневались в его победе и не видели в ней угрозы. Публичные антиамериканские выпады главы НРП в Вашингтоне списывались на его молодость, опьянение успехом и популизм. Его наиболее известная фраза — «Мы ничей не задний двор, и мы не продаемся!»²¹ — соответствовала призывам Картера, воспринимавшего подобные заявления как справедливую обиду за многолетнюю «аморальную» позицию в их отношении, проявлять уважение к южным соседям и «делать всё возможное, чтобы они смогли полюбить США»²².

Как и весь внешнеполитический курс Картера, стратегия США в Карибском бассейне зачастую характеризовалась как недальновидная и противоречившая национальным интересам Соединённых Штатов. Политические оппоненты называли президента наивным идеалистом, а специалисты в области политической психологии даже отмечали когнитивное искажение реальности и отсутствие у него стратегического мышления [Гринштейн 2007: 181], результатом чего становилось принятие решений, не имевших никакой общей структуры [Moffett 1985: 59, 60, 61]. Реалистский конструктивизм позволяет опровергнуть это утверждение: можно утверждать, что целью Картера была борьба именно за власть и влияние, в которой он последовательно использовал имевшиеся у его страны ресурсы, в том числе дискурс и силу убеждения. Тем не менее, когда социально сконструированные государственные интересы выходят за рамки простого выжи-

²⁰ Эта весьма распространённая ошибка в историографии происходит из непроверенных сведений, содержащихся в одной из речей самого Бишоп. В одном из выступлений по национальному радио он рассказал, что ЦРУ разработало план по подрыву революции. При этом гренадский лидер сослался на информацию «одного известного экономиста и советника многих правительств, имеющего очень близкие контакты с людьми в Министерстве финансов США», который и поделился с ним данным секретом. См.: Organise to Fight Destabilisation. National Broadcast on RFG, 8 May 1979. The Pyramid Plan of the CIA. In: In Nobody's Backyard. Maurice Bishop's Speeches, 1979-1983: A Memorial Volume. Edited by Chris Searle. London: Zed Books Ltd, 1984. P. 20.

²¹ Organise to Fight Destabilisation. P. 12–13.

²² Summary of Conclusions of a Presidential Meeting. Washington. 19.10.1979. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d368> (accessed: 29.08.2025).

вания, максимизация власти не является самоцелью [Barkin 2020: 66].

Картер считал, что разрядка международной напряжённости давала США основание для переноса центра тяжести внешней политики с оси Восток—Запад на ось Север—Юг, что предполагало повышенное внимание странам «третьего мира» и малым державам²³. Первым примером практических действий администрации в формате новой политики было возвращение Панамского канала под суверенитет Республики Панама. Этот вопрос рассматривался Картером с ценностно-нормативной точки зрения: возникшая после Второй мировой войны международная моральная антиколониальная норма в сочетании с правами человека, с его точки зрения, не оставляла места посягательствам на суверенитет соседней страны. Договор 1903 года о канале он воспринимал в качестве нарушения суверенных прав Республики Панама. Курс, избранный администрацией в отношении Гренадской революции, был ещё одним проявлением такого подхода.

Тем не менее камнем преткновения стали тесные связи нового режима с Кубой, которая многими членами администрации по-прежнему воспринимались как главная угроза безопасности. Американцы понимали, что для Гаваны Гренада стала возможностью не только усиления влияния в Карибском регионе, но и дальнейшего укрепления престижа в качестве лидера «третьего мира»²⁴. Практически сразу после прихода к власти НРП договорилось с правительством Фиделя Кастро о поставках оружия и помощи в реализации крупных инфраструктурных проектов, в частности строительстве нового аэропорта, в граж-

данское назначение которого США не верили. Регулярные секретные донесения из американских посольств соседних государств содержали информацию об активизации Кубы на гренадском направлении²⁵.

В то же время единого мнения в отношении кубинского фактора в ближайшем окружении президента не было. По сравнению с руководством государственного департамента в лице госсекретаря Вэнса и его помощника по делам Латинской Америки Вайрона Ваки, настроенных на диалог с руководством Гренады, Бжезинский неоднократно пытался привлечь внимание руководства к факту кубинского присутствия на острове и активно «продавливал» (согласно его собственноручным пометкам) идею привлечения ЦРУ для предотвращения «сползания Гренады в объятия Кубы». Роберт Гейтс, в разное время служивший в правительстве в должности министра обороны и директора ЦРУ, в опубликованных позже мемуарах рассказал, что в какой-то момент Бжезинский, по всей вероятности, сумел убедить президента подписать соответствующее распоряжение, после чего глава СНБ направил директору разведывательного ведомства США Стэнсфилду Тёрнеру указание в кратчайшие сроки подготовить ответ на запрос руководства [Gates 1997: 143]. Ответ главы ЦРУ содержал информацию о начале разработки «детальной программы политических действий, направленных на поддержку оппозиционных сил в Гренаде, оказание давления на НРП с целью проведения демократических выборов, сдерживание кубинского влияния в Карибском регионе и дискредитации левых сил в других карибских странах»²⁶.

²³ Pastor R. The Carter Administration and Latin America: A Test of Principle. The Carter Center, 1992. URL: <https://www.cartercenter.org/documents/1243.pdf> (accessed: 10.10.2025).

²⁴ Cuban Presence and Activities in the Third World. URL: <https://web.archive.org/web/20130408130811/http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA305100> (accessed: 26.08.2025).

²⁵ The Weekly "Bomb" Charges Cuban 'Military Participation in Grenada Coup. 23.03.1979. Doc. E167. The National Archives in Washington, DC. URL: <https://nsarchive.files.wordpress.com/2012/10/bishop-grenada.pdf> (accessed: 26.08.2025).

²⁶ Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to Director of Central Intelligence Turner. Washington, May 8, 1979. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d320> (accessed: 26.08.2025).

Тем не менее реализовать план привлечения ЦРУ Бжезинскому не удалось, поскольку Картер счёл необходимым посоветоваться с Конгрессом. Сенатский комитет по разведке отреагировал крайне негативно и напомнил президенту, что привлечение ЦРУ противоречит его заявлениям о защите прав человека и невмешательстве в дела суверенных государств. И хотя комитет не имел юрисдикции относительно одобрения или неодобрения операций ЦРУ, Картер наложил на них запрет [Gates 1997: 143]. Администрация преимущественно в лице самого президента и государственного секретаря предпочитала избегать недопонимания с НРП и не поднимать проблемные вопросы, так как конфронтационная политика и санкции могли подтолкнуть Гренаду к более тесному сотрудничеству с Кубой. Главной задачей в США считали установление с ней доверительных отношений.

Последнее утверждение в очередной раз могло бы трактоваться с точки зрения реализма как отсутствие у Вашингтона выверенной стратегии. При этом конструктивисты рассматривают национальный интерес и безопасность в культурно-нормативном поле [Jerperson et al. 1996: 51–52]. В процессе обеспечения безопасности государства оказываются вовлечёнными в борьбу за дискурсивное доминирование и конструирование нормативных положений, обеспечивающих им влияние на социальные структуры и поведение субъектов. В то же время государства проявляют способность «защищать идентичности и нормы, а также ... навязывать их другим государствам, что и является, по преимуществу, их логикой поведения» [Худайкулова, Неклюдов 2019: 144]. Совершенно правы российские исследователи, утверждающие, что важнейшим

условием эффективности этих действий всегда выступает доверие [Худайкулова, Неклюдов 2019: 131]. Этот аспект представлялся Картеру крайне важным, поскольку после войны во Вьетнаме США было необходимо восстанавливать доверие «третьего мира». Военное вмешательство обусловило трансформацию составлявших американскую государственную идентичность элементов, нивелировав значение «великая держава» и усилив компоненты «империалист» и «враг», что с точки зрения конструктивистов оказывало существенное влияние на характер взаимодействия акторов международной системы [Конышев и др. 2016: 104].

Наиболее эффективным инструментом влияния на НРП в администрации считали экономическую помощь, предоставление которой на протяжении 1979–1980 годов было центральным элементом гренадской стратегии США. Президент говорил о равенстве и взаимозависимости, что отличало его, например, от Джона Кеннеди, основным инструментом латиноамериканской политики также считавшего помощь отдельным странам в рамках программ содействия международному развитию. Важное уточнение внёс Роберт Пастор, во время президентства Картера работавший в штате Совета по национальной безопасности и отвечавший там за латиноамериканское направление. Политика Кеннеди, по его мнению, строилась на патерналистской основе: поскольку средства выделялись значительные, а задачи перед правительствами латиноамериканских стран ставились масштабные (например, политические и земельные реформы)²⁷ «за свою щедрость США ожидали послушного поведения»²⁸. Фактически особые отношения США [со странами региона] означали серьёзное вмешатель-

²⁷ Созданные в 1961 г. Агентство по международному развитию и «Союз ради прогресса», обязались предоставить более 20 миллиардов долларов займы латиноамериканским странам, которые будут продвигать демократию и проводить значимые социальные реформы, в частности, предоставляя права собственности на землю большему числу своих граждан. В то время это была крупнейшая программа помощи США, созданная для развивающихся стран.

²⁸ Pastor R. The Carter Administration and Latin America: A Test of Principle. The Carter Center, 1992. URL: <https://www.cartercenter.org/documents/1243.pdf> (accessed: 22.11.2024).

ство во внутренние дела суверенных стран Латинской Америки.

Картер стремился изменить эту практику: в годы его президентства вопрос о предоставлении зарубежной помощи был увязан с правами человека. Ключевым документом, регулирующим основы политики предоставления экономической и военной помощи, стала разосланная в феврале 1978 г. президентская директива NSC–301. В ней указывалось, что при распределении помощи следует уделять первостепенное внимание странам с хорошей репутацией в области соблюдения прав человека или странам, где США могут наблюдать позитивную динамику в этой сфере²⁹.

Многие члены СНБ разделяли мнение президента и государственного департамента относительно действенности экономической помощи в деле отчуждения Гренады от Кубы. Бжезинский и его сотрудники рассуждали не с позиций картеровского плюрализма, а скорее в формате классической теории домино: «Переворот в Гренаде лишь симптом более серьёзной проблемы в этом регионе. Нестабильность в Доминике и Сент-Люсии указывает на огромную потребность США поддержать эти острова и свести к минимуму шансы ещё одной Гренады. Если ещё один остров падёт в результате левого переворота, ...это будет иметь чрезвычайные политические и геополитические последствия для внешней политики США в регионе и в мире»³⁰. На такое восприятие угрозы влияние оказывала, в том числе, и личность руководителя СНБ. Будучи поляком по происхождению и советологом по образованию, Бжезинский не мог отойти от стереотипов

«холодной войны» и принять картеровский плюрализм. Он по-прежнему рассматривал международную реальность с точки зрения конфронтации по оси Восток–Запад. Этим обстоятельством объяснялись настороженность СНБ в отношении связей НРП с правительством Фиделя Кастро и скепсис в вопросе помощи.

Гренадские лидеры осознавали, что экономика страны сильно зависела от иностранной помощи. Одновременно они стремились поддерживать репутацию независимых и жёстких партнёров США. Отказ НРП следовать американским рекомендациям, в первую очередь в отношении проведения демократических выборов рассматривался СНБ как провокация. Параллельно менялась и политико-идеологическая обстановка в самой Гренаде. НРП всё больше усиливало контроль над средствами массовой информации и общественной жизнью, о чём Бжезинский регулярно докладывал президенту³¹, подчёркивая ситуацию с правами человека. Закрывались оппозиционные газеты, запрещались издания религиозной направленности; периодически появлялась информация о контрреволюционных заговорах. В результате через год после революции в Гренаде было больше заключённых, чем при Гейри [Williams 2007: 49].

Решения об уменьшении помощи Гренаде принимались под влиянием изменившейся ситуации как в регионе, так и в мире. Первым серьёзным испытанием политики прав человека и невмешательства стало свержение никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы. Республиканцы обвинили Картера в предательстве давнего союзника, поскольку, следуя

²⁹ Presidential Directive/NSC–30. Washington. 17.02.1978. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v02/d119#:~:text=It%20shall%20be%20a%20major,to%20the%20nation%20in%20question> (accessed: 29.08.2025).

³⁰ Memorandum From Robert Pastor of the National Security Council Staff to the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Aaron). Washington. 02.07.1979. Subject: Aid for the Caribbean. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d363> (accessed: 29.08.2025).

³¹ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter. Washington. 18.10.1979. Subject: Some Ideas for Your Briefing on Central America (CA) and the Caribbean (CAR). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d367> (accessed: 23.08.2025).

директиве³², он прекратил военную помощь Национальной гвардии, являвшейся главной опорой репрессивного режима Сомосы. Сам Картер трактовал победу Сандинистской революции в рамках идеологического плюрализма и права суверенной страны определять свой внутренний строй и идеологию. Несмотря на критику консерваторов, президент пригласил членов Правительства национальной реконструкции (ПНР) во главе с Даниэлем Ортегой в Белый дом, где напомнил о необходимости даже в условиях продолжающейся гражданской войны уважать права человека. Впоследствии администрация запросила в Конгрессе 80 млн долларов (75 млн для Никарагуа и 5 млн для других государств Центральной Америки) в дополнение к уже одобренным ассигнованиям. Продолжительные дебаты в Конгрессе завершились принятием закона о помощи правительству Ортеги³³.

Если победу сандинистов Картер мог трактовать в контексте идеологического плюрализма, то последующие события 1970-х — начала 1980-х годов в мире стало сложнее трактовать таким образом. Серьёзными внешнеполитическими испытаниями для его администрации стали и подтверждение присутствия советской бригады на Кубе, сведения о которой время от времени появлялись в прессе и долгое время расценивались Картером как провокация, и Исламская революция в Иране с сопутствующим захватом американских заложников, и, наконец, ввод советских войск в Афганистан, символизировавший конец разрядки, — эти события обостряли

не только международную, но и внутреннюю ситуацию в США. Сокрушительным ударом для президента стала провальная попытка спасения заложников — операции «Орлиный коготь» — и последовавшая за ней добровольная отставка государственного секретаря Вэнса, который с самого начала был категорически против силовых мер разрешения конфликта, но не смог отстоять свою позицию. Все эти разновесные факторы влияли на политику администрации в отношении Гренады и региона в целом. Принятые на протяжении 1980 г. решения — о создании постоянной Карибской Объединённой оперативной группы со штабом во Флориде (*Caribbean Contingency Joint Task Force*), о расширении военных манёвров³⁴, о военно-технической помощи Барбадосу, который до этого никогда её не получал, — косвенно могли свидетельствовать об ужесточении политики демократов.

Главная трудность реализации гренадской политики состояла в противоречии между ориентацией Картера на идею взаимозависимости и стремлением реформировать отношения с Латинской Америкой на основе нового набора универсальных ценностей, с одной стороны, и необходимостью решать традиционные проблемы безопасности — с другой. Рассматривая роль идей и убеждений в процессе формирования национальных интересов, реалистский конструктивизм позволяет увидеть, что в меняющихся условиях международной жизни, динамики социального взаимодействия, в том числе и на межгосударственном уровне, трансформируются и пред-

³² США не должны, за исключением исключительных обстоятельств, предпринимать действия, которые могли бы привести к материальной или финансовой поддержке полиции, органов гражданского правопорядка или других органов, выполняющих функции внутренней безопасности правительств, совершивших серьёзные нарушения прав человека. Presidential Directive/NSC—30. Washington. 17.02.1978. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v02/d119#:~:text=It%20shall%20be%20a%20major,to%20the%20nation%20in%20question> (accessed: 29.08.2025).

³³ Central America, 1977—1980. URL: <https://history.state.gov/milestones/1977-1980/central-america-carter> (accessed: 29.08.2025).

³⁴ Caribbean Contingency Force at Key West Insists It Still Has a Task // Washington Post. 12.10.1980. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1980/10/12/caribbean-contingency-force-at-key-west-insists-it-still-has-a-task/b7065d10-5a33-4fb9-bfab-4a98e1d2b687/> (accessed: 22.08.2025).

ставления о безопасности, для обеспечения которой может понадобиться корректировка представлений об идентичности (например, кого считать врагом, а кого — союзником) и нормативных стандартов (кого поддерживать, а кого — нет). Эта точка зрения предполагает толкование национальных интересов в долгосрочной перспективе. В то же время процесс их определения подразумевает и учёт трансформации международной обстановки. Однако даже в ближайшем окружении президента стремительные перемены конца 1970-х годов, многие из которых не могли быть приняты во внимание при формировании внешнеполитического курса, трактовались как новые угрозы, требовавшие решения в краткосрочной перспективе. Особые отношения США с Латинской Америкой всегда были обусловлены географической близостью, поэтому на фоне изменений общей международной ситуации кубинский фактор вынуждал руководство США воспринимать угрозу в Карибском бассейне особенно остро.

Таким образом, долгосрочные ожидания результатов реализации национальных интересов вступали в коллизию с краткосрочными императивами безопасности. Тем не менее, несмотря на усиление негативных тенденций двустороннего взаимодействия, даже в условиях острого внешнеполитического кризиса позиция администрации в отношении Гренады существенно не изменилась. Об этом, в частности, свидетельствовали повторявшиеся жалобы ЦРУ на невозможность предпринимать какие-либо действия ввиду сопротивления государственного департамента³⁵.

Ситуация в регионе переставала казаться тревожной даже Бжезинскому, отмечавшему снижение уровня леворадикальной опасности в Восточно-Карибском регионе и ослабление импульса привлекательности Гренадской революции³⁶. При этом самый жёсткий и алармистски настроенный политик признавал, что сдерживать реальный и потенциальный дрейф стран региона в сторону Кубы лучше через сотрудничество и помощь развитию, а не давление, на что и был направлен главный вектор карибской стратегии Вашингтона в последний год президентства Картера.

Оценивать эффективность стратегии администрации демократов в отношении Гренады крайне сложно: у Картера оставалось слишком мало времени для того, чтобы увидеть ее результаты. К тому же на завершающем этапе его президентства, в силу других международных событий, эта страна уже не могла претендовать на высокое место в списке внешнеполитических приоритетов. Однако пример Гренады, которая вследствие революции и прихода к власти леворадикальных сил оказалась участником типичного для биполярного мира интернационализированного конфликта, интересен тем, что не только позволяет проследить логику и противоречия реализации обещанных Картером реформ внешней политики, но и свидетельствует о высокой значимости и важнейшей роли, которую такие факторы, как дискурс, нормы и ценностные ориентиры американского руководства, играли в процессе выработки стратегии в отношении конкретной страны.

³⁵ Memorandum From the Deputy Director of Central Intelligence (Carlucci) to the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Aaron), the Senior Adviser to the Secretary of State (Habib), and the Under Secretary of State for Political Affairs (Newsom) Washington. 23.11.1979. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d331> (accessed: 23.08.2025); Central Intelligence Agency, Office of the Director of Central Intelligence, Job 81B00112R: Subject Files, Box 16, Folder 10: (SCC) Caribbean. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d331> (accessed: 23.08.2025).

³⁶ Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter. Washington. 13.09.1980. Carter Library, National Security Affairs, Brzezinski Material, Country File, Box 46, Latin America, 6/80—1/81. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v23/d377> (accessed: 23.08.2025).

* * *

Нормы и социальные институты способны направлять внешнеполитический курс государства и быть значимыми факторами в определении целей на этом направлении, а также создавать образец поведения в соответствии с установками государственного аппарата [Finnemore 1996: 23, 28]. Сторонники реалистского конструктивизма полагают, что идентичности и интересы в равной степени способствуют формированию политики, а столкновение этих двух факторов порождает амбивалентность [Delacour 2020: 146; Sjoberg 2020: 207]. Данный подход позволил проследить, как интересы и идентичность взаимно формировали политику США к Гренаде и региону в целом.

Для Картера гуманизация внешней политики и образа Соединённых Штатов не являлась самоцелью: он видел её в качестве одного из главных компонентов государственных интересов страны. Следуя этому вектору, администрация попробовала отказаться от политики особых отношений с южными соседями в пользу универсального подхода. Это решение представляло собой главное отклонение от нормативных параметров доктрины Монро и ключевую корректировку традиционных основ латиноамериканской политики США. Концепт же прав человека, перенесённый в плоскость практического взаимодействия со странами региона, должен был стать основой этой политики. Пример политики администрации Картера явил стремление Вашингтона переосмыслить и оспорить норму второй категории (доктрину Монро) в попытке интегрировать её с универсальной нормой первой группы — правами человека.

Посредством легитимации прав человека в категориях морали во внешней политике и последующей их трансформации в принцип уважения национального суверенитета малых стран Картер бросил вызов и доктрине Монро, и утвердившимся во время «холодной войны» американским

моделям вмешательства, и практике поддержки диктатур на основании лишь их антисоветской и антикоммунистической идеологии. Позиция президента в отношении Гренадской революции, равно как Карибского региона и «третьего мира», служит эмпирическим подтверждением тезиса сторонников конструктивизма, что интеграция универсальных норм в национальные интересы, требовавшая долгих ожиданий результатов реализации основанной на этих нормах политики, может «ослабить» стратегию их защиты в текущем моменте.

Предпринятые попытки глубокого реформирования внешней политики не только не увенчались успехом, но скорее вызвали обратную реакцию как внутри США, так и за пределами страны. Администрации не удалось сдержать левые радикальные силы в регионе³⁷, как не получилось и изменить модели взаимоотношений с антикоммунистическими силами, например, в Никарагуа, Гватемале и Сальвадоре. Сдержанная и осторожная позиция в отношении плюрализма стран «третьего мира», демонстрировавшаяся Белым домом в условиях разрядки напряжённости с Советским Союзом, не только столкнулась с твёрдой оппозицией внутри страны, связанной с неприемлемыми издержками безопасности и экономические потерями. Многие государства, в том числе Иран, Никарагуа и Гренада, восприняли её как проявление слабости Вашингтона и сигнал к возможности проведения более проактивной политики со своей стороны [Talavera, Gómez 2015: 4, 11]. В результате фатальной для Картера динамики геополитических и внутриполитических изменений его намерение возвести концепт прав человека в ранг универсальной нормы американской внешней политики потерпело неудачу.

Тем не менее стремление президента выйти за рамки традиционной дипломатии времён доктрины Монро и «холодной войны» заслуживает пересмотра классифика-

³⁷ И одно из подтверждений этому — дальнейшее развитие событий в Гренаде.

ции и оценки эволюции доктринальных установок США в отношении стран Латинской Америки, в которых Картер даже не упоминается, а период его президентства по умолчанию относится к времени «возвращения политики военной силы» [Миронов 2012: 83; Benjamin 1987: 110]. С приходом к власти консервативных республиканцев во главе с Рейганом Вашингтон стал менее уступчивым в вопросе выбора

путей развития ближайших соседей. Через неполных три года решимость консерваторов преодолеть «вьетнамский синдром» привела к военному вторжению США в Гренаду. Этот шаг, безусловно, был предпринят под влиянием комплекса конкретных факторов и событий. Но и ценностно-нормативные установки Рейгана кардинально отличались от принципов и идейных ориентиров его предшественника.

Список литературы

- Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. №1. С. 4–21. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21)
- Гринштейн Ф.И. Личность президента и лидерство // Социология власти. 2007. № 1. С. 175–186.
- Истомин И.А. Оправдание вмешательства? Роль «доктрины Монро» в легитимации и стигматизации интервенционизма в политике США в XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. №3. С. 11–55. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55>
- Исэров А.А. Доктрина Монро, или Власть слова // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №6. С. 37–63. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-37-63
- Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. №3. С. 94–112.
- Косолапов Н.А. Общесистемные интересы вместо национальных. Классические понятия и российская специфика // Россия в глобальной политике. 2016. №2. С. 34–53.
- Кочетков В.В. Теория конструктивизма в международных отношениях // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. №3. С. 3–18. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-03-18
- Коцур Г.В. Проблемы нормативного взаимодействия в конструктивистских теориях международных отношений // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. Т.14. №3 (191). С. 161–70.
- Миронов В.В. Латиноамериканский вектор во внешней политике США: эволюция доктринальных установок и факторы формирования в современности // Вестник Омского университета. 2012. №1. С. 79–86.
- Нитобург Э., Ровинская Е. Гренада: судьбы большой революции в маленькой стране // Новая и новейшая история. 1984. №5. С. 124–148.
- Строганова Е.Д. Политика США в отношении левых режимов Латинской Америки (часть четвертая) // Берегиня/777/Сова. 2012. №3. С. 55–63.
- Строганова Е.Д. США и левые режимы Латинской Америки. М.: Весь Мир, 2017. 288 с.
- Тестов О.В. Гренада: Революция и контрреволюция (1979–1983 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2005. 20 с.
- Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО–Университета. 2019. Т. 12. №6. С. 129–149. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149>
- Юдин Н.В. Дискуссия об образах силы в теории международных отношений: поворот не туда? // Международные процессы. 2018. Т. 16. №3. С. 84–99. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.8>
- Barkin J.S. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. Vol. 5. No. 3. P. 325–342. <https://doi.org/10.1046/j.1079-1760.2003.00503002.x>
- Barkin J.S. Realist Constructivism and Realist-Constructivisms // International Studies Review. 2004. Vol. 6. No. 2. P. 348–352. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_6.x
- Barkin J.S. Realism, Constructivism, and International Relations Theory // APSA Toronto Meeting Paper. 2009. 22 p. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1451682
- Barkin J.S. Realist Constructivism: Rethinking International Relation Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 204 p.
- Benjamin J. The Framework of U.S. Relations with Latin America in the Twentieth Century: An Interpretive Essay//DiplomaticHistory. 1987. Vol. 11. No. 2. P. 91–112. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.1987.tb00007.x>

- Brzezinski Z. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York: The Viking Press, 1970. 123 p.
- Chomsky N. *Turning the Tide: U.S. Intervention in Central America and the Struggle for Peace*. Chicago: Haymarket Books, 2015. 464 p.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A., Wohlfarth W. Realist Constructivism: a New Perspective on Norm Theory // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 44–62. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.2.73.3>
- Delacour J.O. Taking Co-constitution Seriously: Explaining an Ambiguous US Approach to Latin America // *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism* / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. P. 140–160. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.007>
- Finnemore M. *National Interests in International Society*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1996. 167 p.
- Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 887–918.
- Gates R. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Schuster, 1997. 607 p.
- Guzzini S. Saving Realist Prudence // *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism* / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. P. 202–218. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.010>
- Iancu A. The Bridging Capacity of Realist Constructivism: The Normative Evolution of Human Security and the Responsibility to Protect // *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism* / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. P. 171–192. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.008>
- Jackson P.T., Nexon D.H. Constructivist Realism or Realist-Constructivism? // *International Studies Review*. 2004. Vol. 6. No. 2. P. 337–341. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_2.x
- Jepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P. Norms, identity, and culture in national security // *Culture and National Security* / ed. by P. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 33–75.
- Michael A. Realist-Constructivism and the India–Pakistan Conflict: A New Theoretical Approach for an Old Rivalry // *Asian Politics & Policy*. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 100–114. <https://doi.org/10.1111/aspp.12365c>
- Michaels E. Renewing Realist Constructivism: Does It Have Potential as a Theory of Foreign Policy? // *Teoria Polityki*. 2022. No. 6. P. 101–122. <https://doi.org/10.4467/25440845TP.22.006.16006>
- Moffett III G.D. *The Limits of Victory: Ratification of the Panama Canal Treaties*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985. 261p.
- Nexon D.H. Creating Insecurity: Realism, Constructivism, and US Security Policy by Anthony D. Lott // *Political Science Quarterly*. 2005. Vol. 120. No. 3. P. 527–528. <https://doi.org/10.1002/j.1538-165X.2005.tb01404.x>
- Prados J. *Safe for Democracy. The Secret Wars of the CIA*. Chicago: Ivan R. Dee, 2006. 736 p.
- Rose E.A. *Dependency and Socialism in the Modern Caribbean. Superpower Intervention in Guyana, Jamaica, and Grenada, 1970–1985*. Boston: Lexington Books, 2002. 452 p.
- Schoenhals K., Melanson R. *Revolution and Intervention in Grenada. The New Jewel Movement, the United States, and the Caribbean*. London; New York: Routledge, 2019. 211 p.
- Sjoberg L. Permutations and Combinations in Theorizing Global Politics: Whither Realist Constructivism // *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism* / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. P. 180–201. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.009>
- Sterling-Folker J. Realist-Constructivism and Morality // *International Studies Review*. 2004. Vol. 6. No. 2. P. 341–343. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_3.x
- Sterling-Folker J. Neoclassical Realism and Identity: Peril Despite Profit Across the Taiwan Strait // *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy* / ed. by S.E. Lobell, N.M. Ripsman, J.W. Taliaferro. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 99–138. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811869.004>
- Talavera F., Gómez P. La revolución en Granada y la izquierda trasnacional (1979–1983) // *XI Jornadas de Sociología. Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de Buenos Aires*. Buenos Aires, 2015. 17 p. URL: <https://cdsa.aacademica.org/000-061/647.pdf> (accessed: 10.10.2025).
- The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism* / ed. by J. S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. 246 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv114c761>
- Williams G. *US–Grenada Relations: Revolution and Intervention in the Backyard*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 310 p.

CHALLENGING THE NORM

THE CARTER ADMINISTRATION'S POLICY ON THE GRENADA REVOLUTION IN THE FOCUS OF REALIST CONSTRUCTIVISM

ELENA GLAZUNOVA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

Abstract

Using the course chosen by the Carter administration in relation to the Grenada Revolution as an example, this article examines attempts to reform the foundations of US foreign policy. To explore this issue, the author draws on realist constructivism, which suggests that the definition of national interests and the formation of a state's foreign policy strategy, along with strengthening its power and influence, are underpinned by its desire to preserve its identity and adhere to certain value systems. By legitimizing human rights and transforming them into a principle of respect for national sovereignty, Carter sought to challenge the Monroe Doctrine and the established Cold War practice of interference in the internal affairs of Latin American countries. Examining the imperatives of the US government's decision-making regarding Grenada, the author concludes that, contrary to the widespread opinion in domestic and foreign historiography that the United States chose a path of confrontation with the revolutionary government of Grenada, discrediting it, and undermining the country's economic stability, during Carter's presidency Washington sought to establish a dialogue with the new government of this island state. The case of Grenada, like other Central America and Caribbean nations undergoing domestic political transformation, became embroiled in the internationalized conflicts characteristic of the Cold War. This context provides a critical lens for tracing the logic, contradictions and challenges inherent in Carter's "moral" foreign policy. This paper illustrates how international dynamics and the balance of domestic political forces in both countries ultimately undermined this strategy, yielding consequences that often contradicted the reforms' original objectives. Beyond its historical significance, this case offers valuable insights for scholars of International Relations theory. As an empirical study, it underscores the relevance and efficacy of recently proposed theoretical approaches, making it a compelling subject for both historians and IR theorists.

Keywords:

Realist constructivism; categories of norms; universal and group norms; US foreign policy; Monroe Doctrine; Grenada Revolution of 1979; Jimmy Carter; Maurice Bishop; human rights; CIA; US military invasion of Grenada

References

- Alexeyeva T.A. (2014). Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosy mir. [Think like constructivist: discovering a polyphonic world]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 5. No. 1. P. 4–21. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21)
- Greenstein, F. I. (2007). Lichnost' prezidenta i liderstvo. [Presidential Personality and Leadership]. *Sotsiologiya vlasti*. No. 1. P. 175–186.
- Istomin I.A. (2023). Opravdaniye vmeshatel'stva? Rol' 'doktriny Monro' v legitimatsii i stigmatizatsii interentsionizma v politike SSHA v XIX – nachale XX v. [Justification of intervention? The role of the Monroe Doctrine in legitimizing and stigmatizing interventionism in US policy in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika*. Vol. 15. No. 3. P. 11–55. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-3-11-55>
- Iserov A.A. (2023). Doktrina Monro, ili Vlast' slova. [The Monroe Doctrine, or the Power of the Word]. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 21. No. 6. P. 37–63. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-37-63

- Kosolapov N.A. (2016). Obshchesistemnyye interesy vmesto natsional'nykh. Klassicheskiye ponyatiya i rossiyskaya spetsifika [System-wide interests instead of national ones. Classical concepts and Russian specificity]. *Rossiya v global'noy politike*. No. 2. P. 34–53.
- Konyshov V.N., Sergunin A.A., Subbotin S.V. (2016). Sotsial'nyy konstruktivizm o problemakh bezopasnosti. [Social constructivism on security issues]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. No. 3. P. 94–112.
- Kochetkov V.V. (2024). Teoriya konstruktivizma v mezhdunarodnykh otnosheniyyakh. [Theory of constructivism in international relations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*. No. 3. P. 3–18. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-03-18
- Kotsur G.V. (2019). Problemy normativnogo vzaimodeystviya v konstruktivistskikh teoriyakh mezhdunarodnykh otnosheniy. [Problems of normative interaction in constructivist theories of international relations]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennyye nauki*. Vol. 14. No. 3 (191). P. 161–170.
- Mironov V.V. (2012) Latinoamerikanskiy vektor vo vneshney politike SSHA: evolyutsiya doktrinal'nykh ustanovok i faktory formirovaniya v sovremennosti. [Latin American vector in US foreign policy: evolution of doctrinal attitudes and factors of formation in modern times]. *Vestnik Omskogo universiteta*. No. 1. P. 79–86.
- Nitoburg E., Rovinskaya Ye. (1984). Grenada: sud'by bol'shoy revolyutsii v malen'koy strane [Grenada: the fate of a great revolution in a small country]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. No. 5. P. 124–148.
- Stroganova Ye.D. (2012). Politika SSHA v otnoshenii levyykh rezhimov Latinskoj Ameriki (chast' chetvertaya) [US policy towards left-wing regimes in Latin America (part four)]. *Bereginya/777/Sova*. No. 3. P. 55–63.
- Stroganova Ye.D. (2017). *SSHA i levyye rezhimy Latinskoj Ameriki* [The USA and left-wing regimes in Latin America]. Moscow: Ves' Mir. 288 p.
- Testov O. V. (2005). *Grenada: Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya (1979–1983 gg.)*. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Grenada: revolution and counterrevolution (1979–1983). Abstract of a dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Moscow. 20 p.
- Khudaykulova A.V., Neklyudov N.Ya. (2019). Kontseptsiya ontologicheskoy bezopasnosti v mezhdunarodno-politicheskom diskurse [The concept of ontological security in international political discourse]. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 12. No. 6. P. 129–149. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149>
- Yudin N.V. (2018). Diskussiya ob obrazakh sily v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: povorot ne tuda? [Discussion of Images of Power in the Theory of International Relations: A wrong turn?]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 16. No. 3. P. 84–99. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.8>
- Barkin J.S. (2003). Realist Constructivism. *International Studies Review*. Vol. 5. No. 3. P. 325–342. <https://doi.org/10.1046/j.1079-1760.2003.00503002.x>
- Barkin J.S. (2004). Realist Constructivism and Realist-Constructivisms. *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 348–352. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_6.x
- Barkin J.S. (2009). *Realism, Constructivism, and International Relations Theory*. APSA Toronto Meeting Paper. 22 p. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1451682
- Barkin J.S. (2010). *Realist Constructivism: Rethinking International Relation Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 204 p.
- Barkin J.S. (ed.) (2020). *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. 246 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv114c761>
- Benjamin J. (1987). The Framework of U.S. Relations with Latin America in the Twentieth Century: An Interpretive Essay. *Diplomatic History*. Vol. 11. No. 2. P. 91–112. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.1987.tb00007.x>
- Brzezinski Z. (1970). *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York: The Viking Press. 123 p.
- Chomsky N. (2015). *Turning the Tide: U.S. Intervention in Central America and the Struggle for Peace*. Chicago: Haymarket Books. 464 p.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A., Wohlforth W. (2023). Realist Constructivism: a New Perspective on Norm Theory. *Mezhdunarodnyye protsessy*. Vol. 21. No. 2. P. 44–62. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.2.73.3>
- Delacour J.O. (2020). Taking Co-constitution Seriously: Explaining an Ambiguous US Approach to Latin America. In: J. S. Barkin (ed.) *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. P. 140–160. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.007>
- Finnemore M. (1996). *National Interests in International Society*. Ithaca; London: Cornell University Press. 167 p.

- Finnemore M., Sikkink K. (1998). International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*. Vol. 52. No. 4. P. 887–918.
- Gates R. (1997). *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Schuster. 607 p.
- Guzzini S. (2020). Saving Realist Prudence. In: J. S. Barkin (ed.) *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. P. 202–218. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.010>
- Iancu A. (2020). The Bridging Capacity of Realist Constructivism: The Normative Evolution of Human Security and the Responsibility to Protect. In: J. S. Barkin (ed.) *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. P. 171–192. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.008>
- Jackson P.T., Nexon D.H. (2004). Constructivist Realism or Realist-Constructivism? *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 337–341. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_2.x
- Jepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P. (1996). Norms, identity, and culture in national security. In: P. Katzenstein (ed.) *Culture and National Security*. New York: Columbia University Press. P. 33–75.
- Michael A. (2018). Realist-Constructivism and the India–Pakistan Conflict: A New Theoretical Approach for an Old Rivalry. *Asian Politics & Policy*. Vol. 10. No. 1. P. 100–114. <https://doi.org/10.1111/aspp.12365c>
- Michaels E. (2022). Renewing Realist Constructivism: Does It Have Potential as a Theory of Foreign Policy? *Teoria Polityki*. No. 6. P. 101–122. <https://doi.org/10.4467/25440845TP.22.006.16006>
- Moffett III G.D. (1985). *The Limits of Victory: Ratification of the Panama Canal Treaties*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 261p.
- Nexon D.H. (2005). Creating Insecurity: Realism, Constructivism, and US Security Policy by Anthony D. Lott. *Political Science Quarterly*. Vol. 120. No. 3. P. 527–528. <https://doi.org/10.1002/j.1538-165X.2005.tb01404.x>
- Prados J. (2006). *Safe for Democracy. The Secret Wars of the CIA*. Chicago: Ivan R. Dee. 736 p.
- Rose E.A. (2002). *Dependency and Socialism in the Modern Caribbean. Superpower Intervention in Guyana, Jamaica, and Grenada, 1970–1985*. Boston: Lexington Books. 452 p.
- Schoenhals K., Melanson R. (2019). *Revolution and Intervention in Grenada. The New Jewel Movement, the United States, and the Caribbean*. London; New York: Routledge. 211 p.
- Sjoberg L. (2020). Permutations and Combinations in Theorizing Global Politics: Whither Realist Constructivism. In: J. S. Barkin (ed.) *The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism*. Bristol: Bristol University Press. P. 180–201. <https://doi.org/10.46692/9781529209846.009>
- Sterling-Folker J. (2004). Realist-Constructivism and Morality. *International Studies Review*. Vol. 6. No. 2. P. 341–343. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_3.x
- Sterling-Folker J. (2009). Neoclassical Realism and Identity: Peril Despite Profit Across the Taiwan Strait. In: S.E. Lobell, N.M. Ripsman, J.W. Taliaferro (eds) *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 99–138. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811869.004>
- Talavera F., Gómez P. (2015). *La revolución en Granada y la izquierda trasnacional (1979–1983)*. XI Jornadas de Sociología. Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de Buenos Aires. Buenos Aires. 17 p. URL: <https://cdsa.aacademica.org/000-061/647.pdf> (accessed: 10.10.2025).
- Williams G. (2007). *US–Grenada Relations: Revolution ana Intervention in the Backyard*. New York: Palgrave Macmillan. 310 p.

КРИМИНАЛЬНЫЕ МЯТЕЖИ КАК ФОРМА НЕКЛАССИЧЕСКИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ *МЕХАНИЗМЫ СЕТЕВОЙ ЭКСПАНСИИ*

КОНСТАНТИН СТРИГУНОВ

Профессор Академии военных наук, 119330, Россия, г. Москва, Университетский проспект, 14,
1-е Отделение АВН

Резюме

Влияние на государства высокоразвитых преступных организаций радикально возросло: данные субъекты способны осуществлять силовой территориальный контроль, заменяя государственную власть. Это явление представляет собой фундаментальную угрозу безопасности государств, особенно в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. При достижении необходимого организационного, ресурсного и кадрового потенциала высокоразвитые преступные группировки приобретают формы повстанческого движения. В статье криминальные мятежи рассматриваются как формы неклассических военных конфликтов, которые могут соответствовать критериям внутренних вооружённых конфликтов. Криминальные мятежи способны распространяться через транснациональные криминальные сети. Цель исследования – показать на примере конкретной транснациональной криминальной сети механизм интеграции в неё преступных организаций, способствующий экспансии или усилению криминальных мятежей. Преступные организации через интеграцию в транснациональные криминальные сети способны инициировать мятеж в государстве, где для него есть предпосылки. Этот вывод обусловлен ускоренным развитием преступных группировок через обмен информацией, организационными инновациями, ресурсами и предоставление выхода на глобальные нелегальные рынки. Механизм интеграции преступных организаций показан на примере транснациональной криминальной сети, представленной 27 бандами и картелями из шести стран. При помощи анализа социальных сетей определена топология сети и выявлены две подсети. Показана роль группировок, выступающих в качестве узлов-соединителей слоёв исследуемой сети. Вовлечение преступных организаций в транснациональные криминальные сети способствует распространению или усилению криминальных мятежей, являющихся примером неклассических военных конфликтов. Показан фактор коррупции в ряде стран Латинской Америки и Карибского бассейна и связь их правительств с преступными организациями. Криминальные мятежи имеют коммерческую природу, их негосударственные субъекты с криминально-экономической мотивацией способны наносить государству и обществу ущерб, сопоставимый с классическими военными конфликтами.

Ключевые слова:

Латинская Америка и Карибский бассейн; преступные организации; криминальные мятежи; неклассические военные конфликты; внутренние вооружённые конфликты; транснациональные криминальные сети; анализ социальных сетей

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2025

Дата принятия к публикации: 03.10.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: sks6891@gmail.com

Введение

Влияние организованной преступности на государственный суверенитет актуализировано как никогда прежде. Речь идёт о высокоразвитых преступных организациях (ПО) с корыстной (криминально-экономической) мотивацией¹, к которым, в частности, относятся банды и картели. Влияние деятельности ПО на государство может расцениваться по-разному. С одной стороны, преступные группировки с корыстной мотивацией представляют собой угрозу общественной безопасности, при этом они не могут быть причислены к повстанцам, поскольку к последним относятся только негосударственные субъекты с политической, идеологической или религиозной мотивацией, то есть террористических и повстанческих организаций [Kan 2012; Williams 2012; Морозов 2018]. Для противодействия ПО достаточно сил и средств полиции и служб безопасности.

С другой стороны, высокоразвитые ПО, напротив, при достижении достаточного организационного, ресурсного и кадрового потенциала в состоянии представлять угрозу не только общественной, но и всей национальной безопасности государства. Такие ПО способны осуществлять силовой территориальный контроль вплоть до соз-

дания квазигосударственных образований и представлять прямую угрозу целостности государства, оспаривая его функции. Для противодействия подобным субъектам недостаточно усилий правоохранительных органов, в связи с чем оказываются задействованными и вооружённые силы. В результате такие группировки становятся де-факто политическими субъектами, то есть криминальными повстанцами – участниками криминального мятежа. Данный подход развивался, среди прочих, Джоном Салливаном [Sullivan 2019], Робертом Банкером [Bunker 2013], Максом Мэнуорингом [Manwaring 2005] и Аданом Бустаманте [Bustamante 2020]. Среди отечественных учёных, изучавших возможность создания наркотеррористических квазигосударств, можно выделить В.М. Лунина и Б.Ф. Мартынова [Современная организованная преступность 2017].

Возникновение подобных высокоразвитых ПО в государстве является важнейшим условием для криминального мятежа. Подробно механизм возникновения этого явления уже рассматривался в исследовательской литературе [Стригунов 2025]. Отметим, что под криминальным мятежом мы понимаем насильственное действие ПО², достигших такого организационного,

¹ К ПО относятся также террористические и повстанческие организации. В данном исследовании под ПО понимаются группировки с корыстной мотивацией, если не будет оговорено иное.

² Такие термины, как «преступная организация», мы трактуем шире, чем в статье 35 УК РФ, в соответствии с которой преступная организация является структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямой или косвенной финансовой или иной материальной выгоды. Понятие «банда» также трактуется шире, чем в статье 209 УК РФ, согласно которой банда – это организованная устойчивая вооружённая группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Вместе с тем высокоразвитые ПО, в т.ч. некоторые банды и картели, отвечают признакам незаконного вооружённого формирования (НВФ), под которым в статье 208 УК РФ понимаются не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооружённую группу, созданные для реализации определённых целей. Например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориальной целостности Российской Федерации. Данное определение дано в трактовке Постановления Пленума Верховного суда РФ. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // КонсультантПлюс. 03.11.2016. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 04.04.2025). В настоящем исследовании мы считаем, что высокоразвитые ПО с корыстной мотивацией могут обладать признаками НВФ, в т.ч. террористических, повстанческих и/или наёмнических организаций, способных к силовому территориальному контролю и оспариванию на этих территориях функций государства.

ресурсного и кадрового потенциала, при котором они в состоянии оспаривать у государства монополию на легитимное применение силы. ПО, выступающие субъектами криминального мятежа, представляют прямую угрозу территориальной целостности государства. Кроме того, достаточно развитые преступные группировки способны осуществлять эффективное и масштабное внедрение своих агентов в госаппарат, в том числе и на национальном уровне.

Вместе с тем криминальный мятеж рассматривается нами в качестве формы неклассических войн и вооружённых конфликтов. Далее мы будем использовать общий термин «неклассические военные конфликты». В рамках такого противостояния основным инструментом государства при достижении военных целей вместо вооружённых сил выступают неинтервенционные элементы насильственного контроля [Стригунов 2024: 11], включая информационно-психологические операции, кибератаки, экономические санкции, диверсии и теракты, а также применение сетевых групп (иррегулярные формирования негосударственных насильственных субъектов, организованных в той или иной степени по сетевому принципу). В настоящем исследовании нас интересуют неклассические военные конфликты, в которых, кроме государства, их субъектами выступают ПО. Они рассматриваются как негосударственные насильственные субъекты с корыстной (криминально-экономической) мотивацией, в некоторых случаях имеющие сетевую организацию. Ключевые ПО, являющиеся участниками криминальных мятежей и нередко имеющие сложную сетевую структуру, сами объединяются в сети и взаимодействуют с другими ПО и их сетями. Фактически они могут рассматриваться в качестве нерегулярных военизированных формирований.

Гипотеза данного исследования сформулирована следующим образом: одним из важнейших факторов зарождения и распространения криминальных мятежей как форм неклассических военных конфликтов является вовлечение в транснацио-

нальные криминальные сети преступных группировок одного или нескольких государств с ослабленными институтами. Цель настоящей работы — показать на примере конкретной транснациональной криминальной сети механизм интеграции в неё ПО, способствующий экспансии или усилению криминальных мятежей. Анализируется транснациональная криминальная сеть, в которую входят 27 банд и картелей из шести стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Данная сеть была выбрана для анализа потому, что входящие в неё ПО являются участниками криминальных мятежей на территории этих стран. Это позволило показать, как взаимосвязаны криминальные мятежи между собой на примере конкретной транснациональной криминальной сети, а также распространение криминальных мятежей, в том числе вследствие вовлечения ПО в исследуемую криминальную сеть. В статье выявлены соответствия криминальных мятежей внутренним вооружённым конфликтам, для чего использовались данные Уппсальской программы данных о конфликтах (UCDP). Для установления связей между ПО и их влияния на правительства стран Латинской Америки и Карибского бассейна был проанализирован ряд официальных документов, научных публикаций, источников в СМИ, проведено интервьюирование офицера полиции из Бразилии.

В статье рассматриваются особенности криминальных мятежей и их возможность соответствовать критериям внутреннего вооружённого конфликта. Кроме того, описывается экспансия криминальных мятежей через транснациональную криминальную сеть. Для этого построена многоуровневая транснациональная криминальная сеть, состоящая из 27 банд и картелей из шести стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Внимание уделено и взаимодействию ПО с властями в странах данного региона, а также фактору коррупции на национальном, региональном и местном уровнях власти. В конце статьи обсуждаются полученные результаты и подводятся итоговые выводы статьи.

Особенности криминальных мятежей

Криминальные мятежи могут распространяться вследствие эффективного взаимодействия ПО между собой. В некоторых случаях они приводят к чрезвычайно разрушительным последствиям для общественно-политической системы государства, подобно конфликтам традиционных повстанческих движений и правительственных сил. Идентификация криминального мятежа как неклассического военного конфликта требует выявления его соответствия критериям внутреннего вооружённого конфликта (ВВК). Для определения ВВК апеллируют к статье 3, общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, и статье 1 Дополнительного протокола II к этим конвенциям³. ВВК в этих документах определяются как вооружённые конфликты, в которых участвует одна или несколько негосударственных вооружённых групп⁴. В зависимости от ситуации военные действия могут происходить между правительственными силами и негосударственными группами или только между такими формированиями⁵.

Разница между ВВК и неклассическим военным конфликтом главным образом лежит в юридической плоскости. Первый термин позволяет определить, при каких условиях вообще идёт речь о наличии вооружённого конфликта на территории одного государства. Классификация военного конфликта как неклассического означает, что агрессор не использует регулярные войска в ходе боевых действий. В неклассических военных конфликтах в форме криминальных мятежей негосударственные субъекты, например банды и картели, задействуют нерегулярные формирования, обладающие

внутренней дисциплиной и имеющие иерархическую или децентрализованную (сетевую) организацию. В криминальных мятежах, отвечающих критериям ВВК, негосударственные субъекты не имеют политической мотивации, что отличает эти формы военных конфликтов от иррегулярных войн. Кроме того, криминальные мятежи могут не достигать уровня ВВК, но участвующие в нём ПО способны обладать соответствующим потенциалом. В таком случае криминальные мятежи ниже порога конфронтации отвечают признакам ВВК как неклассического военного конфликта — они находятся на предпороговом уровне.

Для идентификации ВВК ситуация должна отвечать двум основным критериям. Первый — достаточно высокая интенсивность насилия. Для её определения мы использовали классификацию Уппсальской программы данных о конфликтах. Она является одним из крупнейших источников данных о вооружённых конфликтах в мире, которые ежегодно обновляются. Согласно классификации *UCDP*, если в год гибнет от 25 до 1000 человек, то этот показатель соответствует уровню вооружённого конфликта, если от 1000 и выше — войне⁶. Причём речь идёт не о спорадических актах насилия, а о сгруппированных во времени и в пространстве систематических боевых действиях⁷. Второй критерий — организованность сторон: негосударственные субъекты обладают командной структурой, внутренними правилами, дисциплиной, способностью вербовать новых бойцов [Vité 2009: 77]. Неклассические военные конфликты, в том числе криминальные мятежи, могут достигать уровня ВВК при наличии соответствия указанным двум

³ В этих документах используется термин «немеждународный вооружённый конфликт», которому в данной работе синонимичен термин ВВК.

⁴ Как определяется в международном гуманитарном праве термин «вооружённый конфликт»? // Международный Комитет Красного Креста. 2008. URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/armedconflictdefinition.pdf (дата обращения: 23.08.2025).

⁵ Там же.

⁶ См.: *UCDP/PRIO armed conflict dataset codebook. Version 19.1* // Uppsala Conflict Data Program. 2019. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/ucdprio/ucdp-prio-acd-191.pdf> (accessed: 06.04.2025).

⁷ В данном исследовании насилие, осуществлённое в течение одного года, мы ограничиваем территорией страны.

критериям. ВВК в форме криминальных мятежей чаще всего относятся к военным конфликтам низкой или высокой интенсивности, что составляет 25–999 и 1000–9999 смертей в год соответственно⁸.

Важным фактором эволюции ПО выступает восприятие группировок государством, которое рассматривает их как террористов или повстанцев. В этой связи следует обратиться к теории секьюритизации, согласно которой безопасность понимается не как объективное условие, а как продукт дискурса [Buzan, Waever, de Wilde 1998]. Посредством артикуляции какого-либо явления как вопроса национальной безопасности политический деятель представляет проблему в качестве экзистенциальной угрозы референтному объекту — населению, государству. Подобные действия предпринимаются с целью законно заявить о необходимости борьбы с этой угрозой чрезвычайными мерами, которые подразумевают нарушение обычных правил политического процесса. Как отмечает О.С. Гайдаев, «в процессе секьюритизации определяется, какие угрозы носят характер экзистенциальной опасности, требуют принятия неотложных мер и проведения политики особого рода» [Гайдаев 2023: 21]. Зачастую угроза действительно заслуживает чрезвычайных мер реагирования, например применения войск, поскольку боевой потенциал ПО нередко превосходит возможности полиции для их ликвидации или сдерживания.

Сами ПО могут создавать так называемые пространства без надлежащего управления (*undergoverned spaces*, UGS), относя-

щиеся к территориям, где присутствие и контроль государства слабо выражены или отсутствуют, что создаёт возможности для негосударственных субъектов и проблемы для безопасности и управления⁹. В этих случаях национальные правительства не в состоянии поддерживать монополию на законное применение силы на своих территориях и контроль над границами, направленную на предотвращение притока иностранных боевиков и других внешних субъектов. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) есть признаки наличия подобных территорий, подконтрольных бандам и картелям. Например, г. Сьюдад-дель-Эсте представляет собой наиболее развитый криминальный анклав в ЛАКБ, который имеет признаки пространства без надлежащего управления. Сьюдад-дель-Эсте находится на территории Парагвая на стыке ещё двух стран — Бразилии и Аргентины. Эта пограничная зона служит свободным анклавом для активной преступной деятельности, включая террористов. На этой территории присутствуют множество группировок — от бразильских наркоторговцев до «Хизбаллы» и нигерийских преступных ячеек¹⁰.

В таких странах, как Мексика и Гаити, также существуют пространства без надлежащего управления, подконтрольные картелям и бандам. Например, согласно информации экс-главы Центра расследований и национальной безопасности (исп. *Centro de Investigación y Seguridad Nacional*, CISEN) Х. Каррильо Олеа, половина территории Мексики де-факто контролируется наркоторговцами [Carillo 2011].

⁸ Davis I. Tracking armed conflicts and peace processes // Stockholm International Peace Research Institute. 2020. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRIYB22c02sl.pdf> (accessed: 17.08.2025). В некоторых случаях, например, в Мексике, интенсивность насилия приближается к крупному военному конфликту, т.е. 10000 и более смертей в год.

⁹ О концепции пространства без должного управления см.: Aaron F., Bartels E. Adaptive Engagement for Undergoverned Spaces Concepts, Challenges, and Prospects for New Approaches // Defense Technical Information Center. 14.07.2024. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/html/trecms/AD1174157/index.html> (accessed: 17.08.2025).

¹⁰ Подробнее о трёхграничной зоне в отчёте: Hudson R. Terrorist and organized crime groups in the Tri-Border Area (TBA) of South America. A Report Prepared by the Federal Research Division, Library of Congress under an Interagency Agreement with the Crime and Narcotics Center Director of Central Intelligence // The Library of Congress. 2003. URL: <https://irp.fas.org/cia/product/frd0703.pdf> (accessed: 17.08.2025).

На Гаити после убийства президента Жовенеля Моиза в 2021 г. вспыхнули бое- столкновения между бандами, особенно их двумя крупнейшими союзами — «Г-9» (*G9*) и «Г-Пеп» (*G-Pep*). Но уже в сентябре 2023 г. они объединились в альянс «Жить вместе» (гаит. креол. *Viv Ansanm*)¹¹. В первом квар- тале 2024 г. он совершил скоординирован- ные нападения против критически важной инфраструктуры, включая полицейские участки, тюрьмы, больницы, аэропорты и порты¹². Данная кампания привела среди прочего к отставке премьер-министра Ариэля Анри¹³. В то же время гаитянская оперативная группа по безопасности, соз- данная правительством в начале 2025 года¹⁴, начала использовать разведывательные и ударные беспилотники для сбора инфор- мации в режиме реального времени и нане- сения точечных ударов с целью восстано- вления контроля над территорией, занятой бандами¹⁵. Тем не менее усилия властей и международных миссий не привели к пода- влению ПО. Более того, согласно данным Управления ООН по наркотикам и пре- ступности, 85% столицы Гаити Порт-о- Пренс находится под контролем банд¹⁶.

Пространства без должного управления являются территориями, где ПО не только физически присутствуют, но и используют их в качестве логистических узлов для про- изводства и/или транспортировки неле- гальных товаров, пунктов перехода с целью укрытия от преследования силами безопас- ности государства, а также обмена ресурса-

ми. Наконец, через такие территории груп- пировки в странах, где нет ВВК, могут обмениваться информацией с группировка- ми из стран, где конфликт уже имеет место.

Таким образом, криминальные мятежи в некоторых случаях могут достигать уров- ня ВВК и распространяться вследствие взаимодействия ПО друг с другом. При этом ПО в состоянии создавать простран- ства без надлежащего управления, куда доступ для правительственных войск и служб отсутствует или ограничен. Факти- чески это зоны «инкубации» преступных группировок, откуда они осуществляют контроль над поставками нелегального товара, где проходит вербовка новых бое- виков. Правительство через секьюритиза- цию проблемы организованной преступ- ности нередко использует военную силу против неё. В то же время высокоразвитые банды и картели способны обладать бое- вым потенциалом, при котором справиться с ними не представляется возможным без использования вооружённых сил.

Транснациональные криминальные сети и экспансия криминальных мятежей

Процесс экспансии криминальных мятежей происходит в формально мирное время. Тем не менее на территории некото- рых стран он может достичь уровня ВВК и распространиться на другое государство. При этом международное гуманитарное право не фиксирует такого рода экспансию как международный вооружённый кон-

¹¹ Quarterly report on the human rights situation in Haiti // Bureau intégré des Nations Unies en Haïti. 2024. URL: https://binuh.unmissions.org/sites/default/files/quarterly_report_on_the_situation_of_human_rights_in_haiti_january_march_2024.pdf (дата обращения: 17.08.2025).

¹² Assessment of progress achieved on the key benchmarks pursuant to paragraph 25 of resolution 2700 (2023) // United Nations. Security Council. 01.10.2024. URL: <https://docs.un.org/en/S/2024/711> (accessed: 18.08.2025).

¹³ Viv Ansanm // United Nations. Security Council. 08.07.2025. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/content/viv-ansanm> (accessed: 18.08.2025).

¹⁴ Иностранные подрядчики, которых использует правительство Гаити. К ним относится, в част- ности, ЧБК Vectus Global, возглавляемая Эриком Принсом — экс-главой ныне несуществующей ЧБК Blackwater, чьи сотрудники совершали убийства мирных жителей в Ираке.

¹⁵ UN Security Council Briefing on the Situation in Haiti // United Nations Office on Drugs and Crime. 02.07.2025. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/speeches/2025/020725-unscc-briefing-haiti.html> (accessed: 18.08.2025).

¹⁶ 'An unending horror story': Gangs and human rights abuses expand in Haiti // United Nations News. 11.07.2025. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/07/1165373#:~:text=Since%202021%20and%20the%20assassination,by%20gangs%2C%20says%20the%20UN> (accessed: 18.08.2025).

фликт, поскольку его субъектами не выступают государства¹⁷. ВВК могут возникнуть на территории нескольких стран, и тогда подобные конфликты рассматриваются как экспортированные конфликты [Vité 2009: 89]. В этом случае речь идёт именно об одном ВВК, который распространился на территорию другого государства. Вместе с тем довольно затруднительно в таких случаях оценить, являются ли различными конфликтами или нет криминальные мятежи, если последние соответствуют признакам ВВК или предпорогового уровня, будучи инициированными на территории другого государства преступными группировками из других юрисдикций. Отчасти эта проблема решается посредством определения степени влияния группировок в одних странах на группировки в других.

Транснациональное проникновение ПО продиктовано их криминально-экономическими интересами, но последствия их действий могут быть такими, как если бы они ставили перед собой политические цели. Это напрямую связано с глобализацией, позволяющей распространяться теневым финансовым, товарным и миграционным потокам, расширяя криминальные сети, являющиеся важнейшими факторами возникновения криминальных мятежей. Эффективное распространение влияния ПО — негосударственных субъектов криминального мятежа — в транснациональном масштабе возможно даже тогда, когда государства, где сформировались эти субъекты, географически разнесены и не имеют общих границ, а также когда государства не находятся в состоянии войны¹⁸. Примером тому является влияние мексиканских картелей на ситуацию в Эквадоре [Granja et al. 2023].

Ранее транснациональная преступность представляла угрозу правительствам, но

она не инициировала или не усиливала ВВК. Такое воздействие стало возможным приблизительно с 1980-х годов и особенно усилилось в первой четверти XXI века. Мы полагаем, что причина этого состоит в появлении новых эволюционных форм ПО и усложнении их взаимодействия в рамках криминальных сетей. Чем сложнее сеть и межсетевые связи группировок, тем больше возможностей у них проникать в государства, интегрировать в себя местные ПО, тем самым способствуя их эволюционному росту и возможности стать субъектами криминального мятежа.

Иностранные криминальные сети чаще всего не стремятся инициировать конфликт между местными ПО и государством, в которое они намерены проникнуть, поскольку такое развитие событий может помешать их бизнесу. Тем не менее здесь активируется механизм, когда из-за включения в транснациональные криминальные сети местные ПО усложняются и повышают свою ресурсную обеспеченность, вследствие чего радикально возрастает их потенциал для противодействия государству. В результате возникают подходящие условия для перехода ситуации до уровня ВВК в форме криминального мятежа. Возникает отчасти парадоксальная ситуация: экзогенным ПО невыгодна дестабилизация на территории государства, куда они проникают, поскольку она может мешать их незаконному бизнесу, но именно их активное проникновение способствует эволюции местных ПО. Если эти группировки повысят свой потенциал, тогда правительство будет вынужденно реагировать не только с помощью полиции, но и вооружённых сил, что ведёт к росту насилия и дестабилизации безопасности. В то же время отказаться от распространения своего влияния развитые ПО не могут,

¹⁷ International Armed Conflict (IAC) // The United Nations Office for Disaster Risk Reduction. 14.01.2020. URL: [https://www.undrr.org/understanding-disaster-risk/terminology/hips/so0001#:~:text=International%20armed%20conflict%20covers%20all,unilateral%20\(ICRC%2C%202016\)\(accessed: 06.04.2025\)](https://www.undrr.org/understanding-disaster-risk/terminology/hips/so0001#:~:text=International%20armed%20conflict%20covers%20all,unilateral%20(ICRC%2C%202016)(accessed: 06.04.2025)).

¹⁸ Например, отсутствует режим вооружённого конфликта между государствами с установлением правил, применяемых воюющими сторонами, которые, в частности, создают правовые и организационные барьеры для предотвращения чрезмерного насилия.

поскольку такой исход противоречит их бизнес-модели и всей стратегии существования. Таким образом, криминально-экономическое взаимодействие высокоразвитых группировок генерирует ВВК в одном или нескольких государствах, выступающих полигоном для эволюции ПО. Усложнение этих группировок ведёт к увеличению их потенциала и появлению возможностей для большего влияния на группировки в других странах, где уже разворачивается криминальный мятеж и где только формируются условия для его возникновения.

Через транснациональные криминальные сети и вовлечение в них новых участников происходит экспансия криминальных мятежей. Речь идёт о специфическом и слабо изученном механизме возникновения и распространения особых форм неклассических военных конфликтов, природа которых носит коммерческий характер. ВВК с участием ПО отличаются от межгосударственных конфликтов, *во-первых*, тем, что они происходят между государством и негосударственным актором. *Во-вторых*, у ПО нет изначально политической мотивации (в чём они отличаются от традиционных повстанцев). *В-третьих*, ПО сами не позиционируют себя и их не признают в качестве сторон ВВК, но они могут выступать таковыми де-факто. Тем не менее в силу специфики криминального мятежа по степени деструктивного воздействия на государство он может быть сопоставим с воздействием традиционных военных конфликтов. Криминальные мятежи могут возникнуть и без влияния извне: такое влияние может не быть определяющим. В то же время полностью изолированных зон формирования криминальных мятежей не существует, поэтому сетевые эффекты распространения этих разрушительных явлений есть всегда, вопрос лишь в степени их воздействия на ситуацию в конкретном государстве. В одних случаях криминальные мятежи могут возникнуть независимо друг от друга или же такая зависимость незначительна, чтобы говорить об их существенном взаимовлиянии,

например в Мексике и Колумбии. Вместе с тем постепенно ПО и их сети, выступающие участниками криминальных мятежей, в состоянии устанавливать всё более тесные связи между собой, будучи способными к взаимному усилению вследствие эффективного взаимодействия. Это выражается, в частности, в оперативном налаживании связей между ПО, поскольку между ними нет бюрократических и политико-идеологических барьеров, свойственных государствам, а также в способности придавать сетям гибкость и адаптивность (в логистике, при обмене ресурсами, включая информацию). В силу указанных причин справиться с подобными субъектами и их сетями очень трудно.

В других случаях ПО и их сети в государствах, где уже заметны признаки криминального мятежа, влияют на ПО в политиках, не затронутых подобными конфликтами. Тогда иностранные криминальные сети через взаимодействие с местными ПО способствуют ускоренной эволюции последних. Эффективность сетей и большая вовлечённость в них местных ПО выступают ключевыми внешними факторами для инициации криминального мятежа в конкретном государстве. Важно отметить, что рост наркопроизводства, например, не оказывает непосредственного влияния на возникновение криминального мятежа. Наркотики сами себя не производят и не транспортируют — этим занимаются конкретные криминальные сети, взаимодействующие с местными ПО, которые переправляют этот товар другим поставщикам. Чем более влиятельна и развита криминальная сеть, тем выше вероятность вовлечения в неё ПО на территории государства с ослабленными институтами и тем выше вероятность ускорения их эволюции — перехода в фазу криминального мятежа вплоть до соответствия признакам сторон ВВК.

Представляется важным выявить особенности криминальных сетей, которые делают их эффективными при инициации или усилении криминальных мятежей.

Многоуровневая криминальная сеть

В регионе ЛАКБ преступные организации из различных стран обмениваются информацией и ресурсами. Само сетевое взаимодействие увеличивает потенциал любой группировки для расширения своей экспансии, предоставления собственных услуг, включая транзит нелегального товара. Для исследования сетей преступных группировок аналитики, в том числе в разведслужбах и полиции, применяют анализ социальных сетей (*ACC, social network analysis*). Он может быть использован для улучшения понимания, как возникающие социальные структуры формируют различные виды преступной деятельности и как можно контролировать преступность [Bright et al. 2021]. В данной работе единицей анализа выступают ПО. В качестве источников автор использовал официальные документы¹⁹, в которых зафиксированы связи между ПО; проведённое автором интервью с офицером полиции Рио-де-Жанейро; отдельные научные статьи [Chagas 2024; Jasso, Baltazar 2025], поскольку исследователи могут сами получать эксклюзивную информацию, например непосредственно проводя интервью с преступниками или представителями силовых ведомств; сообщения из СМИ²⁰.

Узлы сети образованы из ПО нескольких стран ЛАКБ: Бразилии, Венесуэлы,

Колумбии, Мексики, Сальвадора и Эквадора. Подробный список ПО, входящих в сеть, представлен в табл. 1. Всего в сеть входят 27 группировок.

Связи между ПО мы представили в виде матрицы смежности неориентированной сети: элементы матрицы симметричны относительно её главной диагонали. Вычисление метрик сети осуществлялось при помощи программы *UCINET*, визуализация сети — через встроенную в *UCINET* программу *NetDraw*²¹. Под метриками понимаются правила для определения расстояния между любыми двумя элементами заданного множества. На рис. 1 показана вся криминальная сеть в круговой компоновке, размеры узлов отображены по их центральности по степени. В табл. 2 приведены основные метрики сети.

Анализ топологии сети, то есть её конфигурации, указывает на ряд особенностей. Плотность сети, измеряющая отношение фактических соединений, или связей, в сети к общему количеству возможных соединений, оказалась сравнительно невысокой (0,145), поскольку в сети 27 узлов. Данный показатель зависит от размера сети: чем больше в ней узлов, тем ниже её плотность. Количество связей между узлами (102) свидетельствует о достаточно активном взаимодействии ПО между собой в транснациональном масштабе. Наибольшей цен-

¹⁹ Например: Líderes de Alto Rango de la MS-13 Son Acusados por Delitos de Terrorismo en los Estados Unidos // U.S. Department of Justice. 15.01.2021. URL: <https://www.justice.gov/es/espanol/pr/l-deres-de-alto-rango-de-la-ms-13-son-acusados-por-delitos-de-terrorismo-en-los-estados> (accessed: 10.04.2025); Las AGC y el 'Tren de Aragua' se disputan territorios en nueve localidades de Bogotá // La Defensoría del Pueblo de Colombia. 27.02.2024. URL: <https://www.defensoria.gov.co/-/las-agc-y-el-tren-de-aragua-se-disputan-territorios-en-nueve-localidades-de-bogota> (accessed: 10.04.2025); Sobre a relação entre organizações criminosas narcotraficantes e o garimpo no Estado de Roraima // Observatório Militar da Praia Vermelha. 15.10.2021. URL: <https://ompv.eceme.eb.mil.br/geopolitica-e-defesa/amazonia-dimensao-geopolitica-e-meio-ambiente/422-ga> (accessed: 10.04.2025).

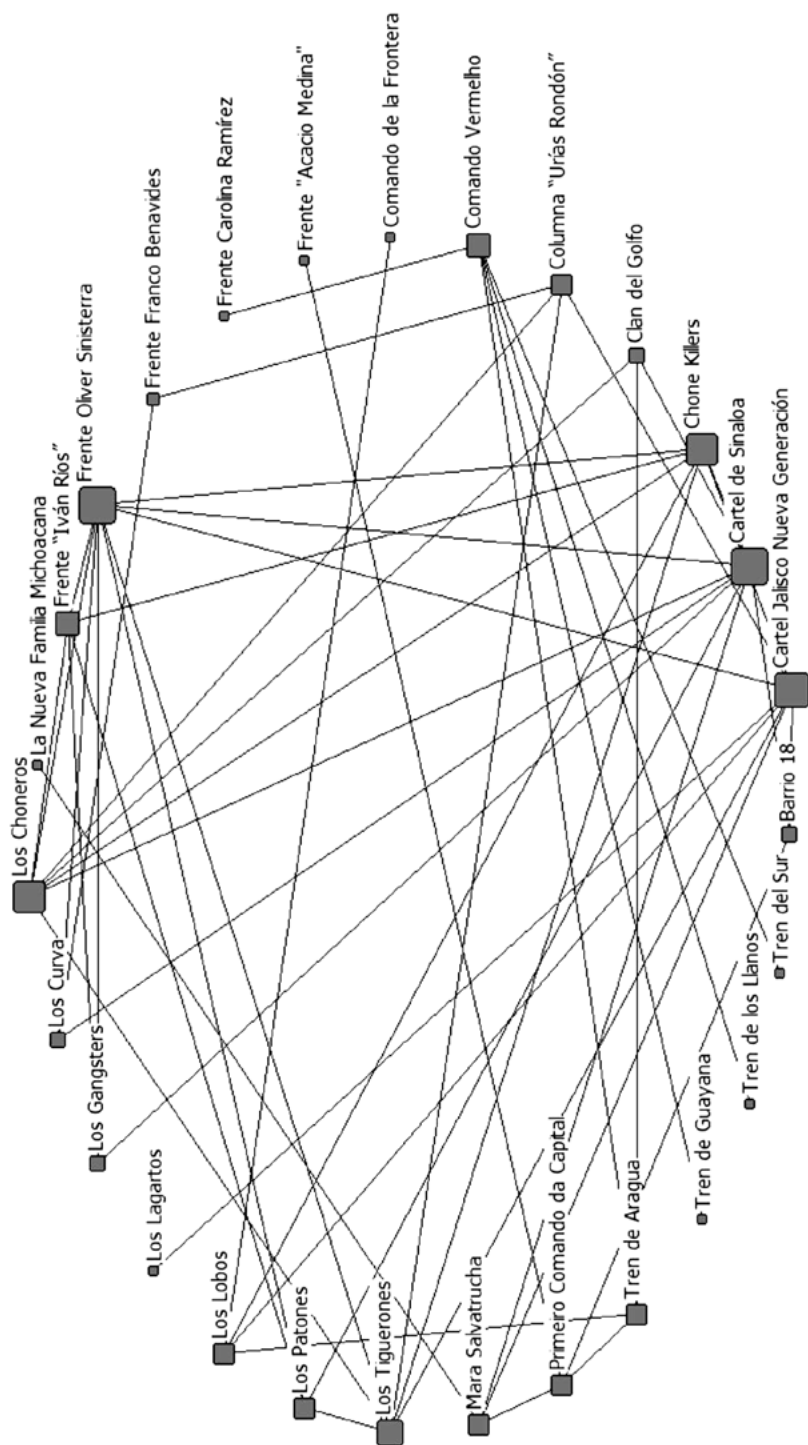
²⁰ В частности: Ecuador y Colombia altera temprana binacional // InSight Crime. 07.03.2023. URL: <https://insightcrime.org/wp-content/uploads/2023/08/Alerta-Temprana-Binacional-Ecuador-Colombia.pdf> (accessed: 12.04.2025); Torres A. Los 'somberrudos' del cartel de Sinaloa activan a sus enviados en Ecuador Para hacer uso de este contenido cite la fuente y haga un enlace a la nota original en // Primicias. 02.12.2021. URL: <https://www.primicias.ec/noticias/en-exclusiva/sinaloa-enviados-ecuador-detenido/> (accessed: 12.04.2025); Serrano A. Eighteenth Street: The Origins of 'Barrio 18' // Small Wars Journal. 31.08.2020. URL: <https://smallwarsjournal.com/2020/08/31/eighteenth-street-origins-barrio-18/> (accessed: 12.04.2025).

²¹ UCINET 6 for Windows is a software // Analytic Technologies. 2025. URL: <https://sites.google.com/site/ucinetsoftware/home> (accessed: 14.04.2025).

Таблица 1 ПО, входящие в исследуемую транснациональную криминальную сеть					
Бразилия	Венесуэла	Колумбия	Мексика	Сальвадор	Эквадор
«Красная команда» (<i>Comando Vermelho, CV</i>) «Первая столичная команда» (<i>Primeiro Comando da Capital, PCC</i>)	«Поезд Арагуа» (<i>Tren de Aragua</i>) «Поезд Льянос» (<i>Tren de los Llanos</i>) «Поезд Гуаяна» (<i>Tren de Guayana</i>) «Южный поезд» (<i>Tren del Sur</i>)	«Клан Залива» (<i>Clan del Golfo</i>) «Фронт Оливер Синистерра» (<i>Frente Oliver Sinisterra</i>) «Фронт Ивана Риоса» (<i>Frente Iván Ríos</i>) «Пограничное командование» (<i>Comando de la Frontera</i>) «Колонна Уриаса Рондона» (<i>Columna Uriás Rondón</i>) «Фронт Франко Бенавидеса» (<i>Frente Franco Benavides</i>) «Фронт Каролина Рамирес» (<i>Frente Carolina Ramírez</i>) «Фронт “Акасио Медина”» (<i>Frente “Acacio Medina”</i>)	«Картель Синалоа» (<i>Cartel de Sinaloa, CDS</i>) «Картель Нового поколения Халиско» (<i>Cartel Jalisco Nueva Generación, CJNG</i>) «Новая Семья Мичоакана» (<i>La Nueva Familia Michoacana</i>)	«Мара Сальвагуча» (<i>Mara Salvatrucha</i>) «Баррио-18» (<i>Barrio 18</i>)	«Лос Чонерос» (<i>Los Choneros</i>) «Лос Тигеронес» (<i>Los Tiguerones</i>) «Лос Лобос» (<i>Los Lobos</i>) «Лос Лагартос» (<i>Los Lagartos</i>) «Чоне Киллерс» (<i>Chone Killers</i>) «Лос Патонес» (<i>Los Patones</i>) «Лос Гангстерс» (<i>Los Gángsters</i>)
«Лос Курва» (<i>Los Curva</i>) (данная группировка связана с колумбийскими, мексиканскими и эквадорскими ПО)					

Источник: составлено автором.

Рисунок 1
Транснациональная криминальная сеть из 27 узлов (акторов)

Источник: составлено автором.

Таблица 2
Показатели сети и их метрики

Показатели сети	Метрики
Количество связей во всей сети	102
Плотность	0,145
Центральность по степени, максимальное значение	9 («Фронт Оливер Синистерра», <i>Frente Oliver Sinisterra</i>)
Центральность по степени, среднее значение	3,778
Центральность по посредничеству, максимальное значение	114,539% («Поезд Арагуа», <i>Tren de Aragua</i>)
Центральность по посредничеству, среднее значение	23,889%
Центральность по собственному вектору, максимальное значение	0,422 («Фронт Оливер Синистерра», <i>Frente Oliver Sinisterra</i>)
Центральность по собственному вектору, среднее значение	0,141
Центральность по близости, максимальное значение	0,018 («Картель Нового поколения Халиско», <i>CJNG</i>)
Центральность по близости, среднее значение	0,013
Клики (полносвязные подсети)	В сети обнаружены 14 клик с минимальным размером в три актора и максимальным размером в четыре актора. Анализ кластерной диаграммы (см. рис. 2) выявил две подсети
Фракции	Фракционный анализ выявил две подсети – фракции. Первая подсеть состоит из семи группировок: «Лос Гангстерс» (<i>Los Gángsters</i>), «Картель Синалоа» (<i>CDS</i>), «Лос Чонерос» (<i>Los Choneros</i>), «Чоне Киллерс» (<i>Chone Killers</i>), «Фронт Оливер Синистерра» (<i>Frente Oliver Sinisterra</i>), «Лос Патонес» (<i>Los Patones</i>), «Фронт Иван Риос» (<i>Frente Ivan Rios</i>). Показатель плотности подсети составил 0,71. Вторая подсеть состоит из трёх группировок: «Картель Нового поколения Халиско» (<i>CJNG</i>), «Лос Тигеронес» (<i>Los Tiguerones</i>), «Колонна Уриас Рондон» (<i>Columna Urias Rondón</i>). Показатель плотности подсети составил 1
Точки сочленения	Идентифицированы шесть узлов: «Мара Сальватруча» (<i>Mara Salvatrucha</i>), «Лос Лобос» (<i>Los Lobos</i>), «Первая столичная команда» (PCC), «Картель Нового поколения Халиско» (<i>CJNG</i>), «Поезд Арагуа» (<i>Tren de Aragua</i>) и «Красная команда» (<i>CV</i>)

Источник: составлено автором.

тральностью по степени²², показывающей количество связей узла, обладает колумбийская группировка «Фронт Оливер Синистерра» (*Frente Oliver Sinisterra*) – диссидентская организация, образовавшаяся на месте ныне несуществующей повстанческой организации «Революционные вооружённые силы Колумбии – Армия народа», РВСК-АН (исп. *Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – Ejército del Pueblo, FARC-EP*). У этой группировки девять связей, что почти в 2,4 раза выше, чем средняя центральность по степени всей сети (3,778). Кроме того, у «Фронта Оливер Синистерра» (*Frente Oliver Sinisterra*) наибольший показатель центральности по собственному вектору – 0,422, то есть в три раза выше среднего значения для сети (0,141). Эта

Идентифицированы шесть узлов: «Мара Сальватруча» (*Mara Salvatrucha*), «Лос Лобос» (*Los Lobos*), «Первая столичная команда» (PCC), «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*), «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*) и «Красная команда» (*CV*)

²² Центральность является мерой важности для узлов в сети.

группировка соединена с другими важными акторами в сети в большей степени, чем любой другой узел. Принимая во внимание показатели центральности по степени и по собственному вектору, «Фронт Оливер Синистерра» (*Frente Oliver Sinisterra*) обладает важной связующей функцией относительно других влиятельных ПО в исследуемой транснациональной криминальной сети.

Наибольший показатель центральности по посредничеству оказался у венесуэльской мегабанды²³ «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*) – 114,539%. Эта мера измеряет степень, в которой узел лежит на путях между другими узлами, то есть насколько он хорошо контролирует потоки информации. Такой результат обусловлен тем фактом, что «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*) связывает пять группировок²⁴ с основной частью сети. Эта ПО является важной частью в сетевой топологии и одним из ключевых связующих элементов всей структуры. Подобное положение может быть связано с миграционным кризисом в Венесуэле с конца 2010-х годов, в результате которого страну покинуло 7,89 млн человек²⁵. Миграционные потоки являются эффективным средством распространения преступных группировок. Миграция предоставила возможность «Поезду Арагуа» (*Tren de Aragua*), которую США признали террористической

организацией²⁶, выйти на транснациональный уровень.

По центральности по посредничеству на втором месте находится бразильская банда «Красная команда» (*CV*) (94%), которая выступает единственным связующим узлом между группировками «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*) и «Поезд Льянос» (*Tren de los Llanos*), «Поезд Гуаяна» (*Tren de Guayana*), «Южный поезд» (*Tren del Sur*) (венесуэльские банды) вместе с «Фронт Каролина Рамирес» (*Frente Carolina Ramirez*) – диссидентской группировкой РВСК-АН²⁷. На третьем и четвёртом местах по данному показателю находятся два мексиканских картеля – «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*) и «Картель Синалоа» (*CDS*) (67,724% и 66,815%, соответственно), которые играют важную роль в преступной логистике по всему региону ЛАКБ. Напрямую или опосредованно они связаны с многими крупнейшими ПО как минимум от Бразилии и Колумбии до Сальвадора и Гватемалы, а в целом их активность фиксируется на территории свыше 40 стран мира²⁸.

Показатель центральности по близости, определяющий насколько близко узел расположен к остальным узлам сети, наибольшим оказался у «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*) (0,018). Центральность по близости рассчитывается как

²³ Мегабандами называются в Венесуэле банды, численностью не менее 50 человек (по другим оценкам не менее 100 человек).

²⁴ «Красная команда» (*CV*), «Поезд Льянос» (*Tren de los Llanos*), «Поезд Гуаяна» (*Tren de Guayana*), «Южный поезд» (*Tren del Sur*) и «Фронт Каролина Рамирес» (*Frente Carolina Ramirez*).

²⁵ На декабрь 2024 г. См.: About the regional Venezuela Situation // International Organization for Migration. 2025. URL: <https://respuestavenezolanos.iom.int/en/about-regional-venezuela-situation> (accessed: 17.04.2025).

²⁶ Designating Cartels And Other Organizations As Foreign Terrorist Organizations And Specially Designated Global Terrorists // The White House. 20.01.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/designating-cartels-and-other-organizations-as-foreign-terrorist-organizations-and-specially-designated-global-terrorists/> (accessed: 17.04.2025).

²⁷ Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, позже к названию добавили Ejército del Pueblo, FARC-EP («Революционные вооружённые силы Колумбии – Армия народа», РВСК-АН) – сформированная в 1960-е годы леворадикальная повстанческая группировка, участвовавшая как сторона ВВК в Колумбии. В 2016 году большая часть РВСК-АН демобилизовалась, но на её месте остались криминализовавшиеся диссидентские группировки.

²⁸ Например, согласно оценке Управления по борьбе с наркотиками (УБН) США, CDS активен в 47 странах мира. См.: National Drug Threat Assessment 2024 // Drug Enforcement Administration. 05.2024. URL: https://www.dea.gov/sites/default/files/2024-05/NDTA_2024.pdf (accessed: 19.04.2025).

величина, обратная сумме геодезических расстояний (длин кратчайших путей) от данного узла до всех остальных узлов в сети. Высокое значение данного показателя указывает на сильную близость узла ко всем остальным элементам в сети, что может быть полезно при управлении ею. Информация проще доходит до «Картели Нового поколения Халиско» (*CJNG*), поскольку другие ПО могут установить контакт с этим картелем по более коротким путям. Именно по этой причине данная ПО имеет привилегированное положение в сети и такое структурное преимущество может быть конвертировано во власть. Полученный вывод подтверждается зависимостью ряда колумбийских, сальвадорских и эквадорских ПО от «Картели Нового поколения Халиско» (*CJNG*).

Отметим также наличие шести точек сочленения (*cutpoints*) в сети — «Мара Сальватруча» (*Mara Salvatrucha*), «Лос Лобос» (*Los Lobos*), «Первая столичная команда» (*PCC*), «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*), «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*) и «Красная команда» (*CV*)²⁹. Только через приведённые группировки другие ПО в исследуемой сети связаны друг с другом. Например, «Красная команда» (*CV*) соединяет три венесуэльские банды — «Поезд Льянос» (*Tren de los Llanos*), «Поезд Гуаяна» (*Tren de Guayana*), «Южный поезд» (*Tren del Sur*) — и одну диссидентскую группировку РВСК-АН «Фронт Каролина Рамирес» (*Frente Carolina Ramírez*). Если убрать из сети крупнейшую бразильскую банду «Первая столичная команда» (*PCC*), тогда другая диссидентская группировка РВСК-АН «Фронт «Акасио Медина»» (*Frente «Acacio Medina»*) будет также отсечена от сети. Аналогично и для других ПО, являющихся точками сочленения: каждая из них связана с актором, который соединён с остальной сетью только через неё. Влиятельность этих шести ПО в сети повышается. Кроме того, наличие группировок,

являющихся точками сочленения, может свидетельствовать, что воздействие на ПО через физическую ликвидацию или арест их ключевых участников способно нарушить обмен информацией и ресурсами во всей сети.

В исследуемой транснациональной криминальной сети выявлены ПО, обладающие большим влиянием на сеть, чем другие её акторы. Особенно выделяются «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*), «Картель Синалоа» (*CDS*), «Фронт Оливер Синистерра» (*Frente Oliver Sinisterra*). Через данную сеть банды и картели способны взаимодействовать друг с другом в транснациональном масштабе, тем самым содействуя появлению криминальных мятежей или поддерживая их в странах, где возникли участвующие в сети ПО.

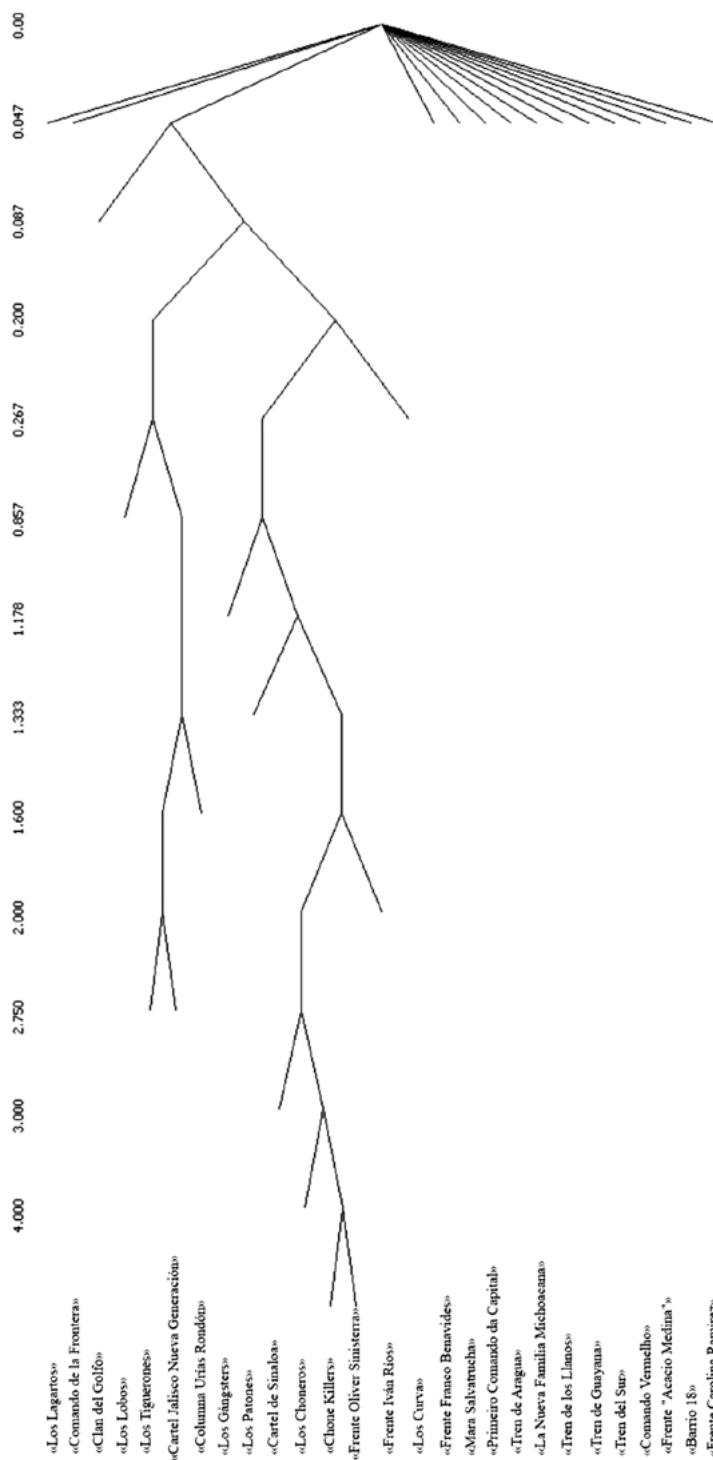
Подсети внутри транснациональной криминальной сети

Значительный интерес представляет и выявление подсетей, для чего мы использовали алгоритм Брона–Кербоша [Bron, Kerbosch 1973]. Анализ с использованием данного алгоритма позволяет проследить, сколько раз каждая пара акторов находится в одной и той же клике, а также иерархическую кластеризацию на основе полученных сведений³⁰. Под кликой понимается набор узлов, которые имеют все возможные связи между собой. Минимальный размер клики равен трём. Иерархическая кластеризация осуществляется путём последовательного объединения акторов во всё более крупные группы, следуя критерию принадлежности пар к одним и тем же кликам. Иерархическая структура кластеров в сети представлена в виде кластерной диаграммы на рис. 2. Шкала сверху показывает уровень, на котором кластеризованы ПО, и соответствует количеству раз, когда узлы встречаются в одних и тех же кликах. Например, «Чоне Киллерс» (*Chone Killers*) и «Фронт Оливер Синистер-

²⁹ Одна из крупнейших и старейших бразильских банд.

³⁰ UCINET 6 for Windows Help Index. Cliques // Analytic Technologies. 2025. URL: <https://www.analytictech.com/ucinet/help/gihz2h.htm> (accessed: 19.04.2025).

Рисунок 2
Кластерная диаграмма

Источник: составлено автором.

ра» (*Frente Oliver Sinisterra*) чаще всего находятся вместе в одной клике; за ними следует комбинация «Чоне Киллерс» (*Chone Killers*) и «Фронт Оливер Синистерра» (*Frente Oliver Sinisterra*) и «Лос Чонерос» (*Los Choneros*).

Первоначально объединяются два наиболее близких актора, принадлежащих наибольшему числу клик, на последующих этапах — всё более удалённые узлы и кластеры, пока все они не будут объединены в одну группу [Salvini, 2005]. На диаграмме, изображённой на рис. 2, идентифицированы два кластера. В первый кластер входит комбинация таких ПО, как «Лос Гангстерс» (*Los Gángsters*), «Картель Синалоа» (*CDS*), «Лос Чонерос» (*Los Choneros*), «Чоне Киллерс» (*Chone Killers*), «Фронт Оливер Синистерра» (*Frente Oliver Sinisterra*), «Лос Патонес» (*Los Patones*) и «Фронт Ивана Риоса» (*Frente Iván Ríos*). Во второй кластер входят «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*), «Лос Тигеронес» (*Los Tiguerones*) и «Колонна Уриаса Рондона» (*Columna Uriás Rondón*). Вывод о наличии двух кластеров, состоящих из перечисленных преступных группировок, подтверждается также применением алгоритма фракций. Плотность подсетей составила для первой фракции 0,71, а для второй — 1, что больше плотности всей сети в 4,9 и в 6,9 раза соответственно. Таким образом, внутри сети могут быть подсети, образованные ПО на основе взаимовыгодных целей. Вероятно, если какая-либо группировка извне станет сотрудничать не просто с любым из участников сети, а будет членом сплочённой подсети, тогда процесс её эволюции может ускориться. В более сплочённых структурах потоки ресурсов, включая информацию, потенциально могут быстрее двигаться между группировками такой подсети по сравнению с сетью в целом. Обмен опытом, технологиями, тактикой, вооружением, нелегальными товарами и

оружием, скорее всего, окажется эффективнее именно при вхождении в сплочённую подсеть.

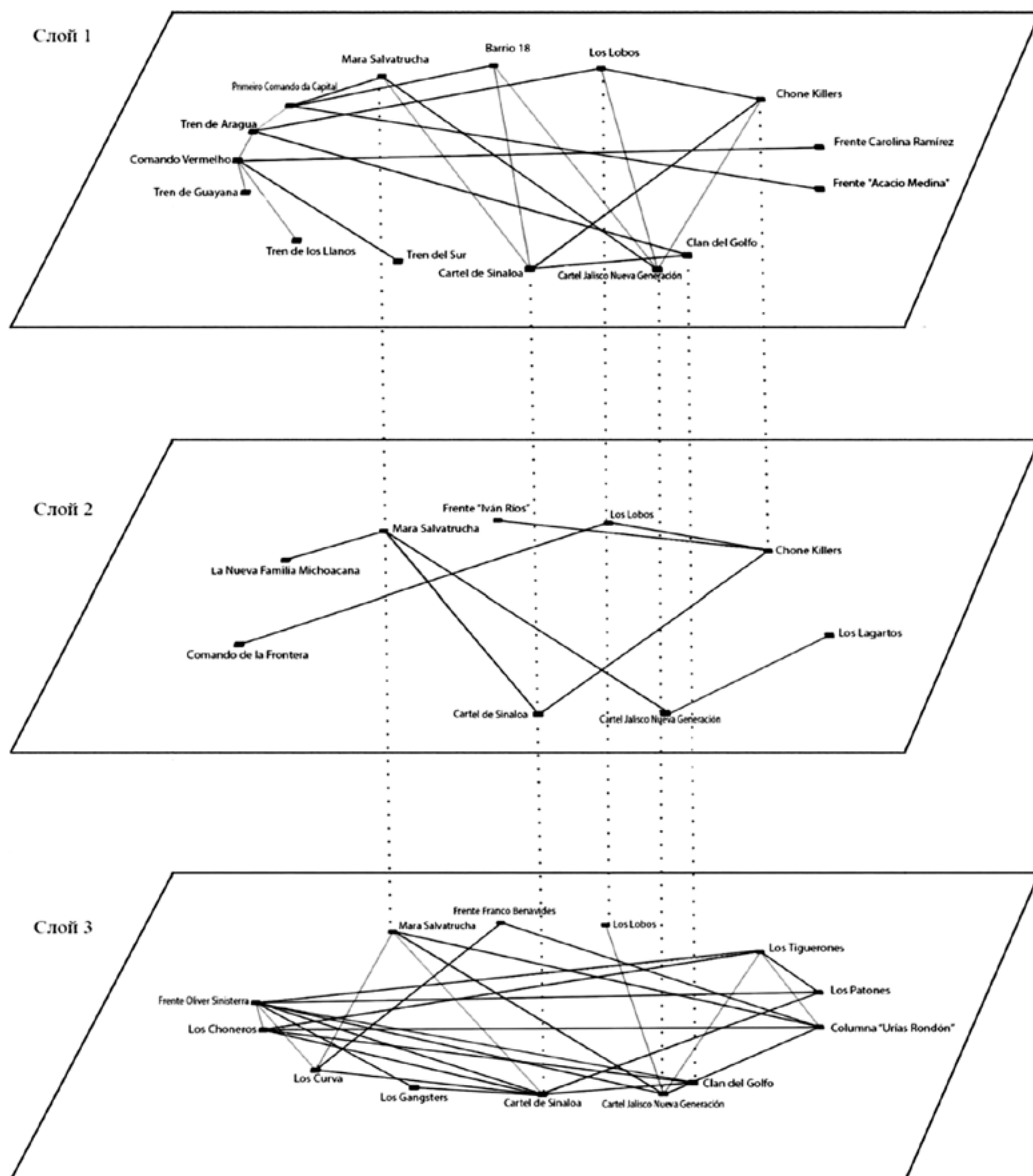
Некоторые из сложных сетей, в том числе преступных, можно разложить на слои, которые в исследуемом случае являются подсетями, объединяющиеся через узлы-соединители, встроенные сразу в два и более слоя. На рис. 3 общая сеть представлена в виде трёх слоев, соединённых через шесть узлов-соединителей: «Мара Сальватруча» (*Mara Salvatrucha*), «Картель Синалоа» (*CDS*), «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*), «Лос Лобос» (*Los Lobos*), «Чоне Киллерс» (*Chone Killers*) и «Клан Залива» (*Clan del Golfo*). Пунктирные линии между слоями (межслойные рёбра) соответствуют одному и тому же узлу-соединителю в разных слоях. Через такие узлы подсети переплетаются и сложным образом (не напрямую) взаимодействуют друг с другом.

Эквадорская банда «Чоне Киллерс» (*Chone Killers*) встречается в первом и втором слоях, а колумбийская «Клан Залива» (*Clan del Golfo*)³¹ — в первом и третьем. Остальные четыре ПО встречаются во всех трёх слоях. Данная схема более наглядно демонстрирует, как именно группировка через присоединение к этим подсетям может получить доступ к новым рынкам сбыта нелегального товара, вооружению, инновациям, в том числе организационным и тактическим нововведениям, получить опыт осуществления более сложных операций и обрести нужные связи. Новая группировка получает возможность стать более важным узлом в системе транснациональной преступности и стать потенциально более привлекательной для тех ПО, которые ищут вход в преступные сети. Такая организация способна получить больше ресурсов и усилить своё влияние как внутри страны происхождения, так и за её пределами. Например, если какая-либо

³¹ Фрагмент конгломерата ультраправых парамилитарных формирований «Объединённые силы самообороны Колумбии» (исп. Autodefensas Unidas de Colombia, AUC), отказавшийся от демобилизации AUC в 2003–2006 годах. На протяжении порядка 20 лет де-факто представляет собой высокоорганизованную преступную группировку.

Рисунок 3

Слой (подсети) из преступных группировок, связанные через узлы-соединители

Источник: составлено автором.

группировка с потенциалом к развитию установит связь с «Лос Курва» (*Los Curva*)³², то у неё появится возможность выйти на мексиканские картели «Картель Синалоа» (*CDS*) и «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*). Через них появится выход на банды «Первая столичная команда» (*PCC*) или «Красная команда» (*CV*), не считая других возможных каналов выхода на эти группировки. Подключение к таким слоям может иметь решающее значение для возникновения криминального мятежа в том государстве, где ранее его не было, но имелись необходимые к нему предпосылки.

Группировки, выступающие в роли узлов-соединителей, являются связующими звеньями между сетями или подсетями, даже если сами сети конкурируют между собой. Наличие таких узлов-соединителей позволяет обеспечить сетям и их объединениям гибкость и взаимозаменяемость, если элементы по каким-то причинам отсоединяются. Даже если подсети настроены друг к другу враждебно, например некоторые альянсы из мексиканских картелей или колумбийских постпартизанских группировок, они могут быть связаны между собой через узлы-соединители, получающие ресурсы от враждующих подсетей в обмен на некоторые услуги. В частности, существуют ПО, специализирующиеся на определённых функциях, например отмывании денег, подобно некоторым китайским группировкам в Мексике [Jones et al. 2022]. В них заинтересованы разные картели, имеющие часто непреодолимые противоречия, что проявляется в вооружённых столкновениях. Тем не менее именно взаимодействие через специализированные ПО позволяет извлекать значительную финансовую выгоду их контрагентам. Разные подсети получают отмывные деньги и увели-

чивают свой ресурсный потенциал. В то же время группировки, выступающие в качестве узлов-соединителей, получают свою долю. Прочие ПО способны выполнять роль связующих звеньев в поставках нелегального товара между группировками, у которых нет прямого выхода друг на друга³³. В результате подсети переплетаются и конкурируют через общие узлы. Иногда такие узлы могут быть заменены или же их количество может вырасти, то есть речь идёт о диверсификации каналов связи участников сети.

В разных сетях могут встречаться одни и те же ПО, которые помогают осуществлять обмен ресурсами и информацией. Учитывая, что информация зачастую имеет решающее значение для эффективного функционирования криминальной сети, её узлы, вероятно, будут стремиться к увеличению обмена сведениями между собой. Новые игроки, вовлекаемые в сеть, точно так же будут стараться устанавливать больше связей для получения больших оперативных возможностей, например для выхода на мощную группировку, у которой значительные влияние и ресурсы. Далеко не всегда это удаётся сделать напрямую, поэтому пользуются услугами узлов-соединителей. Другой пример — наличие крупных группировок в разных подсетях, что позволяет получать доступ сразу к разным материальным ресурсам и информации. Если связь в одной подсети может предоставить доступ к наркотикам, а с другой — к оружию, то возможна и обратная ситуация, когда появляется возможность для ПО самой поставлять свои услуги участникам данной сети, например, наёмнические. Местные банды или картели, включаемые в такие подсети, могут быть связаны напрямую с участниками одной или нескольких

³² Главарей и некоторых участников «Лос Курва» (*Los Curva*) арестовали в конце 2024 года, но есть основания считать, что её инфраструктура не разгромлена полностью.

³³ Пример — ПО «Лос Курва» (*Los Curva*), которая связывала мексиканский «Картель Синалоа» (*CDS*) с диссидентскими группировками РВСК-АН в Колумбии. См.: Dismantling of Colombian-Ecuadorian organization specialized in international cocaine trafficking associated with Mexican cartels // Comando General Fuerzas Militares de Colombia. 26.08.2023. URL: <https://www.cgfm.mil.co/en/multimedia/noticias/dismantling-colombian-ecuadorian-organization-specialized-international-cocaine> (accessed: 19.04.2025).

подсетей, в том числе через узлы-соединители. Встроенность некоторых ПО в криминальную сеть повышает их потенциал и способствует возникновению криминальных мятежей на территории стран, где эти группировки зародились.

Взаимовлияние преступных группировок и их связи с политиками в странах ЛАКБ

Влияние ПО внутри сетей может выражаться в обмене информационными³⁴ и материальными ресурсами³⁵. Подобный обмен важен для эволюции ПО и их способности увеличивать свой организационный, ресурсный, боевой и кадровый потенциал, что повышает их возможности для противодействия правительственным силам и группировкам-соперникам. Тем самым увеличивается вероятность возрастания насилия и перехода ситуации в фазу ВВК. Не всегда состояние криминального мятежа означает соответствие критериям ВВК, но если ПО способны осуществлять территориальный контроль, то вероятность перехода в фазу ВВК повышается. То же справедливо, когда на подобную угрозу государство реагирует с использованием войск. Ниже на конкретных примерах показано, как формирование транснациональной криминальной сети выражается в непосредственной деятельности банд и картелей, равно как и в реакции со стороны правительств на данную угрозу.

В Эквадоре местные банды активно взаимодействуют с иностранными ПО, включая мексиканские картели «Картель Синалоа» (*CDS*) и «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*), а также колумбийские вооружённые группировки. В результате увеличилась ресурсная база местных банд и усилились конфликты внутри них. Например, эквадорская банда «Лос Чонерос» (*Los*

Choneros) распалась на фракции. Более того, образованные вооружённые группировки оказались способны бросить вызов государству в отдельных регионах страны. В частности, из текста Исполнительного указа №410 президента Эквадора от 3 октября 2024 г. следует, что правительство фактически признаёт наличие у вооружённых группировок контроля на определённых территориях в провинциях Гуаяс, Лос-Риос, Манаби, Орельяна, Санта-Элена, Эль-Оро и столичном округе Кито³⁶. В этом ключевом документе власти Эквадора подробно излагают действия двух ПО, идентифицированных как организованные вооружённые группы (исп. *Grupos Armados Organizados*, GAO) – «Лос Чонерос» (*Los Choneros*) и «Лос Лобос» (*Los Lobos*)³⁷. Для каждой из них были определены их структура, территориальный контроль, обучение, создание штаб-квартиры и логистика на основе известной информации.

Военные и спецслужбы Эквадора выявили причастность ПО к насилию по всей стране. Эти группировки получили влияние как на региональном, так и на национальном уровнях. Особенно важным представляется сделанный в отчёте вывод: «Раньше в сценах насилия преобладало холодное оружие, но в последнее время наблюдается рост использования огнестрельного оружия, которое перешло от кустарного к международному промышленному производству, что свидетельствует об усложнении технологий и расширении доступа к современному оружию [...]. Тем самым подтверждается вывод, что использованное оружие не соответствует характеристикам обычных преступников»³⁸.

На основании анализа актов насилия в Эквадоре власти заключают, что демонстрируется непрерывность ВВК, которая

³⁴ Например, организационными инновациями, сведениями о действиях правительственных сил, тактическими приёмами, элементами пропаганды.

³⁵ Финансовыми, людскими, оружием, наркотиками.

³⁶ Daniel Noboa Azín Presidente Constitucional de la República (2024) № 410 // Lexis Ecuador. 03.10.2024. URL: https://strapi.lexis.com.ec/uploads/DE_EE_410_03102024_1_Copy_signed_1_1_20240903001433_8fbc959e15.pdf (accessed: 22.08.2025).

³⁷ Образовалась вследствие раскола «Лос Чонерос» (*Los Choneros*).

³⁸ Ibid. P. 33.

подтверждается «поддержанием военных действий организованными вооружёнными группами, которые присутствуют в стране и которые не прекращаются этими группами, стремящимися дестабилизировать институциональную структуру государства»³⁹. Эти преступные организации заключили союзы с другими криминальными структурами, в том числе временные, которые позволяли им выживать перед лицом действий государственных органов.

В других случаях они создавали территориальные альянсы (альянсы ПО, действующие на определённой территории), которые позволяли им, с одной стороны, расширять своё присутствие и влияние на национальном уровне, а с другой — получать ресурсы за счёт предоставления криминальных франшиз⁴⁰ местным бандам. ПО также формировали властные альянсы, направленные на проникновение в различные уровни государственной власти посредством кооптации должностных лиц. Подчеркнём, что увеличение организационного и боевого потенциала невозможно без доступа к значительным материально-финансовым ресурсам. Эти ресурсы эквадорские ПО могли получить прежде всего за счёт наркоторговли, что требует встраивания в транснациональные криминальные сети. Как показано в данной работе, такая сеть существует, поэтому ключевыми связующими узлами для эквадорских группировок с глобальным наркорынком выступают мексиканские картели и колумбийские ПО. Эквадорское руководство во главе с Даниэлем Нобоа в подобных условиях вынуждено отвечать на вызов со стороны преступных группировок с помо-

щью вооружённых сил.

В случае Колумбии, образовавшиеся на месте РВСК-АН и «Объединённых сил самообороны» (АУС) структуры, а также другие формирования продолжают участвовать в ВВК, но уже в форме криминального мятежа. Получив выход на мексиканские картели через ПО, выступающие в качестве узлов-соединителей в транснациональных криминальных сетях⁴¹, колумбийские группировки получают ресурсы, позволяющие им поддерживать и даже расширять свои преступные предприятия, параллельно оказывая сопротивление правительственным силам. Ранее в Колумбии фрагментация Медельинского картеля и картеля Кали также привела к формированию горизонтальных слабосвязанных мелкокомасштабных сетей, которые лучше подходят для наркопроизводства. Несмотря на активное противодействие ПО колумбийскими правительствами, в частности, во время руководства страной Хуаном Мануэлем Сантосом (2014–2018), Иваном Дукес Маркесом (2018–2022) и Густаво Петро (2022–н.в.), признаков завершения ВВК нет.

При Х. Мануэле Сантосе активно проводились операции по аресту и ликвидации главарей ПО, а также велось уничтожение наркопосевов. В 2015 г. началась операция «Агамемнон», направленная против главарей ПО. Ключевым событием стала поимка в октябре 2021 г. уже при И. Дукес Маркесе главаря «Клан Залива» (*Clan del Golfo*) Д.А. Усуги. При этих президентах правительство использовало контрповстанческую и контртеррористическую тактику, создавались новые элитные подразделения,

³⁹ Ibid. P. 35.

⁴⁰ Использование франшизы в данном контексте означает, что крупная ПО разрешает мелким бандам действовать под своим «брендом». Эти банды сохраняют определённую автономию, представляя материнской структуре некоторые криминальные услуги. Данный тип организации расширяет оперативные возможности ПО.

⁴¹ Например, «Лос Курва» (Los Curva), о поимке членов которой сообщало Главное командование вооружённых сил Колумбии (исп. Comando General de las Fuerzas Militares de Colombia). Comando General Fuerzas Militares de Colombia (2023) Dismantling of Colombian-Ecuadorian organization specialized in international cocaine trafficking associated with Mexican cartels // Comando General Fuerzas Militares de Colombia. 26.08.2023. URL: <https://www.cgfm.mil.co/en/multimedia/noticias/dismantling-colombian-ecuadorian-organization-specialized-international-cocaine> (accessed: 22.08.2025).

например Командование по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и транснациональными угрозами (исп. *Comando contra el Narcotráfico y Amenazas Transnacionales, CONAT*)⁴². После прихода к власти Г. Петро войска стали нередко прибегать к локальным операциям по ликвидации или аресту лидеров вооружённых группировок, включая диссидентов РВСК-АН — «Центрального генерального штаба» (исп. *Estado Mayor Central, EMC*) и «Второй Маркеталии» (исп. *Segunda Marquetalia, SM*), или же к контролю ключевых территорий и маршрутов, по которым проходит наркотрафик, особенно в приграничных с Венесуэлой зонах.

На бразильские ПО оказывают влияние колумбийские преступные военизированные формирования, включая диссидентские группировки РВСК-АН. В частности, крупнейшая банда «Первая столичная команда» (*PCC*), встраиваясь в транснациональную криминальную сеть, вербует наёмников из числа диссидентов РВСК-АН⁴³, пытаясь получить тяжёлое оружие и военную подготовку, а также стремясь расширить своё присутствие на территории Колумбии⁴⁴. «Первая столичная команда» (*PCC*), получив доступ к ресурсам от участия в торговле наркотиками, распространило своё влияние на территории 28 стран мира. Для борьбы с такими бразильскими ПО, как «Первая столичная команда» (*PCC*) и «Красная команда» (*CV*),

и их взаимодействием с диссидентами РВСК-АН Бразилия и Колумбия ведут тесное сотрудничество по линии министерств обороны⁴⁵ и других ведомств.

Взаимодействие с диссидентами РВСК-АН позволяет бразильским группировкам милитаризоваться и противодействовать властям Бразилии в асимметричном конфликте на трёх уровнях: локальном, например, отдельных фавел; региональном, в частности районов городов и других территорий; национальном — через угрозу безопасности, которая является одним из ключевых факторов, влияющих на выборы политиков федерального значения. На эту угрозу федеральные власти вынуждены реагировать применением войск. В ряде бразильских фавел Рио-де-Жанейро властями применяется программа «Подразделение полиции умиротворения» (порт. *Unidade de Polícia Pacificadora*). В ходе неё проводятся рейды с участием военной полиции, которая, в зависимости от уровня сопротивления ПО, например, «Красной команды» (*CV*), может рассчитывать на поддержку Батальона специальных полицейских операций и даже вооружённых сил⁴⁶. Совместно с этими подразделениями осуществляются вторжения в фавелы, в ходе которых занятые территории зачищаются и удерживаются, что сближает практику «Подразделения полиции умиротворения» с подходами контрповстанческой борьбы.

⁴² Presidente Duque crea comando e'lite para golpear el narcotráfico // Comando General Fuerzas Militares de Colombia. 26.02.2021. URL: <https://www.cgfm.mil.co/es/multi-media/noticias/presidente-duque-crea-comando-elite-para-golpear-el-narcotrafico> (accessed: 22.08.2025).

⁴³ Этих боевиков вербует также «Клан Залива» (Clan del Golfo).

⁴⁴ Об этом сообщил бывший министр обороны Колумбии Л. Вильегас в интервью газете The Wall Street Journal: Jelmayer R., Vyas K., Pearson S. Brazilian Gang Enlists FARC Rebels for Drug Trade // The Wall Street Journal. 31.01.2017. URL: <https://www.wsj.com/articles/brazilian-gang-enlists-farc-rebels-for-drug-trade-1485858609> (accessed: 22.08.2025).

⁴⁵ Brasil e Colômbia serão implacáveis contra narcotraficantes que atuam na fronteira // Ministério da Defesa. 31.01.2017. URL: <https://www.gov.br/defesa/pt-br/centrais-de-conteudo/noticias/ultimas-noticias/brasil-e-colombia-serao-implacaveis-contra-narcotraficantes-que-atuam-na-fronteira> (accessed: 23.08.2025).

⁴⁶ UPP — Unidade de Polícia Pacificadora // Mundo Educação. 2025. URL: <https://mundoeducacao.uol.com.br/geografia/upp-unidade-policia-pacificadora.htm> (accessed: 23.08.2025); Bozicovich K. Brasil: Unidades de Polícia Pacificadora (UPPs) // Organización de los Estados Americanos. 12.04.2018. URL: <https://www.oas.org/ext/es/seguridad/red-prevencion-crimen/Recursos/Multimedios/ArtMID/1608/ArticleID/1367/BRASIL-UNIDADES-DE-POLIC%C3%8DA-PACIFICADORA-UPPs> (accessed: 23.08.2025).

В ходе установления контактов с иностранными ПО местные группировки усиливают свой ресурсный потенциал, одновременно диверсифицируя источники дохода. Примером этому являются банды Венесуэлы, которые активно взаимодействуют с бразильскими контрагентами. Согласно информации возглавляемого правительством Бразилии Института прикладных экономических исследований, фиксируются связи между бандой «Красная команда» (CV) и венесуэльскими группировками «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*), «Поезд Льянос» (*Tren de los Llanos*), «Поезд Гуаяна» (*Tren de Guayana*) и «Южный поезд» (*Tren del Sur*) [Chagas 2024]. Кроме того, крупнейшая венесуэльская банда «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*) вследствие взаимодействия с иностранными ПО, например с бразильской «Первой столичной командой» (PCC), получила дополнительные источники дохода. Она использовала различные виды преступной деятельности, включая незаконную добычу полезных ископаемых, похищение людей и торговлю ими, вымогательство и торговлю наркотиками, например, кокаином⁴⁷. Несмотря на заявление Николаса Мадуро о якобы ликвидации «Поезда Арагуа» (*Tren de Aragua*)⁴⁸ и взятии под контроль тюрьмы Токорон силами 11 тыс. военных в сентябре 2023 года, использовавшейся бандой в качестве командного центра, есть осно-

вания полагать, что она сохранила значительную часть своего потенциала и действует на территории от Чили до США.

В феврале 2024 г. колумбийские власти сообщили, что «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*) и колумбийская группировка «Клан Залива» (*Clan del Golfo*) борются за территории в девяти районах Боготы⁴⁹ — локальный и региональный уровни противостояния. Венесуэльская ПО фактически финансирует местные небольшие колумбийские группировки и через них ведёт вооружённую борьбу за территории.

Отдельно следует отметить, что на территории Венесуэлы активны колумбийские ПО, включая диссидентов РВСК-АН, особенно в приграничной зоне — как со стороны Колумбии, так и со стороны Венесуэлы, которую колумбийские ПО рассматривают в качестве стратегического тыла. Последние, взаимодействуя с венесуэльскими бандами, передают им свой опыт, причём даже если противостоят друг другу⁵⁰. Для борьбы с колумбийскими диссидентами РВСК-АН венесуэльские власти используют военную силу вплоть до бомбардировок⁵¹. Наиболее спорным незаконным рынком в этих районах является приграничный наркотрафик. Производственный цикл наркотиков находится в департаменте Северный Сантандер (Колумбия), начиная с выращивания листьев коки и заканчивая производством гидрохлорида

⁴⁷ Treasury Sanctions Tren de Aragua as a Transnational Criminal Organization // U.S. Department of the Treasury. 11.07.2024. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2459> (accessed: 24.08.2025).

⁴⁸ Venezuela reitera su lucha por la seguridad nacional y la derrota del Tren de Aragua // Partido Socialista Unido de Venezuela. 19.03.2025. URL: <http://www.psuv.org.ve/temas/noticias/venezuela-reitera-su-lucha-por-seguridad-nacional-y-derrota-tren-aragua/> (accessed: 24.08.2025).

⁴⁹ Las AGC y el 'Tren de Aragua' se disputan territorios en nueve localidades de Bogotá // Defensoría del Pueblo de Colombia. 27.02.2024. URL: <https://www.defensoria.gov.co/-/las-agc-y-el-tren-de-aragua-se-disputan-territorios-en-nueve-localidades-de-bogota%C3%A1> (accessed: 24.08.2025).

⁵⁰ ПО, вступая в вооружённое противоборство друг с другом, анализируют и перенимают тактические и организационные методы своих противников.

⁵¹ См.: FANB destruyó campamento GEDO en Apure // Comando Estratégico Operacional de la FANB. 2024. URL: <http://ceofanb.mil.ve/fanb-destruyo-campamento-gedo-en-apure/> (accessed: 24.08.2025); GJ Padrino López: El CEOFANB está activado permanentemente en la Operación «Escudo Bolivariano 2021» // Comando Estratégico Operacional de la FANB. 27.03.2021. URL: <https://ceofanb.mil.ve/gj-padrino-lopez-el-ceofanb-esta-activado-permanentemente-en-la-operacion-escudo-bolivariano-2021/> (accessed: 24.08.2025); Venezuela: Affrontements entre l'armée vénézuélienne et la guérilla FARC-EP // Secours Rouge. 24.03.2021. URL: <https://secoursrouge.org/venezuela-affrontements-entre-larmee-venezuelienne-et-la-guerilla-farc-ep/> (accessed: 24.08.2025).

кокаина. В силу своего географического положения экспортные маршруты наркотиков проходят через территорию Венесуэлы при координации или активном участии различных незаконных и легальных субъектов. На границе со стороны Колумбии в районе г. Кукута действуют «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*), «Клан Залива» (*Clan del Golfo*), диссиденты РВСК-АН и «Армия национального освобождения» (исп. *Ejército de Liberación Nacional, ELN*). Последняя представляет собой колумбийскую леворадикальную повстанческую группировку, связанную с мексиканскими картелями. ПО контролируют нелегальные переходы, где взимают плату с мигрантов, в основном граждан Венесуэлы. Другими важными источниками ресурсов группировок также являются добыча полезных ископаемых, вымогательство и незаконная вырубка леса.

Сальвадорские марас⁵² и мексиканские картели выигрывают от взаимодействия друг с другом. «Мара Сальватруча» (*Mara Salvatrucha*) имела связи практически со всеми мексиканскими картелями, включая «Картель Синалоа» (*CDS*) и «Картель Нового поколения Халиско» (*CJNG*)⁵³. В подобных сетевых союзах картели приобретают гибкость, оперативность и адаптивность, что позволяет им эффективнее проникать на территории иностранных государств, где присутствуют ПО. Это же утверждение касается марас «Баррио-18» (*Barrio 18*), имеющую связи с «Картелем Синалоа» (*CDS*) и «Картелем Нового поколения Халиско» (*CJNG*).

Подобные альянсы являются фактором, многократно усиливающим ПО против уже испытывающих трудности силовых ведомств стран ЛАКБ. На эту угрозу власти вынуждены реагировать чрезвычайными мерами. Например, властям Сальвадора во главе с Найибом Букеле удалось радикально снизить уровень насилия только через милитаризацию. Президент Сальвадора в 2021 г. заявил, что в течение пяти лет будет вдвое увеличена численность военнослужащих – до 40 тыс. человек⁵⁴. Марас же были признаны террористическими организациями, которые стремятся взять на себя осуществление полномочий, принадлежащих сфере государственного суверенитета⁵⁵, то есть представляют собой угрозу национального уровня. Тем не менее потенциал марас остаётся огромен и часть их ключевых структурных элементов находится за пределами Сальвадора. Как итог, даже через использование радикальных мер пока не получается полностью разгромить эти ПО.

В Мексике ситуация тяжелее. Будучи одними из ключевых участников глобального наркобизнеса, мексиканские картели оперируют колоссальными ресурсами, что позволяет им активно противодействовать правительственным силам и группировкам-конкурентам на локальном, региональном и национальном уровнях, принимая во внимание их обширный контроль над территорией страны. Даже развязанная президентом Фелипе Кальдероном (2006–2012) в декабре 2006 г. нарковойна против картелей, в которой правительство исполь-

⁵² Так называется одна из форм банд, распространившихся в странах Центральной Америки. Марас имеют не локальные, а транснациональные корни, которые тесно связаны с миграционными тенденциями.

⁵³ Full-Scale Response: A Report on the Department of Justice's Efforts to Combat MS-13 from 2016–2020 // U.S. Department of Justice. 2020. URL: https://www.justice.gov/d9/pages/attachments/2021/01/20/full-scale_response_-_report_on_doj_efforts_to_combat_ms-13.pdf (accessed: 25.08.2025). P. 9.

⁵⁴ Presidente Nayib Bukele lanza Fase IV del Plan Control Territorial con la incorporación de 1,046 elementos militares // Presidencia de la República de El Salvador. 19.07.2021. URL: <https://www.presidencia.gob.sv/presidente-nayib-bukele-lanza-fase-iv-del-plan-control-territorial-con-la-incorporacion-de-1046-elementos-militares/> (accessed: 27.08.2025).

⁵⁵ Decreto № 350. La Asamblea Legislativa de la República de El Salvador // Asamblea Legislativa de El Salvador. 05.04.2022. URL: <https://www.asamblea.gob.sv/sites/default/files/documents/decretos/A79FF372-D786-4E56-84DC-A6475EB2B294.pdf> (accessed: 27.08.2025).

зовало войска и Национальную гвардию, не позволила полностью подавить эти ПО. Подтверждением данного вывода служат зарегистрированные в последнее время⁵⁶ боестолкновения между картелями в штатах Герреро⁵⁷ и Мичоакан⁵⁸, а также между ними и правительственными силами, где только в 2022–2024 годах погибли как минимум сотни человек. В некоторых случаях картели устраивают настоящую осаду городов, как это было в Кульякане (штат Синалоа) в 2019 и 2023 годах. В первом случае одна из фракций «Картеля Синалоа» (CDS) задействовала порядка 700 боевиков с тяжёлым вооружением и бронетехникой, осуществив нападение на правительственные силы и вынудив их выпустить Овидио Гусмана Лопеса — сына Хоакина Гусмана Лоэры, одного из главарей «Картеля Синалоа» (CDS), отбывающего наказание в США. В 2023 г. власти подготовились лучше, задействовав на порядок больше военных, и сумели взять под стражу О. Гусмана⁵⁹. В этих боестолкновениях погибли десятки человек, включая самих боевиков, военнослужащих и мирных жителей. В борьбе с ПО власти применяют подход межведомственного взаимодействия для ликвидации или ареста участников ПО, изъятия наркотиков, огнестрель-

ного оружия, гранат, взрывчатых веществ, боеприпасов и транспортных средств преступников.

В большинстве стран, которые представлены в исследуемой сети бандами или картелями, криминальный мятеж достигает уровня ВВК. Как минимум в одной из стран существует повышенный риск перехода в фазу ВВК. В таблице 3 для этих шести стран ЛАКБ показаны данные об интенсивности насилия, относимого экспертами *UCDP* к организованному насилию либо между двумя негосударственными группировками, либо между негосударственной группировкой и правительственными силами. Диадой обозначается ситуация с двусторонним вооружённым насилием между группировками: в табл. 3 в диадах как минимум одной из сторон является ПО с корыстной мотивацией, которые, по мнению автора, наиболее отвечают признакам сторон ВВК*.

Как минимум в четырёх из шести указанных в табл. 3 государств интенсивность насилия соответствует ВВК. В Сальвадоре, несмотря на общий высокий уровень насилия до прихода Н. Букеле⁶⁰, ВВК не фиксируется экспертами *UCDP*. Впрочем, потенциал для дестабилизации безопасности этой страны сохраняется до сих пор.

⁵⁶ Речь идёт, в частности, о противостоянии группировок «Лос Ардиллос» (Los Ardillos) и «Лос Тлакос» (Los Tlacos), а также между «Объединёнными картелями» (исп. Carteles Unidos) и «Объединёнными воинами» (исп. Guerreros Unidos), с одной стороны, и «Лос Тлакос» (Los Tlacos), с другой.

⁵⁷ Фиксируется присутствие по меньшей мере 24 ПО, включая «Новую семью Мичоакана» (La Nueva Familia Michoacana). См.: El secretario de Seguridad y Protección Ciudadana brinda información sobre eventos ocurridos en Tecpan de Galeana, Guerrero // Secretaría de Seguridad y Protección Ciudadana. 25.10.2024. URL: <https://www.gob.mx/sspc/prensa/el-secretario-de-seguridad-y-proteccion-ciudadana-brinda-informacion-sobre-eventos-ocurridos-en-tecpan-de-galeana-guerrero-381887> (accessed: 27.08.2025).

⁵⁸ Присутствуют «Картель Синалоа» (CDS), «Новая семья Мичоакана» (La Nueva Familia Michoacana), «Картель Санта-Роза-де-Лима» (Cártel de Santa Rosa de Lima), «Лас Мойкас» (Las Moicas), «Картель Нового поколения Халиско» (CJNG) и «Картель Зикуйран» (Cártel de Zicuirán). Michoacán combate la delincuencia en coordinación con la Federación y colaboración de EU: Bedolla // Gobierno del Estado de Michoacán. 17.06.2025. URL: <https://michoacan.gob.mx/noticias/michoacan-combate-la-delincuencia-en-coordinacion-con-la-federacion-y-colaboracion-de-eu-bedolla/> (accessed: 27.08.2025).

⁵⁹ Estrategia Nacional de Seguridad Pública y la política Cero Impunidad permiten captura de Ovidio «N» // Secretaría de Seguridad y Protección Ciudadana. 05.01.2023. URL: <https://www.gob.mx/sspc/prensa/estrategia-nacional-de-seguridad-publica-y-la-politica-cero-impunidad-permiten-captura-de-ovidio-n> (accessed: 28.08.2025).

⁶⁰ В 2015 г. количество насильственных смертей в Сальвадоре превышало 100 случаев на 100 тыс. жителей, что превосходит количество насильственных смертей (одностороннее насилие) в некоторых зонах традиционных вооружённых конфликтов. После прихода к власти Н. Букеле количество убийств уменьшилось примерно в 40 раз. Отчасти этого удалось добиться через силовые

Таблица 3
Интенсивность насилия в диадах за определенный период

Страна	Диады	Количество насильственных смертей	Период, годы
Бразилия	«Первая столичная команда» (<i>PCC</i>)* – «Красная команда» (<i>CV</i>)*	2701	2015–2024
Венесуэла	«Центральный генеральный штаб» (<i>EMC</i>)* – «Армия национального освобождения» (<i>ELN</i>)	16	2021–2022
Колумбия	«Клан Залива» (<i>Clan del Golfo</i>)* – «Армия национального освобождения» (<i>ELN</i>)	89	2017–2024
	«Центральный генеральный штаб» (<i>EMC</i>)* – «Армия национального освобождения» (<i>ELN</i>)	283	2017–2024
	«Центральный генеральный штаб» (<i>EMC</i>)* – правительственные силы Колумбии	483	2017–2024
	«Вторая Маркеталия» (<i>SM</i>)* – правительственные силы Колумбии	70	2019–2024
Мексика	«Картель Синалоа» (<i>CDS</i>)* – «Картель Нового поколения Халиско» (<i>CJNG</i>)*	29 575	2015–2024
	«Новая семья Мичоакана» (<i>La Nueva Familia Michoacana</i>)* – «Картель Нового поколения Халиско» (<i>CJNG</i>)*	3538	2016–2024
Сальвадор	–	–	–
Эквадор	«Лос Чонерос» (<i>Los Choneros</i>)* – «Лос Лобос» (<i>Los Lobos</i>)*	584	2021–2024

Источник: Uppsala Conflict Data Program // Department of Peace and Conflict Research. Uppsala Conflict Data Program. 2025. URL: <https://ucdp.uu.se/encyclopedia> (accessed: 30.08.2025).

В табл. 3 приведены только те диады, в которых присутствуют банды и картели из исследуемой сети, отвечающие критерию организованности сторон ВВК. Относительно Колумбии в данных *UCDP* не выделяются отдельно группировки внутри крупнейших диссидентских объединений РВСК-АН – «Центральный генеральный штаб» (*EMC*) и «Вторая Маркеталия» (*SM*), представленных в данной сети. Например, группировки «Колонна Уриас Рондон» (*Columna Urias Rondón*) и «Фронт Франко Бенавидеса» (*Frente Franco Benavides*) относятся к диссидентам «Центрального генерального штаба» (*EMC*), а «Фронт Оливер Синистерра» (*Frente Oliver Sinisterra*) и «Фронт Иван Риос» (*Frente Iván Ríos*) –

ко «Второй Маркеталии» (*SM*). Существуют и другие группировки из перечисленных шести стран, соответствующие критерию организованности, но доказательств их связи с исследуемой в данной работе сетью пока не обнаружено.

Приведённые в табл. 3 данные означают, что по меньшей мере в четырёх из шести государств, к которым относятся ПО в исследуемой сети, фиксируется криминальный мятеж уровня ВВК. В Венесуэле наблюдается пограничная ситуация, поскольку на её территории присутствуют группировки, достигшие уровня организованности сторон ВВК, но интенсивность насилия по данным *UCDP* ниже порогового значения (25 смертей за календарный

меры, отчасти через сговор с мафас: Farah D., Richardson M. Gangs No Longer: Reassessing Transnational Armed Groups in the Western Hemisphere // National Defense University Press. 05.2022. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratperspective/inss/Strategic-Perspectives-38.pdf> (accessed: 19.04.2025).

Таблица 4
Показатель TRACE для некоторых стран ЛАКБ

Страна	Взаимодействие с правительством	Противодействие взяточничеству	Прозрачность государственной и гражданской службы	Способность осуществлять гражданский надзор
Чили (35)	45	34	26	21
Аргентина (82)	62	47	42	23
Колумбия (90)	52	55	45	38
Бразилия (103)	61	57	46	32
Мексика (119)	59	68	46	44
Эквадор (120)	62	59	52	39
Сальвадор (137)	58	63	65	49
Гватемала (139)	60	74	61	45
Гаити (179)	79	75	75	56
Венесуэла (188)	80	81	88	70

Источник: TRACE Bribery Risk Matrix // TRACE International. 2024. URL: <https://www.traceinternational.org/trace-matrix> (accessed: 31.08.2025).

год). Полагаем, что на территории Венесуэлы имеет место криминальный мятеж предпорогового уровня. С учетом того что в стране активны колумбийские вооружённые ПО, потенциал для полноценного перехода в фазу ВБК сохраняется. В Сальвадоре ситуацию можно охарактеризовать как криминальный мятеж, который ниже порога идентификации ВБК – как по организованности группировок, так и по уровню интенсивности двустороннего организованного насилия. Наконец, группировки из исследуемой сети, к которым относятся «Поезд Арагуа» (*Tren de Aragua*), «Мара Сальватруча» (*Mara Salvatrucha*), «Баррио-18» (*Barrio 18*) и эквадорская «Лос Тигеронес» (*Los Tiguerones*), по мнению автора, могут быть идентифицированы как ПО предпорогового уровня. Они обладают потенциалом, чтобы стать сторонами ВБК.

Влияние ПО в ЛАКБ могло быть значительно ниже, если бы уровень коррупции в странах данного региона не был высоким. Для оценки уровня коррупции в странах ЛАКБ мы использовали комбинированный показатель *TRACE* (*TRACE Matrix*), который измеряет риск взяточничества в бизнесе в 194 юрисдикциях, территориях,

автономных и полуавтономных регионах. Общий рейтинг представляет собой комбинированный показатель по четырём характеристикам: взаимодействие бизнеса с государственными органами; противодействие взяточничеству и меры по обеспечению соблюдения антикоррупционной политики; прозрачность государственного управления и государственной службы; способность к надзору со стороны гражданского общества, включая СМИ. Чем выше показатель, тем тяжелее ситуация в стране. В таблице 4 представлены характеристики для некоторых стран ЛАКБ в 2024 году. В первом столбце рядом с названием страны в скобках указано место в рейтинге *TRACE*.

Страны ЛАКБ, преступные организации которых идентифицированы в исследуемой транснациональной криминальной сети, находятся либо в середине, либо в нижней части рейтинга. Ситуация с коррупцией, в том числе в госаппарате, в этих странах является тяжёлой. В подобных условиях преступным группировкам легче проникать в органы государственной власти и оказывать на них влияние в своих корыстных интересах.

В качестве примера связей ПО с политиками, высокопоставленными чиновниками и представителями силовых ведомств в ЛАКБ следует привести Мексику. В 2019 г. прокуратура США предъявила обвинения бывшему министру обороны Мексики Сальваторе Сьенфуэгосе (2012–2018), подозревая его в сговоре с мексиканским преступным картелем *H-2*⁶¹. Его задержали в Лос-Анджелесе по запросу УБН, но позже американская сторона отказалась от обвинений и позволила вернуться на родину. Между тем мексиканская Генпрокуратура сняла с С. Сьенфуэгоса все подозрения, поскольку проверка якобы не нашла достаточных подтверждений контактов экс-министра с картелями. При этом власти Мексики обнародовали 700-страничный документ с записями разговоров и изображениями, зафиксированными с 2015 по 2017 г. агентами УБН, которые утверждали, что в материалах фигурирует С. Сьенфуэгос, либо там есть ссылки на него⁶².

Другим примером является экс-министр общественной безопасности Мексики Хенаро Гарсия Луна (2006–2012), которого обвинили в связях с главарем «Картеля Синалоа» (CDS) Х. Гусманом Лоэра⁶³. В обмен на взятки преступная организация получала от министра гарантии на безопасный проход для своих поставок наркотиков, конфиденциальную информацию

правоохранительных органов о расследованиях в отношении картеля и информацию о конкурирующих картелях, тем самым облегчая импорт многотонных партий кокаина и других наркотиков в Соединённые Штаты. По состоянию на 2025 г. экс-министр отбывает 38-летний срок в тюрьме *ADX Florence* (штат Колорадо, США).

В Бразилии оргпреступность и политики всё чаще устанавливают связи. В частности, «Первая столичная команда» (*PCC*) осуществляла попытки проникновения в муниципальные выборы 2024 году, выдвигая своих кандидатов. Банда использовала финансовую инфраструктуру для спонсирования избирательных кампаний: как минимум три кандидата в городах Можи-дас-Крузис, Убатуба и Санту-Андре (входят в агломерацию Сан-Паулу) получили прибыль от наркоторговли, о чём свидетельствуют перехваченные сообщения⁶⁴. О связях так называемых милиций⁶⁵ с политиками представила Парламентская комиссия по расследованию (порт. *Comissão Parlamentar de Inquérito*)⁶⁶. В числе обвиняемых упоминается депутат штата Рио-де-Жанейро Н. Гимарайнш и экс-руководитель гражданской полиции г. Рио-де-Жанейро А. Линс⁶⁷, что соответствует региональному уровню влияния ПО. Как сообщил в интервью автору данной работы офицер полиции г. Рио-де-Жанейро Р. Латерца,

⁶¹ ПО, образовавшаяся после распада «Картеля Бельтран Лейва» (*Cártel de los Beltrán Leyva*).

⁶² Información sobre el caso del general retirado Salvador Cienfuegos Zepeda // Gobierno de México. 29.10.2020. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/sre/informacion_recibida_por_la_sre_sobre_el_caso_del_general_retirado_salvador_cienfuegos_zepeda.pdf (accessed: 01.09.2025).

⁶³ International Cocaine Distribution Conspiracy // United States District Court Eastern District of New York. 04.12.2019. URL: [https://www.justice.gov/usao-edny/press-release/file/1224846/dl?inline=](https://www.justice.gov/usao-edny/press-release/file/1224846/dl?inline=1) (accessed: 01.09.2025).

⁶⁴ Заявление начальника полиции г. Сан-Паулу Ф. Интелисано: Balanço da operação Decurio é divulgado pela Polícia Civil // Globoplay. 07.08.2024. URL: <https://globoplay.globo.com/v/12809157/> (accessed: 01.09.2025). Подробнее об этом деле: Godoy M., Mazzoco H. PCC tenta se infiltrar nas eleições municipais de 2024, aponta investigação // Terra. 08.08.2024. URL: <https://www.terra.com.br/noticias/brasil/politica/pcc-tenta-se-infiltrar-nas-eleicoes-municipais-de-2024-aponta-investigacao,f62636790dd5964126b622553fc6d726lship6co.html> (accessed: 01.09.2025).

⁶⁵ Военизированные мафия-подобные структуры, состоящие из действующих или бывших сотрудников силовых ведомств, включая полицейских, военных и тюремных охранников.

⁶⁶ Ныне упразднена.

⁶⁷ Relatório Final da Comissão Parlamentar de Inquérito destinada a investigar a ação de milícias no âmbito do estado do Rio de Janeiro. Assembleia Legislativa do Estado do Rio de Janeiro // Poder360. 2008. URL: <https://static.poder360.com.br/2024/01/relatorio-final-cpi-das-milicias-marcelo-alerj-2008.pdf> (accessed: 02.09.2025). Впрочем, А. Линс 15 лет спустя был восстановлен в должности.

банды типа «Первой столичной команды» (PCC) и «Красной команды» (CV) «пытаются избрать политических представителей с целью получить влияние и власть в контролируемых ими районах. Иногда им удаётся избрать советников или депутатов штата, но, как правило, они оказываются арестованными»⁶⁸.

Другим примером является образование преступных группировок внутри госаппарата. В частности, в Гватемале экс-президент Отто Перес (2012–2015) был заключён под стражу по обвинению в участии в преступной группировке, занимавшейся таможенным мошенничеством и известной в Гватемале как «Линия» (исп. *La Línea*)⁶⁹. В этом деле также фигурируют бывшая вице-президент Гватемалы Роксана Бальдетти (2012–2015) и ещё почти тридцать высокопоставленных чиновников таможни⁷⁰.

Примером того, когда политики нередко прибегают к услугам уголовного мира для достижения своих целей, является убийство президента Гаити Ж. Моиза в 2021 году. Политические противники убитого президента осуществили масштабный заговор, в который были вовлечены колумбийские наёмники и другие лица⁷¹. Согласно информации представителя полиции Гаити Г. Дерозье, к убийству президента причастен В. Инносент – главарь банды «Разрушить барьеры» (гаит. креол. *Kraze Barye*)⁷². Убийство Ж. Моиза сначала привело

к вооружённому противостоянию банд, большая часть которых, объединившись в альянс «Жить вместе» (*Viv Ansanm*), в 2024 г. свергла премьер-министра А. Анри. Данный пример свидетельствует о влиянии этого преступного объединения на национальном уровне.

В Колумбии фиксируются случаи, соответствующие типологиям коррупционных сетей. Полицейские и мэр муниципалитета Касерес были уличены в связях с «Кланом Залива» (*Clan del Golfo*), а прокурор города Вальедупар обвинялся в принадлежности к незаконной вооружённой группировке «Лос Растрохос» (*Los Rastrojos*) [Bustamante, Ponce 2020]. Кроме того, известно, что десятки конгрессменов были замешаны в связях с «Объединёнными силами самообороны» (AUC)⁷³. Есть основания считать, что часть политиков и чиновников связаны с образованными на месте «Объединённых сил самообороны» (AUC) группировками, включая «Клан Залива» (*Clan del Golfo*). Упомянутые сведения свидетельствуют о сохранении влияния ПО в Колумбии на региональном и национальном уровнях.

В Эквадоре в августе 2023 г. было совершено убийство кандидата в президенты Фернандо Вильявивенсино. В его смерти обвиняют участников группировки «Лос Лобос» (*Los Lobos*)⁷⁴. Генеральная прокуратура Эквадора обратилась к судье с просьбой вызвать на слушание нескольких чело-

⁶⁸ Из личной переписки.

⁶⁹ Caso La Línea: Una investigación fortalecida // Ministerio Público, fuerte y firme. 15.04.2016. URL: <https://www.mp.gob.gt/noticia/caso-la-linea-una-investigacion-fortalecida-que-espera-sentencias-condenatorias-contrainplicados/> (accessed: 02.09.2025).

⁷⁰ Caso la línea: A juicio expresidente Otto Pérez y exvicepresidenta Roxana Baldetti // Comisión Inter-nacional contra la Impunidad en Guatemala. 27.10.2017. URL: <https://www.cicig.org/casos/caso-la-linea-a-juicio-expresidente-y-exvicepresidenta/> (accessed: 02.09.2025).

⁷¹ Four Florida Men Arrested in Plot to Kill Haitian President, Grand Jury Returns Indictment Against 11 // U.S. Department of Justice. 14.02.2023. URL: <https://www.justice.gov/archives/opa/pr/four-florida-men-arrested-plot-kill-haitian-president-grand-jury-returns-indictment-against> (accessed: 02.09.2025).

⁷² Asasina Prezidan Jovenel Moïse Lapolis Nasyonal Dayiti fe konnen li lanse 13 avi rechèch // Radio Television Caraïbes. 10.03.2023. URL: <https://www.youtube.com/live/kDlp8gxyngv> (accessed: 03.09.2025).

⁷³ Mongan M. El escándalo de la «parapolítica» // Latin American Information Agency. 04.12.2006. URL: <https://www.alainet.org/es/active/14831> (accessed: 17.10.2025).

⁷⁴ Fiscalía obtiene sentencia condenatoria agravada por el asesinato de Fernando Villavicencio // Fiscalía General del Estado. 12.07.2024. URL: <https://www.fiscalia.gob.ec/fiscalia-obtiene-sentencia-condenatoria-agravada-por-el-asesinato-de-fernando-villavicencio/> (accessed: 03.09.2025).

век для формулирования обвинений им в качестве предполагаемых организаторов убийства⁷⁵. Речь идёт об имевших влияние в этой стране лицах, включая экс-министра внутренних дел Х. Серрано, бывшего депутата парламента от партии «Движение гражданской революции»⁷⁶ Р. Алеагу и бизнесмена Д. Сальседо. Убийцы из «Лос Лобос» (*Los Lobos*) могли участвовать в преступлении в сговоре с высокопоставленными чиновниками и политиками. Связующим звеном между бандой и политиками предположительно был Д. Сальседо⁷⁷, на которого Ф. Вильявисенсио ещё в качестве журналиста указывал как на участника коррупционной сети⁷⁸.

Таким образом, высокий уровень коррупции, а также глубокие и обширные связи политиков, чиновников и представителей силовых ведомств с оргпреступностью в странах ЛАКБ на локальном, региональном и национальном уровнях способствуют чрезмерному усилению ПО. Образование транснациональных криминальных сетей и кооптация в них новых участников происходит в исключительно «комфортной» среде. В результате усиливается обмен материальными ресурсами и информацией между группировками, для чего и задействуются коррумпированные политики, чиновники и выходцы из силовых структур.

Обсуждение результатов

Многослойные криминальные сети обеспечивают каналы координации между различными ПО, что ускоряет их транс-

формацию и повышает вероятность возникновения криминального мятежа на тех территориях, где ранее подобные формы организованного насилия отсутствовали. В результате возникает специфическая ситуация: несколько государств могут находиться в состоянии мира, но в силу особенностей субъектов криминального мятежа и их взаимодействия распространение данного феномена от одних государств к другим во многом не зависит от отношений между ними. Иными словами, криминальный мятеж уровня ВВК или предпорогового уровня на одной территории может быть инициирован иностранными ПО с территории государств, откуда высококоразвитые ПО распространяют своё влияние. При этом на межгосударственном уровне сохраняется состояние мира. Вместе с тем активность ПО и характер борьбы с ними правительств или же их бездействия может стать причиной ухудшения межгосударственных отношений⁷⁹.

Последнее наблюдение особенно примечательно, поскольку ранее, как правило, либо одно государство целенаправленно влияло на ситуацию внутри другого с целью инициализации там ВВК, либо пример восстания в одном государстве становился одновременно катализатором в другом. В первом случае инициатором выступало правительство, во втором — негосударственный субъект с политической мотивацией (повстанцы, террористы). В то же время повстанческие движения чаще всего возникают независимо, хотя и способны

⁷⁵ FiscalíaEc solicita al Juez de la causa se convoque a Ronny Xavier A.S., Xavier Edmundo J.M., Daniel Josué S.B. y José Ricardo S.S. a la audiencia de formulación de cargos como presuntos autores intelectuales del #Asesinato en el caso #MagnicidioFV // Fiscalía Ecuador (X). 18.08.2025. URL: <https://x.com/FiscaliaEcuador/status/1957485106144198700/photo/2> (accessed: 03.09.2025).

⁷⁶ Исп. Movimiento Revolución Ciudadana. Сторонники экс-президента Рафаэля Корреа (2007–2017).

⁷⁷ Ortiz S. Caso Villavicencio: Daniel Salcedo habló de José Serrano y la Revolución Ciudadana // Expreso. 27.06.2025. URL: <https://www.expreso.ec/actualidad/caso-villavicencio-daniel-salcedo-hablo-jose-serrano-revolucion-ciudadana-247982.html> (accessed: 03.09.2025).

⁷⁸ Informe de Minoría «De la Comisión Especializada Ocasional para la investigación del asesinato de Fernando Villavicencio» // Asamblea Nacional de la República del Ecuador. 14.06.2024. URL: https://planv.com.ec/wp-content/uploads/2024/06/informe_de_minoria_viviana_zambrano-signed.pdf (accessed: 03.09.2025). P. 97.

⁷⁹ Например, некоторые колумбийские группировки получают убежище на территории Венесуэлы, что приводило к обвинениям в адрес её руководства со стороны официальной Боготы.

оказать друг на друга информационно-политический и моральный эффект, вызванный успешным восстанием в одной из стран. В частности, революция на Кубе стала тем самым импульсом для некоторых партизанских групп в Колумбии и других стран ЛАКБ. Тем не менее механизм распространения традиционных восстаний отличается от криминального мятежа прежде всего политической мотивацией и, по всей видимости, гораздо меньшей степенью взаимодействия между повстанческими группами. Наконец, повстанцам или террористам нередко помогает внешний игрок, например, иностранное правительство или же международные организации, в том числе террористические.

Механизм возникновения и распространения криминальных мятежей обусловлен экономическими факторами, выполняющими ключевую роль в создании криминальных сетей, чему также способствует отсутствие между ними политико-идеологического и религиозного барьера. Благодаря этому криминальные сети в состоянии эффективно интегрировать в себя ПО и активно распространяться. Сказанное не означает, что террористы не способны к такому типу взаимодействия; напротив, последние несколько десятилетий (приблизительно с начала 1990-х годов по настоящее время) наблюдается коммерциализация терроризма⁸⁰ параллельно с политизацией преступности [Макаренко 2004]. В этой связи террористические методы для преступности давно стали важным методом достижения экономических целей. Вместе с тем возникновение криминального мятежа уровня ВВК или пред-

порогового уровня внутри государства в основном за счёт криминально-экономического взаимодействия ПО в транснациональном масштабе делает данный феномен в ряде отношений новым и малоизученным.

* * *

Высокоразвитые ПО представляют собой прямую угрозу национальной безопасности любого государства, которое прямо или косвенно подпадает под их воздействие, выходя за рамки традиционной организованной преступности⁸¹. Этот вывод обусловлен спецификой эволюции и деятельности группировок, включая их всё более тесное взаимодействие с террористическими организациями и властями некоторых стран. В то же время такие ПО являются сложными адаптивными системами, обладающими признаками негосударственных субъектов по типу повстанческих организаций, участвующих в асимметричных боевых действиях против правительственных сил. Их способность к массовой инфильтрации в государственный аппарат, в том числе и на национальном уровне, достигла беспрецедентного масштаба. Экономическая база взаимодействия подобных организаций, информационно-коммуникационные технологии и неумещающийся спрос на нелегальные товары и услуги, включая наркотики, торговлю людьми и добычу полезных ископаемых, а также сетевая структура нередко позволяют высокоразвитым ПО создавать сложные альянсы, принимать участие в деятельности транснациональных криминальных сетей и формировать их.

⁸⁰ Преступные и террористические группы стремятся трансформировать свою собственную структуру и организацию, чтобы взять на себя, например, финансовую или политическую роль, вместо того чтобы сотрудничать с группами, которые уже эффективны в этой деятельности. Террористические группы участвуют в преступной деятельности, свойственной ПО с корыстной мотивацией, в качестве операционного инструмента. Они все больше сосредотачиваются на преступной деятельности, чтобы восполнить утраченную финансовую поддержку, в частности, от государственных спонсоров. Один из примеров — «Аль-Каида» (запрещённая в России террористическая организация).

⁸¹ См.: Designating Cartels And Other Organizations As Foreign Terrorist Organizations And Specially Designated Global Terrorists // The White House. 20.01.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/designating-cartels-and-other-organizations-as-foreign-terrorist-organizations-and-specially-designated-global-terrorists/> (accessed: 21.04.2025).

Беспрепятственное пересечение государственной границы и интеграция ПО на территории, где ранее не фиксировались признаки криминальных мятежей, ускоряют эволюцию интегрированных в сети группировок. Подобное развитие событий обусловлено доступом ПО к ресурсам, связям и вооружению, а также расширением масштаба проводимых операций. Таким образом, группировки трансформируются в гораздо более сложные криминальные предприятия. Одновременно с этим ПО абсорбируют опыт, методы и тактику более развитых группировок, которые их включают в сети, тем самым ещё больше повышая свой интегральный потенциал. Всё это позволяет им эффективнее противостоять правительственным силам, устанавливать территориальный и социальный контроль, образуя пространства без надлежащего управления. Транснациональные криминальные сети следует рассматривать как каналы передачи ресурсов, в том числе информации, между интегрируемыми в них ПО.

Если на территории государства уже существовали условия для возникновения криминального мятежа, то указанное встраивание в сети местных группировок катализирует этот процесс, выводя его на принципиально новый уровень как в плане организованности насилия, так и его масштаба. Этот тип неклассических военных конфликтов отличается от иррегулярных войн или традиционных военных конфликтов тремя важными характеристиками. *Во-первых*, ключевыми негосударственными субъектами криминальных мятежей выступают организации с криминально-экономической (корыстной, неполитической) мотивацией. *Во-вторых*, механизм экспансии криминальных мятежей имеет прежде всего экономическую природу и не

связан со стремлением ПО к изменению конституционного строя или границ государств. *В-третьих*, действия ПО как субъектов криминальных мятежей, несмотря на второй пункт, настолько деструктивно влияют на общественно-политическую систему и территориальную целостность государств, что в этих аспектах неотличимы от действий негосударственных субъектов с политической мотивацией (повстанцев или террористов).

На территории государств, которые могут быть дружественными или нейтральными друг к другу, возможно возникновение военных конфликтов низкой и высокой интенсивности, связанных между собой через ПО с корыстной мотивацией. Фактически можно говорить не только о феномене возникновения и распространения транснациональных криминальных сетей, выступающих важнейшим внешним фактором инициации криминальных мятежей, но и о возникновении системы взаимосвязанных криминальных мятежей. Эти формы неклассических военных конфликтов и их зоны возникают не вследствие наличия неразрешимых ненасильственным путём противоречий между государствами или между ними и негосударственными субъектами с политической мотивацией, а вследствие установления экономических связей между ПО с корыстной мотивацией. Подобные высокоразвитые преступные группировки вынуждают правительства реагировать на них как на повстанцев, получающих военную и финансовую помощь извне. Механизм возникновения криминальных мятежей обусловлен особенностями эволюции высокоразвитых банд и картелей, а также спецификой криминально-экономической глобализации.

Список литературы

- Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. №1. С. 20–32. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32>
- Морозов Д.В. Преступность в Латинской Америке: нестандартные подходы к изучению проблемы // Латинская Америка. 2018. № 7. С. 95–101. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0000027-8>

- Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Под ред. Б.Ф. Мартынова. М.: Весь мир, 2017. 272 с.
- Стригунов К.С. Преступные организации как де-факто политические субъекты (на материалах стран Латинской Америки) // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 4. С. 97–113. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-4-97-113>
- Стригунов К.С. Современные неклассические войны: формы, методы, технологии. М.: Горячая линия – Телеком, 2024. 244 с.
- Bright D., Brewer R., Morselli C. Using social network analysis to study crime: Navigating the challenges of criminal justice records // *Social Networks*. 2021. Vol. 66. P. 50–64. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2021.01.006>
- Bron C., Kerbosch J. Algorithm 457: Finding All Cliques of an Undirected Graph // *Communications of the ACM*. 1973. Vol. 16. No. 9. P. 575–577. <https://doi.org/10.1145/362342.362367>
- Bunker R. Introduction: The Mexican cartels – organized crime vs. criminal insurgency // *Trends in Organized Crime*. 2013. Vol. 16. P. 129–137. <https://doi.org/10.1007/s12117-013-9194-4>
- Bustamante A. Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales transnacionales // *Entretextos*. 2020. Vol. 12. No. 35. P. 1–17. <https://doi.org/10.59057/iberoleon.20075316.20203556>
- Bustamante P., Ponce A. Entre políticos y criminales: corrupción política en Colombia 2013-2018 // *Revista de estudios en seguridad internacional*. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 215–234. <http://dx.doi.org/10.18847/1.12.12>
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 247 p.
- Carillo J. México en Riesgo: Una vision personal sobre un Estado a la defensiva. Mexico City: Grijalbo, 2011. 255 p.
- Chagas R. «Narcogarimpo» na Terra Indígena Yanomami // *Boletim de Análise Político-Institucional*. 2024. No. 36. P. 91–100. <http://dx.doi.org/10.38116/bapi36art7>
- Granja M., Da Frota Simões G., Manzano L. Los Actores Violentos no Estatales en la frontera norte del Ecuador, consecuencias de un Acuerdo de Paz que no llega a concretarse // *Revista Brasileira de Estudos de Defesa*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 103–129. <https://doi.org/10.26792/rbed.v10i2.75343>
- Jasso C., Baltazar E. La politización de los liderazgos pandilleros. El caso de la Ranfla Nacional de la MS-13 (2012–2024) // *Revista Criminalidad*. 2025. Vol. 67. No. 1. P. 43–58. <https://doi.org/10.47741/17943108.650>
- Jones N., Chindea I.A., Argomedeo D.W., Sullivan J.P. A Social Network Analysis of Mexico's Dark Network Alliance Structure // *Journal of Strategic Security*. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 76–105. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.15.4.2046>
- Kan P. *Cartels at war: Mexico's drug-fueled violence and the threat to U.S. national security*. Sterling: Potomac Books, 2012. 193 p.
- Makarenko T. The Crime-Terror Continuum: Tracing the Interplay between Transnational Organised Crime and Terrorism // *Global Crime*. 2004. Vol. 6. No. 1. P. 129–145. <https://doi.org/10.1080/1744057042000297025>
- Manwaring M. *Street gangs: The new urban insurgency*. Carlisle: US Army War College Press, 2005. 47 p.
- Salvini A. *L'analisi delle reti sociali. Risorse e meccanismi*. Pisa: Pisa University Press, 2005. 192 p.
- Sullivan J. The challenges of territorial gangs: Civil strife, criminal insurgencies and crime wars // *Revista Do Ministério Público Militar*. 2019. Vol. 46. No. 31. P. 13–30.
- Vité S. Typology of armed conflicts in international humanitarian law: legal concepts and actual situations // *International Review of the Red Cross*. 2009. Vol. 91. No. 873. P. 69–94. <https://doi.org/10.1017/S181638310999021X>
- Williams P. The terrorism debate over Mexican drug trafficking violence // *Terrorism and Political Violence*. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 259–278. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.653019>

CRIMINAL INSURGENCIES AS A FORM OF NON-CLASSICAL ARMED CONFLICTS

MECHANISMS OF NETWORK EXPANSION

KONSTANTIN STRIGUNOV

Professor of the Academy of Military Sciences, University Avenue, 14, Moscow, Russia, 119330,
1st Department of the Academy of Military Sciences

Abstract

The influence of highly developed criminal organizations, such as gangs and cartels, has expanded dramatically, enabling these entities to exercise forceful territorial control and supplant state authority in affected regions. This phenomenon poses a fundamental threat to state security, particularly in Latin America and the Caribbean, where it transcends traditional organized crime. As criminal groups achieve sufficient organizational capacity, resources, and personnel, they evolve into criminal insurgents. This paper conceptualizes criminal insurgencies as a form of non-classical military conflict meeting the criteria for internal armed conflicts. Such insurgencies may proliferate through transnational criminal networks. This study aims to demonstrate, via a case study of a specific transnational criminal network, how the integration of criminal organizations into these networks facilitates the expansion or intensification of criminal insurgencies. Criminal organizations operating in states without pre-existing emergencies, but with conducive conditions can initiate insurgencies through integration into transnational criminal networks. This is attributed to faster evolution of criminal groups by exchanging information, organizational innovations, resources and by providing access to global illegal markets. Conditions for insurgencies emerge even in regions previously unaffected. Using social network analysis, this study maps a transnational criminal network comprising 27 gangs and cartels across six countries. The network's topology is examined, identifying two subnetworks and the pivotal role of connector nodes. Findings indicate that participation in transnational criminal networks amplifies the spread and intensity of criminal insurgencies, which, as non-classical military conflicts, inflict damage on states and societies comparable to traditional military conflicts. The corruption factor in a number of Latin American and Caribbean countries and the connection of their governments with criminal organizations is shown. The commercial nature of these insurgencies, driven by non-state actors with criminal and economic incentives, underscores their destabilizing potential. Ultimately, the study argues that the foundation of criminal insurgencies lies in the evolutionary dynamics of criminal organizations, with transnational network participation serving as a critical precursor.

Keywords:

Latin America and the Caribbean; criminal organizations; criminal insurgencies; non-classical military conflicts; internal armed conflicts; transnational criminal networks; social network analysis

References

- Bright D., Brewer R., Morselli C. (2021). Using social network analysis to study crime: Navigating the challenges of criminal justice records. *Social Networks*. Vol. 66. P. 50–64. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2021.01.006>
- Bron C., Kerbosch J. (1973). Algorithm 457: Finding All Cliques of an Undirected Graph. *Communications of the ACM*. Vol. 16. No. 9. P. 575–577. <https://doi.org/10.1145/362342.362367>
- Bunker R. (2013). Introduction: The Mexican cartels – organized crime vs. criminal insurgency. *Trends in Organized Crime*. Vol. 16. P. 129–137. <https://doi.org/10.1007/s12117-013-9194-4>
- Bustamante A. (2020). Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones

- criminales transnacionales. *Entretextos*. Vol. 12. No. 35. P. 1–17. <https://doi.org/10.59057/iberoleon.20075316.20203556>
- Bustamante P., Ponce A. (2020). Entre políticos y criminales: corrupción política en Colombia 2013–2018. *Revista de estudios en seguridad internacional*. Vol. 6. No. 2. P. 215–234. <http://dx.doi.org/10.18847/1.12.12>
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers. 247 p.
- Carillo J. (2011). *México en Riesgo: Una vision personal sobre un Estado a la defensiva*. Mexico City: Grijalbo. 255 p.
- Chagas R. (2024). «Narcogarimpo» na Terra Indígena Yanomami. *Boletim de Análise Político-Institucional*. No. 36. P. 91–100. <http://dx.doi.org/10.38116/bapi36art7>
- Gaidaev O.S. (2021). Teoriya sek'yuritizatsii, ili Khorosho zabytoe staroe: k voprosu o teoretiko-filosofskikh istokakh i zarozhdenii teorii [Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 21. No. 1. P. 20–32. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32>
- Granja M., Da Frota Simões G., Manzano L. (2023). Los Actores Violentos no Estatales en la frontera norte del Ecuador, consecuencias de un Acuerdo de Paz que no llega a concretarse. *Revista Brasileira de Estudos de Defesa*. Vol. 10. No. 2. P. 103–129. <https://doi.org/10.26792/rbed.v10i2.75343>
- Jasso C., Baltazar E. (2025). La politización de los liderazgos pandilleros. El caso de la Ranfla Nacional de la MS-13 (2012–2024). *Revista Criminalidad*. Vol. 67. No. 1. P. 43–58. <https://doi.org/10.47741/17943108.650>
- Jones N., Chindea I. A., Argomedeo D.W., Sullivan J.P. (2022). A Social Network Analysis of Mexico's Dark Network Alliance Structure. *Journal of Strategic Security*. Vol. 15. No. 4. P. 76–105. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.15.4.2046>
- Kan P. (2012). *Cartels at war: Mexico's drug-fueled violence and the threat to U.S. national security*. Sterling: Potomac Books. 193 p.
- Makarenko T. (2004). The Crime-Terror Continuum: Tracing the Interplay between Transnational Organised Crime and Terrorism. *Global Crime*. Vol. 6. No. 1. P. 129–145. <https://doi.org/10.1080/1744057042000297025>
- Martynov B.F. (ed.). (2017). *Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoi Amerike i stranakh Karibskogo basseina* [Contemporary Organized Crime in Latin America and the Caribbean]. Moscow: Ves' mir. 272 p.
- Morozov D.V. (2018). Prestupnost' v Latinskoi Amerike: nestandartnye podkhody k izucheniyu problem [Crime in Latin America: Unconventional Approaches to Studying the Problem]. *Latin America*. No. 7. P. 95–101. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0000027-8>
- Manwaring M. (2005). *Street gangs: The new urban insurgency*. Carlisle: US Army War College Press. 47 p.
- Salvini A. (2005). *L'analisi delle reti sociali. Risorse e meccanismi*. Pisa: Pisa University Press. 192 p.
- Strigunov K. S. (2025). Prestupnyye organizatsii kak de-fakto politicheskie sub"ekty (na materialakh stran Latinskoi Ameriki) [Criminal Organizations as De Facto Political Entities (Based on Materials from Latin American Countries)]. *World Economy and International Relations*. Vol. 69. No. 4. P. 97–113. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-4-97-113>
- Strigunov K. S. (2024). *Sovremennyye neklassicheskie voyny: formy, metody, tekhnologii* [Modern non-classical wars: forms, methods, technologies]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom. 244 p.
- Sullivan J. (2019). The challenges of territorial gangs: Civil strife, criminal insurgencies and crime wars. *Revista Do Ministério Público Militar*. Vol. 46. No. 31. P. 13–30.
- Vité S. (2009). Typology of armed conflicts in international humanitarian law: legal concepts and actual situations. *International Review of the Red Cross*. Vol. 91. No. 873. P. 69–94. <https://doi.org/10.1017/S181638310999021X>
- Williams P. (2012). The terrorism debate over Mexican drug trafficking violence. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 24. No. 2. P. 259–278. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.653019>

ОЦЕНКА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ИНДИИ В ЗЕРКАЛЕ КОНЦЕПЦИИ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВ
ДМИТРИЙ ХВАПЕЙ
АННА МИХАЙЛОВА

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия

АЛЕКСАНДРА ХАТКЕВИЧ

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Резюме

Цель статьи – провести микроуровневую оценку результативности российско-индийского научно-технического сотрудничества и выявить потенциал для его активизации через инструменты научной дипломатии. Представлен краткий терминологический анализ понятий «международное научно-техническое сотрудничество» и «научная дипломатия», выделены их сущностные характеристики и взаимосвязь, показана важная роль научных фондов как институтов научной дипломатии, чья деятельность направлена на поддержку международного научно-технического сотрудничества. Выбор Индии для исследования обусловлен её растущим влиянием в мире в области науки и инноваций, а также имеющимся потенциалом для расширения научно-технического сотрудничества с Россией в условиях сложившейся геополитической обстановки. Исследование проведено методом анкетирования руководителей российско-индийских научных проектов, получивших грантовое финансирование в 2009–2024 годах, с российской стороны – РНФ, РФФИ; с индийской стороны – Департамента науки и технологий Министерства науки и технологий Индии. Всего таких проектов – 490. Общая выборка – 51 респондент, из них 35 индийских и 16 российских учёных. Согласно полученным результатам, финансовая поддержка является определяющим фактором запуска российско-индийского научно-технического сотрудничества. В установлении научных связей значимая роль принадлежит неформальным каналам коммуникации между учёными двух стран. Среди основных факторов, сдерживающих сотрудничество, отмечается недостаток финансирования, различия в требованиях, включая показатели эффективности, и геополитические риски. В ряде случаев после завершения гранта сотрудничество прекращается или остаётся на уровне академической переписки, что демонстрирует его временный и неглубокий характер. Систематизация и концентрация усилий России и Индии в области научной дипломатии должны быть связаны как с поддержкой новых научно-технических связей, так и обеспечением их устойчивости в долгосрочном периоде.

Ключевые слова:

международное научно-техническое сотрудничество; научная дипломатия; научный проект; грантовая программа; стратегическое партнёрство; российско-индийское сотрудничество.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.11.2024

Дата принятия к публикации: 25.08.2025

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: mikhailov.andrey@yahoo.com

Введение

Научное сотрудничество является важной составляющей стратегического партнёрства России и Индии. В его основе — общность интересов, которая позволяет странам вырабатывать схожие подходы к решению глобальных и региональных проблем, а также поддерживать взаимовыгодные отношения в различных сферах [Михайленко 2023]. Дифференцированный характер стратегических партнёрств — привилегированное, всеобъемлющее, особо привилегированное — демонстрирует качественные различия в межстрановых взаимодействиях, а переход из одного статуса в другой — их динамику. Индия — единственная страна для России, в отношении которой с 2010 г. закреплён статус особо привилегированного партнёра¹. Он предполагает наиболее высокий после союзничества уровень сотрудничества между странами и создаёт правовые рамки для формирования устойчивых, интенсивных и многосторонних связей экономического, гуманитарного и военно-технического характера.

Перестройка международного технологического порядка в последние годы обусловила рост заинтересованности российского и индийского правительств в углублении научно-технического сотрудничества, включая разработку и передачу технологий двойного назначения. В то время как геополитическая конкуренция между США и Китаем растёт, Россия и Индия, которые также стремятся занять позиции мировых

технологических лидеров, но при меньших внутренних ресурсах в сфере науки и инноваций, могут извлечь выгоды из интенсивной кооперации в данной сфере. Актуализация интереса к долгосрочному взаимодействию произошла в 2024 г. в совместном заявлении лидеров России и Индии в рамках 22-го двустороннего российско-индийского саммита.

Для России Индия представляет интерес в качестве крупного рынка сбыта и важного научно-технологического партнёра. Страна располагает собственной спутниковой сетью, системой безналичных платежей и развитой телекоммуникационной инфраструктурой, что позволяет ей выступать альтернативным западному источником инновационного потенциала для России, особенно в сфере информационных технологий, биотехнологий и фармацевтики. В свою очередь, Россия остаётся для Индии значимым поставщиком инноваций в космической, ядерной и оборонной отраслях.

Страны имеют опыт совместной реализации высокотехнологичных проектов. Среди них — производство галогенированного бутылкачука², строительство электропоездов³, создание полимер-композиционных материалов⁴. В 2024 г. объём индийских инвестиций в экономику России достиг 760 млн долл. США и российских инвестиций в Индию — 200 млн долл. США⁵. Для дальнейшего расширения и углубления научно-технического сотрудничества ключевую роль призвана сыграть

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел России. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 25.08.2024).

² India's first world-scale Butyl Rubber facility. // Reliance SIBUR Elastomers Private Limited. URL: <https://www.reliancesibur.com/about-us.html> (accessed: 25.06.2025).

³ Совместное российско-индийское предприятие получило контракт на \$6,5 млрд на строительство электропоездов. // «Поворот России в Азию». 8 сентября 2024. URL: <https://russiaspivottoasia.com/russian/sovmestnoe-rossijsko-indijskoe-predpriyatie-poluchilo-kontrakt-na-65-mlrd-na-stroitelstvo-elektropoezdov/> (дата обращения: 25.06.2025).

⁴ «КУЙБЫШЕВАЗОТ» открыл производство полимер-композиционных материалов в Индии. // ПАО «КуйбышевАзот». 30 мая 2024. URL: <https://www.kuazot.ru/news/473-kuybyshevazot-otkryl-proizvodstvo-polimer-kompozic/> (дата обращения: 25.06.2025).

⁵ Минэкономразвития России: в 2024 году индийские компании вложили в российскую экономику более 760 млн долларов // Минэкономразвития России. 10 апреля 2025. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_v_2024_godu_indiyskie_kompanii_vlozhili_v_rossiyskuyu_ekonomiku_bolee_760_mln_dollarov.html (дата обращения: 17.06.2025).

научная дипломатия (НД), которая будет способствовать формированию новых стратегических инициатив и преодолению существующих барьеров.

После распада СССР формирование нормативно-правовой основы отношений научных систем России и Индии сопровождалось созданием новых институтов НД, ключевые из которых — Межправительственная российско-индийская комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству и действующая в её рамках с 2021 г. Рабочая группа по науке и технологиям. С 2017 г. действует Российско-индийский комитет высокого уровня по научно-техническому сотрудничеству. Вопросы научно-технического и инновационного сотрудничества регулярно включаются в повестку двусторонних встреч на высшем уровне. Запущены отраслевые коммуникационные площадки. С 2015 г. создана и ведёт работу Российско-индийская ассоциация вузов, а в 2025 г. запланирован первый форум ректоров.

Однако, несмотря на имеющийся высокий дипломатический уровень партнёрства России и Индии, его результативность в науке и экономике остаётся неадекватной. Об этом свидетельствуют результаты оценки совместной публикационной [Михайлов и др. 2020] и грантовой активности [Михайлов 2023], объёма внешней торговли и структуры иностранных инвестиций [Черников, Коновалова 2016]. М.В. Шугуров и Ю.В. Печатнова, анализируя правовое регулирование научно-технического сотрудничества России и Индии, приходят к выводу, что оно «по объёму не столь значительно, а положения политико-правовых документов подчас имеют характер декларативных намерений» [Шугуров, Печатнова 2024: 89].

Несоответствие объёма политической поддержки и реального уровня сотрудничества России и Индии в сфере науки, технологий и инноваций указывает на недостаточную эффективность механизмов НД в преодолении имеющихся барьеров и обеспечении устойчивости конкрет-

ных практик двустороннего взаимодействия, таких как реализация совместных научно-практических проектов, развитие различных форм межвузовского сотрудничества, кооперация в сфере высоких технологий и другие. Отмечается недостаток информационного обеспечения сотрудничества [Боголюбова, Николаева 2008], а также наличие политико-правовых и социально-экономических проблем, сдерживающих научно-технологическую кооперацию России и Индии, которая выступает значимой частью более широкого производственно-экономического и военно-технического сотрудничества стран [Шугуров, Печатнова 2024]. Имеют место различия в научных приоритетах и нехватка финансирования [Данилин, Устюжанцева 2024].

Существующие исследования в области НД между Россией и Индией, такие как [Khanna 2011; Курылев и др. 2024], а также ранее упомянутые в большей степени сфокусированы на изучении отдельных аспектов сотрудничества между странами, включая его историю и динамику развития, организационно-правовые основы и институты, отраслевые и географические особенности на макро- и мезоуровнях. Микроуровневые исследования остаются малочисленными и преимущественно сконцентрированы на результатах реализации отдельных практик [Боголюбова, Николаева 2008; Ащеулова, Юсупова 2009; Курылев, Черешнева 2023; Наумов, Андреева 2023].

Можно констатировать недостаток работ, в которых рассматривается связь конкретного эмпирического опыта (механизмов и практик сотрудничества) и факторов устойчивого развития НД как сложной системы международных взаимодействий в трёх контекстах: «*наука в дипломатии*» (использование научных рекомендаций в процессе решения внешнеполитических задач); «*дипломатия для науки*» (дипломатические усилия, направленные на установление связей между учёными из разных стран); «*наука для дипломатии*» (практики по улучшению отношений между государ-

ствами через устойчивые научные контакты)⁶. При этом важность дипломатических связей России и Индии для науки подтверждается историческим опытом XIX–XX вв., когда российские дипломаты сыграли значимую роль в поддержке научных экспедиций в Индию и обмене знаниями в сфере сельского хозяйства и военного дела [Шкунов, Радченко 2014].

Цель данной статьи – провести микроуровневую (на уровне конкретных научных проектов и учёных) оценку результативности российско-индийского научно-технического сотрудничества и выявить потенциал для его активизации через инструменты НД, направленные на поддержку российско-индийского научного сообщества. В основу исследования легло допущение о том, что существующие институты и инструменты НД (контекст – «*дипломатия для науки*») слабо затрагивают микроуровень российско-индийского научно-технического сотрудничества, что снижает их эффективность в преодолении барьеров к реализации накопленного научно-технического и инновационного потенциала и укреплении дипломатической роли науки (контекст – «*наука для дипломатии*»).

В следующем разделе представлена теоретико-методологическая основа статьи, фокусирующаяся на сравнительном анализе общего и особенного в содержании понятий международное научно-техническое сотрудничество (МНТС) и НД. В разделе материалы и методы исследования описан дизайн проведённого исследования с последующей презентацией и обсуждением полученных результатов социологической оценки результативности проектной деятельности российских и индийских учёных.

Теоретическая основа исследования

Представляется необходимым провести чёткое разграничение между понятиями

МНТС и НД, которые всё чаще используются в современном дискурсе в общественных науках при изучении научного партнёрства между странами. МНТС предполагает взаимовыгодный межстрановой обмен накопленными знаниями и компетенциями в рамках совместной деятельности [Задумкин, Теребова 2009; Казарина 2018]. Основой МНТС служит общность целей и трендов научного развития стран, а обеспечение его устойчивости определяется наличием и работой соответствующих институтов. Интерес стран к МНТС связан с расширением доступа к внешним знаниями и инфраструктуре [Sonnenwald 2007], а также рядом экономических эффектов, включая оптимизацию издержек [Пономарев, Иванова 2024]. Результат МНТС – новое знание, являющееся достоянием сразу нескольких национальных научных систем.

В отличие от МНТС акцент в НД перенесён на целенаправленное продвижение национальных интересов [Ruffini 2020] и эффективную передачу ценностей⁷. НД на современном этапе, будучи тесно связанной с МНТС, не тождественна ему и предполагает решение как научных, так и дипломатических задач. Обоснованным видится подход к НД как к комплексу отношений, поддерживаемых через практики: научные – по цели, процессу, задаче, и дипломатические – по качеству, эффекту [Kaltofen, Acuto 2018]. Это позволяет использовать научные связи для построения конструктивного международного партнёрства и решения общих проблем [Fedoroff 2009].

В основе НД лежит государственная деятельность, в рамках которой наука и технологии пересекаются с международными отношениями и внешней политикой [Ruffini 2020]. Если для МНТС нередко характерны признаки самоорганизации, то в случае его встраивания в НД, оно

⁶ New Frontiers in Science Diplomacy. Royal Society, 2010 // AAAS. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf (accessed: 28.07.2024).

⁷ Copeland D. Science Diplomacy: What's It All About? CEPI-CIPS Policy Brief. 2011. P. 1–4. URL: <https://www.cips-cepi.ca/wp-content/uploads/2011/11/Copeland-Policy-Brief-Nov-11-5.pdf> (accessed: 15.07.2025).

Таблица 1
Особенности МНТС и научной дипломатии

Характеристика	МНТС	Научная дипломатия
Политика	научно-техническая	внешняя
Цель	получение нового знания	решение задач государственной политики
Условия реализации	общие правила взаимодействия, учёт интересов всех стран	продвижение интересов, идеологии, повестки конкретной страны
Интересы	научные и/или коммерческие	государственные
Запуск	сверху-вниз и снизу-вверх	сверху-вниз
Сообщество	научное	научное и дипломатическое
Функция	объединение усилий учёных	сближение интересов институтов
Обмен	импорт компетенций	экспорт ценностей
Новые практики	кооперация учёных	диалог дипломатов
Способ решения глобальных проблем	объединение знаний, компетенций, технологий и инвестиций	гармонизация политических повесток
Взаимосвязь	МНТС – цель научной дипломатии (дипломатия для науки и наука в дипломатии)	МНТС – средство научной дипломатии (наука для дипломатии)

Источник: составлено авторами на основе [Букалова 2018; Крынжина 2018; Данилин 2019; Райнхардт 2019а; Reinhardt 2021; Грибанич 2022; Дежина, Ключарев 2022; Демидов 2022; Хмелева 2024; Чжан 2024].

обретает управляемый характер. Выделяются три задачи НД: доступ к научной коммуникации, знаниям, инфраструктуре, ресурсам и капиталу; продвижение достижений страны; влияние на общественное мнение в других странах [Flink, Schreiterer 2010]. Условием реализации НД является наличие специализированных государственных и некоммерческих институтов. Это могут быть научные фонды или академические институты, чья деятельность связана с реализацией отмеченных выше задач.

В таблице 1 представлена сравнительная оценка МНТС и НД с выделением их особенностей.

Решение вопроса о том, в какой момент и при каких обстоятельствах МНТС трансформируется в НД, представляется значимым. Это позволяет понять роль науки в международных отношениях. НД реализуется на основе МНТС тогда, когда его результаты начинают оказывать влияние на процесс и результаты принятия внешне- и внутриполитических решений государствами, между которыми происходит взаи-

модействие. Трансформация сложившегося МНТС в НД происходит с актуализацией потенциала науки как ресурса «мягкой силы» [Харитонов 2018]. Особую роль НД приобретает в период кризисов, когда происходит слом старого миропорядка и остро ощущается потребность в научно обоснованном наполнении новой концепции мироустройства через международный диалог учёных и экспертов [Чубарьян 2023]. Россия имеет многолетнюю традицию НД, в том числе в контексте отношений с Индией [Торкунов 2018; Андреев 2019; Райнхардт 2020]. Поскольку сравнение моделей НД двух стран не является целью данной статьи, ниже представлена общая, однако неисчерпывающая их характеристика.

Оценка изменений российского подхода к МНТС за последние два десятилетия демонстрирует выраженный сдвиг в сторону концепций научно-технологического суверенитета [Дежина, Ключарев 2020]. В данном контексте возросла практическая потребность в терминологическом опре-

делении понятия НД, следствием чего стало его инкорпорирование в Концепцию МНТС России⁸ 2019 г. с сохранением преэминентности в редакции 2025 года⁹, где НД определяется как «особая форма МНТС, относящаяся к публичной дипломатии». Согласно Концепции МНТС 2025 года, важной задачей НД России является защита национальных интересов и сохранение идентичности российской науки. Реализация данной задачи носит надведомственный характер, что создаёт основу для вовлечения в её реализацию широкого круга акторов. После 2022 г. произошла актуализация МНТС России, связанная с переходом к протекционизму и приоритизацией интересов национальной науки в условиях меняющейся геополитической обстановки. Это обусловило интеграцию НД в научно-техническую политику, что стало особенностью российской модели [Сулейманов 2025].

НД Индии получила активное развитие через МНТС как двустороннего, так и многостороннего характера: в рамках БРИКС, Арктического совета и других организаций и объединений. Индия использует НД в качестве инструмента «мягкой силы» для повышения своей роли на международной арене и в Азиатском макрорегионе, а также для достижения целей внешней политики и расширения географии межгосударственных связей сразу в двух измерениях — «Юг-Юг» и «Юг-Север». В работе Г.Д. Толорая и коллег¹⁰ выделено три активно развивающихся направления НД Индии: участие в крупных международных исследовательских проектах класса «мега-

сайенс», лоббирование национальных интересов через индийскую научную диаспору и так называемая вакцинная дипломатия, базирующаяся на значительных достижениях страны в сфере медицинских технологий.

Индийская модель НД характеризуется ведомственной принадлежностью функций. Это предоставляет отдельным министерствам, ведомствам и организациям автономию в реализации инициатив, но одновременно осложняет координацию усилий на межведомственном уровне [Зиннатуллин 2024]. Среди ключевых акторов следует выделить Министерство науки и технологий и Министерство иностранных дел Индии, которые не только имеют специализированные подразделения, но и курируют соответствующие инициативы, такие как «Крылья науки за рубежом», Форум индийской научной дипломатии¹¹. НД в Индии решает задачу технологического развития страны через наращивание внутреннего потенциала и укрепление связей с индийской научной диаспорой зарубежом.

Институциональная основа для НД России и Индии была сформирована ещё в советский период и к настоящему времени имеет сложную архитектуру, включая межправительственные, межведомственные, межорганизационные и иные соглашения о взаимопонимании и сотрудничестве. Действуют соглашения о сотрудничестве России и Индии в области патентования, проведения исследований в космической, военно-технической, медицинской и иных сферах. Для содействия реализации высокотехнологичных проектов в 2024 году

⁸ Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации: решение Правительства РФ от 08.02.2019 № ТГ-П8-952 // Минобрнауки России. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf (дата обращения: 23.07.2025).

⁹ Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 16.05.2025 г. № 1218-р // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505944/ (дата обращения: 23.07.2025).

¹⁰ Толорая Г.Д., Борзова А.Ю., Дежина И.Г., Райнхардт Р.О., Никольская М.В., Краснова Г.А. Перспективные направления научного сотрудничества: страны БРИКС. Доклад № 90/2023/ РСМД. — М.: НП РСМД, 2023. — 56 с. С. 15.

¹¹ Дежина И.Г. Научная дипломатия в Индии // РСМД. 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnaya-diplomatiya-v-indii/?sphrase_id=163991101 (дата обращения 17.06.2025).

подписан меморандум о создании Российско-индийской технологической платформы и Российско-индийской ассоциации в области высоких технологий.

Существенным шагом к укреплению научно-технического сотрудничества России и Индии как центрального элемента НД стала двусторонняя Комплексная долгосрочная программа, впервые запущенная в 1987 году, а её последний 10-летний цикл охватил 2010–2020 годы. В 2021 году новым рамочным документом стала Дорожная карта сотрудничества в области науки, технологий и инноваций между Министерством образования и науки России и Министерством науки и технологий Индии¹². В данном документе были закреплены перспективные области для долгосрочного взаимодействия, такие как искусственный интеллект, квантовые, медицинские и биотехнологии, киберфизические системы, океанография и физика¹³.

Важную роль в моделях НД России и Индии занимают институты финансирования научных исследований, которые выполняют функции по укреплению научно-технологического и дипломатического сотрудничества между странами. С российской стороны задачи финансирования возложены на Российский научный фонд (РНФ) и до 2022 года – Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), с индийской – на Департамент науки и технологий Министерства науки и технологий. Ещё в 2017 году поддержка совместных научных проектов на грантовой основе была отмечена РАН в качестве одного из ключевых инструментов НД России для укрепления позиций в мире [Адрианов и др. 2018].

С начала 2020-х годов общее количество российских учёных, вовлечённых в между-

народные научные проекты и работу зарубежных научных центров, составило около 1,5 тыс. человек [Reinhardt 2021], что достаточно скромный показатель на фоне общего количества исследователей в стране (в 2023 году – 338,9 тыс. человек¹⁴). При этом устойчивость профессиональных контактов имеет определяющее значение в реализации НД «снизу-вверх». Таким образом, оценка результативности российско-индийского научно-технического сотрудничества на уровне отдельных учёных, участвующих в реализации совместных проектов с грантовым финансированием, представляется важной исследовательской задачей в контексте изучения НД двух стран как сложного многоаспектного феномена. Обзор научной литературы показывает, что международное научно-техническое сотрудничество трансформируется в научную дипломатию в тех случаях, когда результаты исследовательской деятельности начинают оказывать влияние на процесс выработки и принятия политических решений государств. Существенную роль в этом процессе играют международные сообщества учёных и экспертов. Россия и Индия имеют давнюю традицию МНТС, однако подходы стран к его реализации не являются идентичными. НД в данном случае направлена на поиск точек соприкосновения России и Индии при формировании взаимовыгодного устойчивого партнёрства.

Материалы и методы исследования

Одной из распространенных форм МНТС в России являются международные научные проекты [Золотарев и др. 2019]. Практика изучения НД как формы МНТС [Романова 2017] включает оценку участия учёных в таких проектах [Гутенев, Сергу-

¹² Российско-индийские документы, подписанные к встрече Президента Российской Федерации В.В.Путина с Премьер-министром Республики Индии Н.Моди. // Администрация Президента России. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5746> (дата обращения 17.07.2025).

¹³ Образование, наука и гранты: Минобрнауки России намерено расширить сотрудничество с Индией. // Минобрнауки России. 2023. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/66883/> (дата обращения 18.07.2025).

¹⁴ Индикаторы науки: 2025: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2025. С. 152.

Таблица 2
Фрагмент анкеты исследования

Вопросы	Научная дипломатия	Этап проекта МНТС
1. Как Вы нашли партнёра?	Дипломатия для науки	Запуск
2. Стал ли поддержанный фондом проект началом кооперации, или сотрудничество было и до проекта?	Дипломатия для науки	Запуск
3. Какие инструменты государственной поддержки необходимы для активизации научно-технического сотрудничества России и Индии?	Дипломатия для науки	Запуск
4. Какие сложности возникали при реализации проекта?	Дипломатия для науки	Реализация
5. Укажите, с какими научными и образовательными организациями Индии / России Вы сотрудничаете?	Наука для дипломатии	Реализация
6. Какие преимущества во взаимодействии с индийскими / российскими коллегами?	Наука для дипломатии	Реализация
7. Насколько в рамках проекта для Вас оказалось значимо сотрудничество с партнёром?	Наука для дипломатии	Завершение
8. Какие результаты совместной работы были получены?	Наука для дипломатии	Завершение
9. Участвовали ли в реализации проекта исследователи из третьих стран? Если да, оцените их вклад?	Наука для дипломатии	Завершение
10. Поддерживаете ли Вы кооперационные связи с партнёрами после завершения финансирования проекта?	Наука для дипломатии	Постпроект
11. Какие формы кооперации вы поддерживаете после окончания проекта?	Наука для дипломатии	Постпроект

Источник: разработано авторами.

нин 2022], анализ количественных показателей научной кооперации [Райнхардт 2019б; Васильева 2019] и качественную оценку эффективности НД для достижения внешнеполитических целей с использованием социологического инструментария [Крынжина 2018; Райнхардт, Панов 2022]. Опираясь на практику предыдущих исследований, в фокусе данной работы — опыт реализации российско-индийских научных проектов. Данное исследование построено на основе применения метода опросов в формате онлайн-анкетирования. Авторами разработана анкета на русском и английском языках, содержащая 14 вопросов закрытого и открытого типов, в том числе 11 — из основного блока, которые указаны в табл. 2 и 3 — с информацией о респонденте (организационная принадлежность, предметная область, тематика исследований).

Содержание вопросов касалось результатов, проблем и перспектив российско-индийского научно-технического сотрудничества, барьеров и драйверов его реализации, оценки вклада третьих стран. Вопросы анкеты соотнесены с контекстами НД — «дипломатия для науки» и «наука для дипломатии» — и этапами жизненного цикла проектов МНТС: запуск, реализация и завершение проекта, постпроектный этап. Контекст «наука в дипломатии» напрямую не затронут в анкете. Однако косвенной информацией для анализа выступают данные о предметных областях и тематике исследований респондентов, которые соотнесены с приоритетными для двусторонних отношений России и Индии областями исследований.

Участниками опроса выступили руководители 490 проектов, реализуемых при поддержке научных фондов России (РНФ,

Таблица 3
Распределение российско-индийских научных проектов в 2009–2024 годах

Год	Проекты фундаментальных научных исследований, поддержанные грантами Министерства науки и технологий Индии совместно с научными фондами России, ед.			Всего проектов, ед.
	РФФИ (инициативные проекты)	РФФИ (междисциплинарные проекты)	РНФ	
2008	32	—	—	32
2009	38	—	—	38
2010	19	—	—	19
2011	24	—	—	24
2012	13	—	—	13
2013	28	—	—	28
2014	18	—	—	18
2015	50	—	—	50
2016	22	—	17	39
2017	53	16	—	69
2018	48	—	—	48
2019	43	—	20	63
2022	—	—	26	26
2024	—	—	23	23
Всего	388	16	86	490

Источник: составлено авторами.

РФФИ) и Департамента науки и технологий Министерства науки и технологий Индии (DST). Исследование охватило научные проекты, поддержанные в период с 2009 по 2024 годы и перечисленные в табл. 3. Опрос анонимный и не предполагал сбор персональных данных респондентов. Общая выборка для рассылки анкеты составила 343 российских и 339 индийских учёных.

Сбор анкет проводился в два этапа: с сентября по ноябрь 2023 года и с июля по сентябрь 2024 года. Приглашения к участию в исследовании рассылались потенциальным респондентам по электронной почте. Всего была получена 51 корректно заполненная анкета: 35 от индийских и 16 от российских учёных. Анализ данных выполнялся на обезличенной основе.

Результаты исследования

Профиль респондентов, вовлечённых в проекты МНТС

С российской стороны участие в опросе приняли учёные из Москвы, Дубны, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Томска, Казани и ещё 8 городов, с индийской стороны — из Хайдерабада, Дели, Мумбаи, Джодхпура, Шантиникетана и ещё 23 городов (Рис. 1).

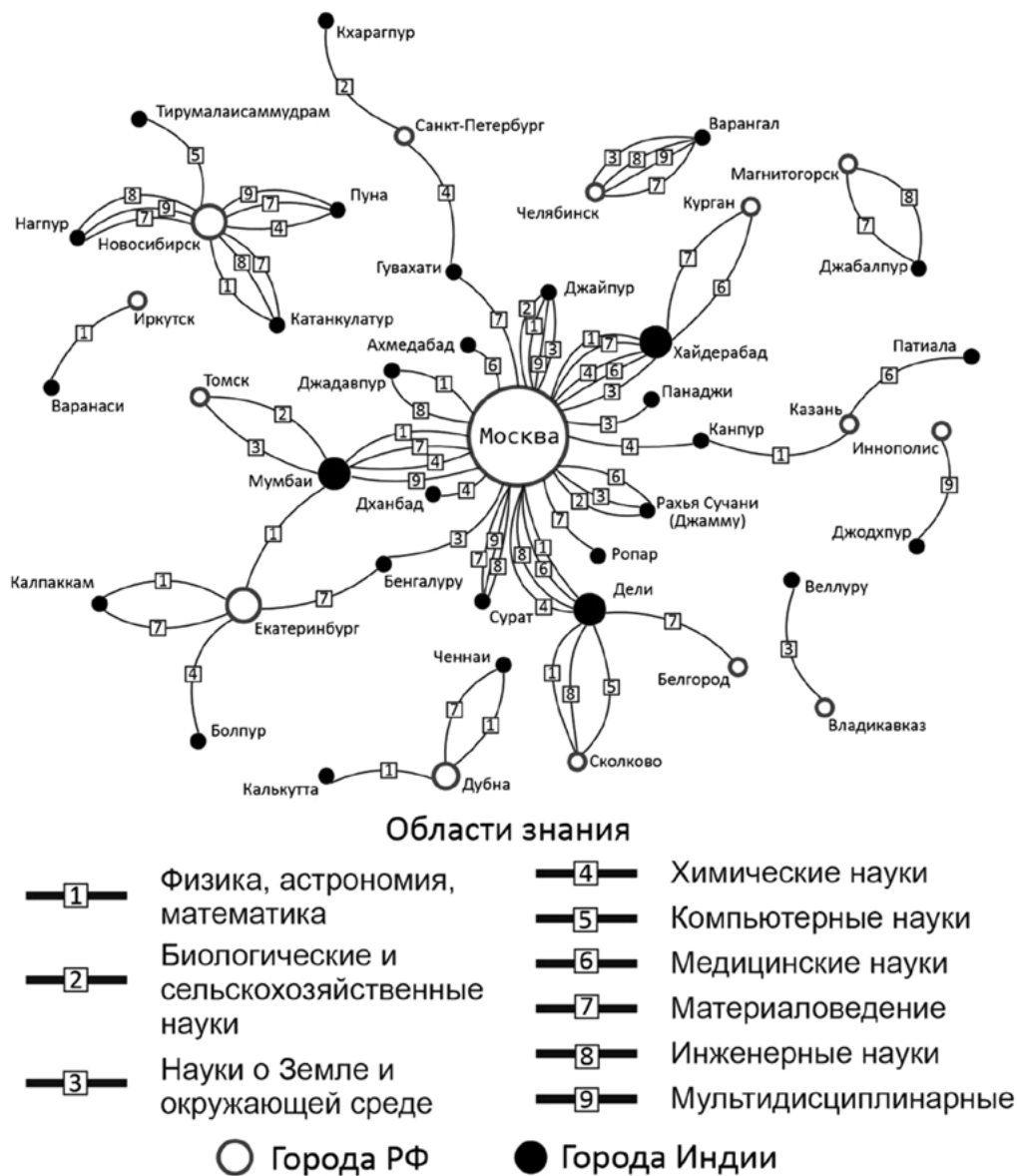
Среди индийских респондентов 56% представляли исследовательские институты, 25% — образовательные организации, 19% — научные центры. В группе респондентов из России преобладали представители университетов (51%) и институтов РАН (40%), реже — центров и лабораторий (9%). На основе данных о географии респондентов, их партнёров и предметной

Рисунок 1
Размещение респондентов опроса в городах России и Индии

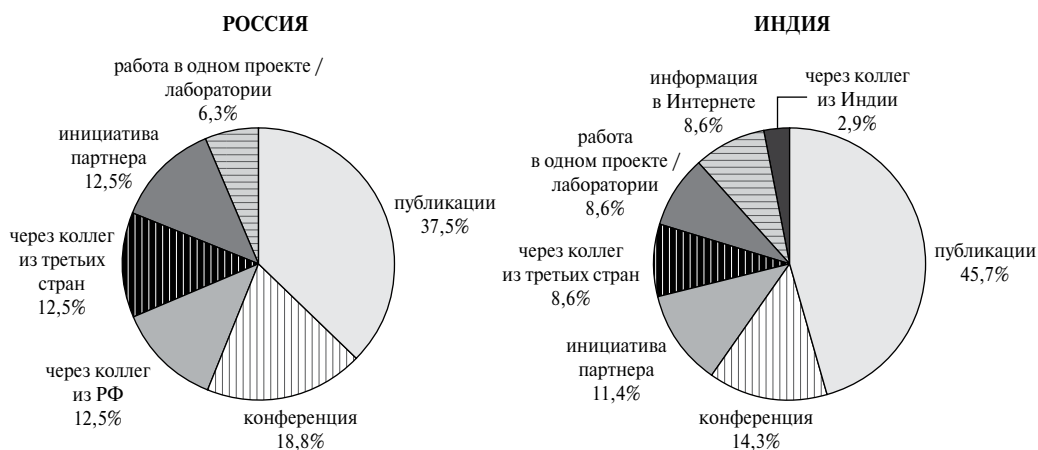
Источник: разработано авторами.

Рисунок 2
География и специализация сетевых связей респондентов Индии и России

Источник: разработано авторами.

Рисунок 3
Как Вы нашли иностранного партнера для совместного исследования?

Источник: составлено авторами.

области проекта сформирована схема сетевых научных связей, отражающая отраслевое и территориальное разнообразие выборки (рис. 2).

Основным географическим центром притяжения в изучаемой сети российско-индийских научных связей выступает Москва. С российской стороны сильнее других вовлечены в научно-техническое сотрудничество с Индией также Новосибирск и Екатеринбург. С индийской стороны большинство респондентов представляли научные и образовательные организации в Дели, Мумбаи и Хайдерабаде. В отраслевом разрезе преобладают естественно-научные и физико-технические направления, что соответствует национальным приоритетам научного сотрудничества России и Индии, в то время как социально-гуманитарный блок практически не представлен.

Контекст «Дипломатия для науки»

Запуск проектов МНТС невозможен без установления научных связей между учёными. На данном этапе задача НД заключается в создании благоприятных условий для коммуникации. На рис. 3 представлены общие и специфические особенности использования учёными России и Индии каналов поиска зарубежных контактов для создания международных коллективов.

Научные статьи остаются ключевым каналом коммуникации в научной среде: 37% российских и 46% индийских респондентов отметили, что нашли коллег через публикации в международных базах данных. Имеются различия в доступе исследователей двух стран к международным реферативным базам¹⁵ и представленности в них: согласно данным SCImago¹⁶ на июль 2025 года, Индия занимает 6-е место в мире по количеству публикаций, Россия – 12-е. В связи с этим задача НД России заключается в расширении доступа отечественных

¹⁵ До 2023 года для организаций России доступ к крупнейшим международным базам научных публикаций Scopus и WoS был доступен по национальной подписке. В связи с санкциями западных стран платный доступ для научных учреждений России к международным базам был приостановлен.

¹⁶ Рейтинг включает журналы и страновые научные показатели, разработанные на основе информации международной реферативной базы данных Scopus.

учёных к результатам мировых исследований и развитию альтернативных каналов научной коммуникации. Перспективным направлением является организация и поддержка научных мероприятий – 19% российских и 14% индийских респондентов подтвердили, что участие в таких событиях способствует расширению географии сотрудничества благодаря установлению личных профессиональных контактов. Более широкое использование данного неформального канала видится перспективным в контексте развития отношений со странами БРИКС+.

Важную роль в формировании благоприятных условий для запуска МНТС играет информационная открытость национальных научных систем. Наличие в открытом доступе актуальной информации на иностранных языках о проводимых в стране исследованиях и работающих научных коллективах позволяет заинтересованной стороне самостоятельно осуществлять поиск контактов и обращаться к ним с предложениями о сотрудничестве. Согласно результатам исследования, 9% опрошенных индийских учёных отметили, что нашли партнёра из России для участия в гранте через Интернет. Ещё 13% российских и 11% индийских респондентов указали, что иностранные коллеги проявили инициативу и выступили с приглашением присоединиться к проекту.

Распространённой формой неформального поиска партнёров для совместных исследований остаются рекомендации коллег – как из своей страны, так и из-за рубежа. При этом наблюдается заметная разница между ответами респондентов из Индии и России. Российские исследователи в большей степени использовали потенциал «слабых связей»: 12% опрошенных нашли партнёров через коллег из России, а 13% – через коллег из третьих стран. В то же время «сильные связи», под которыми понимается приглашение партнёра после совместной работы в одном проекте, лаборатории или подразделении, использовались значительно реже. Эту стратегию выбрали лишь 6% респондентов. Индийские исследовате-

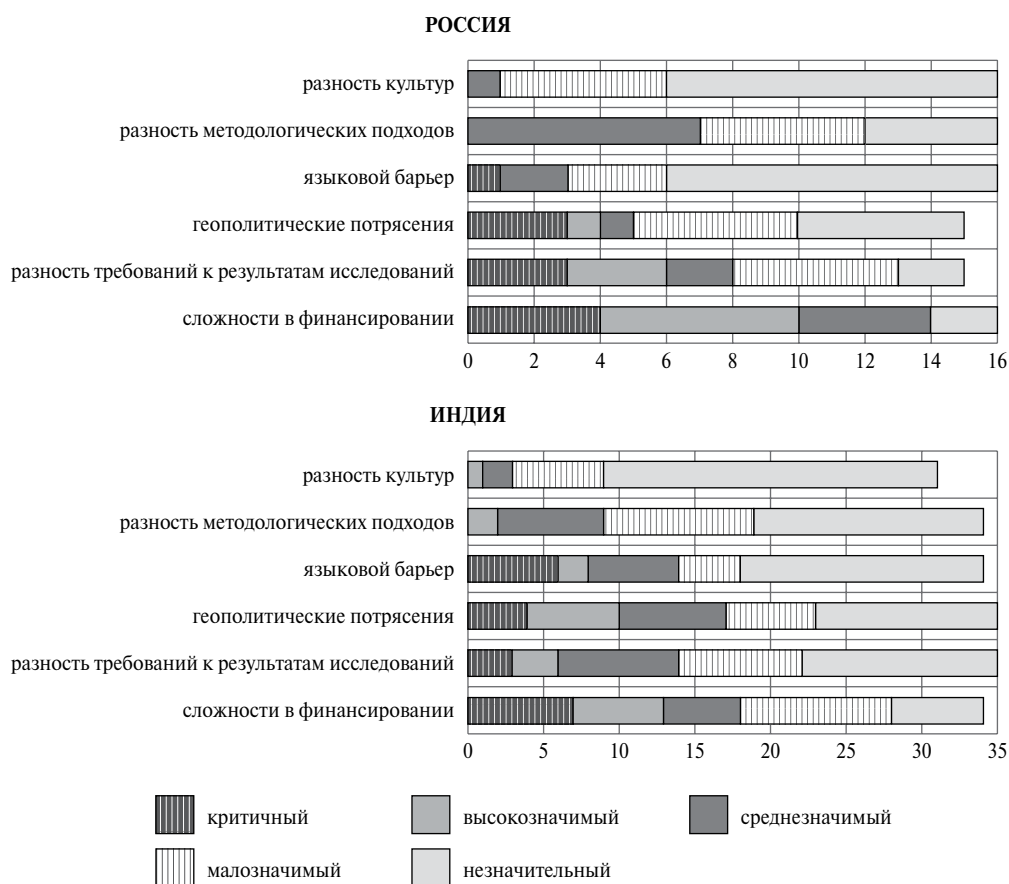
ли, напротив, чаще вовлекали в МНТС своих коллег по лаборатории, подразделению или другому проекту (9% опрошенных), нежели прибегали к рекомендациям коллег из третьих стран (8%) или Индии (3%). Несмотря на выявленные различия в ответах, полученные результаты свидетельствуют о важности интеграции учёных в национальные и международные научные сети для активизации и расширения МНТС.

Инструментом целенаправленного формирования научных связей выступает академическая мобильность, о чём сообщили 6% опрошенных из России и 9% опрошенных из Индии. Академические обмены предполагают более глубокое личное и профессиональное знакомство учёных из разных стран, что формирует основу для последующего запуска МНТС и реализации задач НД. В настоящее время возможности международной академической мобильности для российских исследователей существенно сократились вследствие воздействия пандемийных мер, а впоследствии – геополитической напряжённости.

Драйвером запуска МНТС для российских и индийских учёных остаётся доступ к финансированию. Среди опрошенных руководителей проектов 81% из России и 66% из Индии заявили о том, что кооперация с иностранным партнёром началась при поддержке гранта. Это подтверждает ключевую роль научных фондов в реализации НД в части стимулирования запуска МНТС по приоритетным для страны тематическим направлениям. Видится целесообразным расширение линейки грантов для поддержки МНТС на начальной стадии.

Наряду с драйверами развития совместных научных проектов существуют и барьеры, представленные на рис. 4. Наиболее чувствительными для учёных из России остаются вопросы финансирования, разности требований к результатам исследований (отличия в отчётных показателях эффективности научной деятельности) и нестабильная геополитическая обстановка. В некоторых случаях препятствием к МНТС для исследователей из России выступал языковой барьер (критично) и

Рисунок 4
Факторы-ингибиторы, влияющие на реализацию проекта с иностранным партнёром (уровень значимости)

Источник: составлено авторами.

различия в методологических подходах (средне значимо).

Среди индийских респондентов геополитической ситуация и трудности с финансированием были идентифицированы как ключевые факторы, негативно повлиявшие на эффективность совместной исследовательской деятельности с российскими коллегами. Учёные из Индии, в большей степени чем из России, столкнулись с проблемой языкового барьера. Данный фактор был оценён как более критичный, чем различия в требованиях к результатам научной деятельности. Кроме того, некоторые

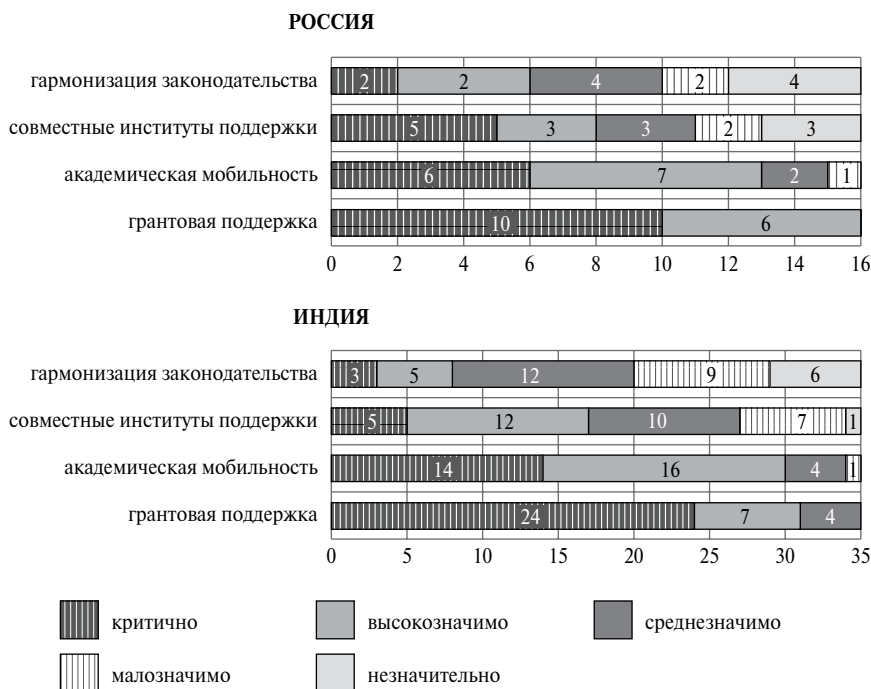
индийские респонденты отметили культурный фактор в качестве ограничения для активизации сотрудничества.

Особую важность приобретает концентрация усилий НД на минимизации негативного воздействия выявленных ограничений. Для оценки потенциала различных инструментов НД в контексте развития сотрудничества был проведён соответствующий анализ, результаты которого визуализированы на рис. 5.

Большинство респондентов (62,5% из РФ и 68,6% из Индии) отметили критическую роль грантов. На втором месте — ака-

Рисунок 5

Значимость инструментов государственной поддержки для активизации научного сотрудничества России и Индии

Источник: составлено авторами.

демическая мобильность (40% индийских и 37,5% российских респондентов отметили критическую значимость данного инструмента), что демонстрирует важность реализации Индией и Россией совместных программ обмена и языковых курсов. Потребность в институциональной и правовой поддержке российско-индийского научного сотрудничества сохраняется, однако её роль в сравнении с фактором финансирования получила более низкий приоритет. При этом решение таких задач, как гармонизация требований к оценке результатов научных исследований двух стран, требует соответствующей совместной работы профильных институтов.

Контекст «Наука для дипломатии»

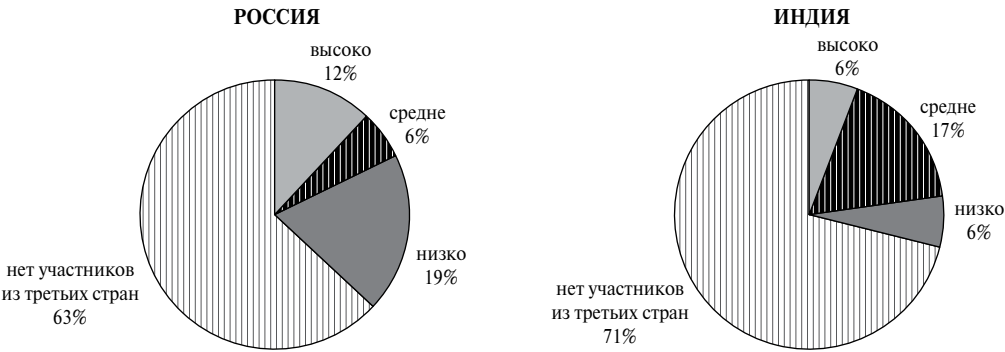
Эффективная реализация роли науки для дипломатии предполагает устойчивость научных контактов. В рамках иссле-

дования проведена оценка общего восприятия респондентами значимости для них научного сотрудничества с иностранными партнёрами как фактора устойчивости. Высокая оценка интерпретировалась как маркер наличия потенциала для формирования крепких научных связей, выражающегося в готовности учёных к долгосрочному взаимодействию в условиях имеющихся барьеров, в том числе после формального завершения совместного проекта.

Респонденты из России в среднем оценили значимость кооперации с индийскими коллегами на 3,63 балла из 5, в то время как опрошенные из Индии поставили более высокий балл — 4,54. При имеющихся различиях обе группы дали позитивную оценку полученному опыту сотрудничества, что говорит о потенциале для дальнейшего взаимодействия и укрепления научного диалога. Представляет интерес

Рисунок 6

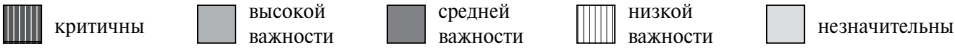
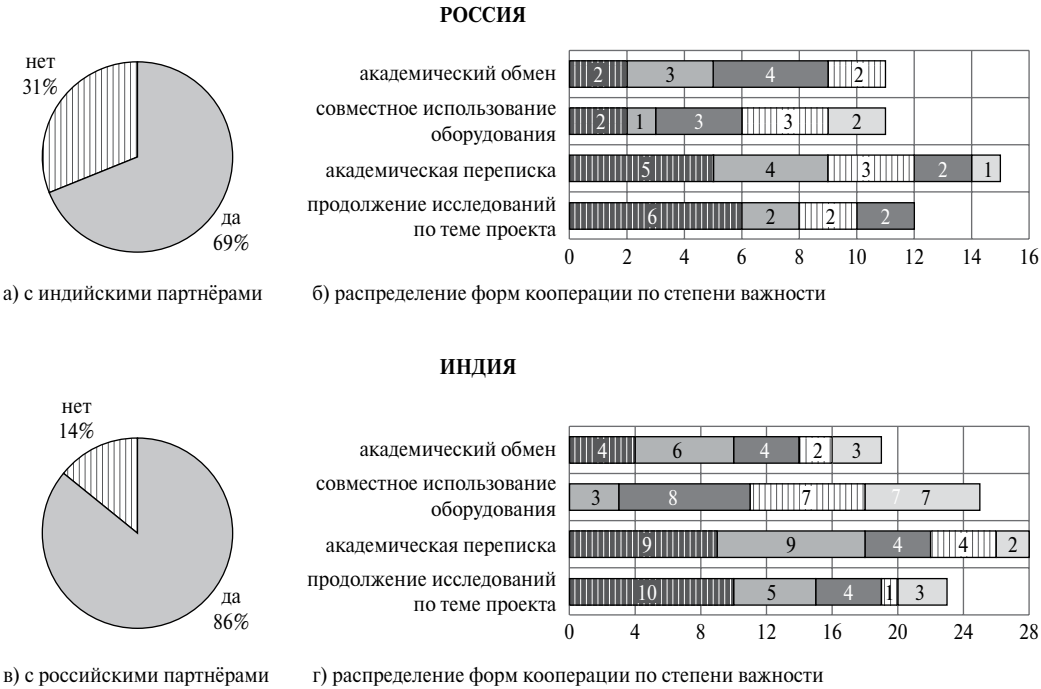
Участвовали ли в реализации научного проекта исследователи из третьих стран? Оцените их вклад.

Источник: составлено авторами.

Рисунок 7

Поддерживаете ли Вы кооперационные связи с иностранным партнером после завершения финансирования проекта и в каких формах?

Источник: составлено авторами.

Рисунок 8
Какие результаты совместной работы были получены в проекте?

Источник: составлено авторами.

тот факт, что проекты, вошедшие в выборку данного исследования, уже выступили для трети индийских респондентов продолжением научной кооперации с коллегами из России. В то время как в российской выборке об этом сообщили лишь 19% респондентов.

Оцениваемое в рамках данного опроса российско-индийское научное сотрудничество преимущественно носит двусторонний характер: об этом заявили более половины опрошенных (рис. 6). В случае участия третьих стран их вклад получил неоднозначную оценку. Опрошенные из России указали на слабую роль иностранных партнеров в проекте (19%), и лишь 12% отметили высокий вклад зарубежных коллег в реализацию исследования. Респонденты из Индии оказались несколько более позитивными в оценке результатов МНТС и вклада иностранных коллег: 17% — дали среднюю оценку и 6% — высокую.

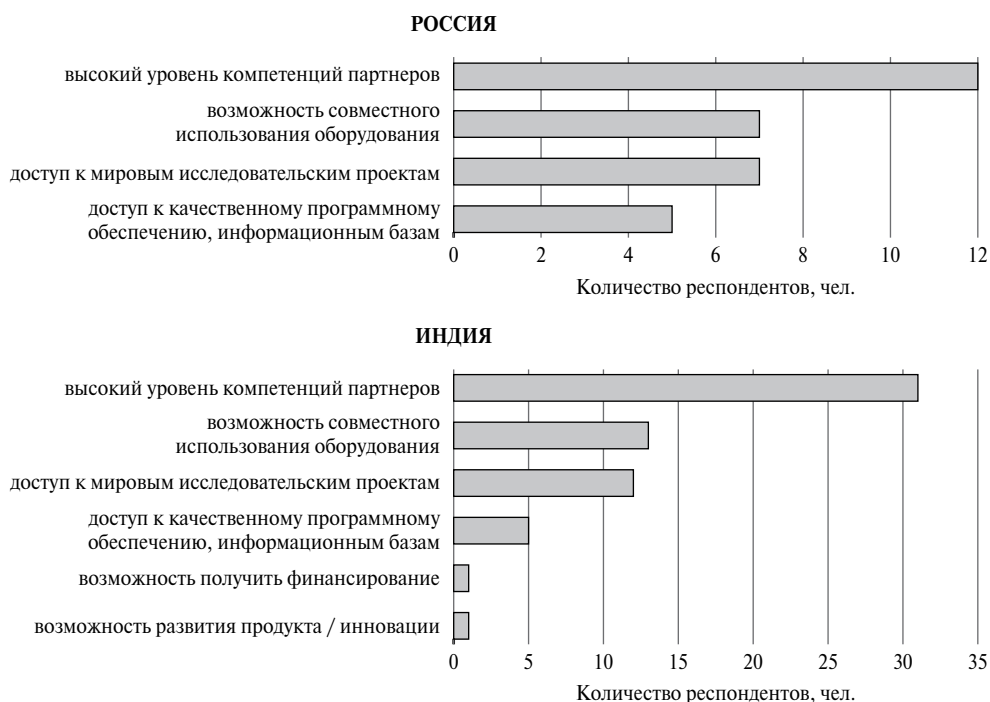
В ответ на вопрос о поддержании кооперационных связей после завершения гранта около трети опрошенных из России заявили о прекращении научного взаимодействия с индийскими коллегами, с индийской стороны таковых было меньше — 14% (рис. 7, индикаторы «а» и «в»).

В случае, когда учёные продолжали поддерживать научные связи, основной формой коммуникации выступала академическая переписка (Рис. 7 б, г): 56% российских и 51% индийских респондентов оценили её значимость как «критично» и «важно». На втором месте — продолжение исследований по теме проекта (50% опрошенных из России и 43% — из Индии). Интерес к обмену знаниями в рамках академической мобильности оказался выше, чем к совместному использованию исследовательской инфраструктуры.

Основным измеримым результатом сотрудничества при грантовой поддержке

Рисунок 9

Какие преимущества Вы видите во взаимодействии с иностранными коллегами?

Источник: составлено авторами.

стала подготовка научных публикаций (рис. 8). Это объясняется требованиями конкурсной документации фондов в отношении публикационной активности. Для российской стороны вторым по популярности результатом стали научные мероприятия, для индийской — мобильность (академическая и студенческая). Таким образом, в первом случае МНТС в большей степени оказалось направленным на популяризацию результатов проектного исследования и развитие «слабых научных связей», во втором — на обмен знаниями.

Основой для установления устойчивых форм МНТС остаётся высокий уровень знаний и компетенций иностранного партнёра, что отметили практически все из респондентов (рис. 9). На втором месте, с существенным отставанием, — инфраструктурная обеспеченность. Вероятно,

это может быть интерпретировано имеющимся у России и Индии сходным уровнем развития научной инфраструктуры, нежели её менее значимой ролью для проведения исследований. В наименьшей степени российские и индийские учёные во взаимодействии друг с другом видят преимущества в доступе к программному обеспечению и базам данных. Также респонденты из Индии указали, что видят преимущество в кооперации с коллегами из России в получении дополнительного финансирования для инноваций.

Обсуждение результатов и выводы

После распада СССР Россия и Индия предприняли шаги по институционализации научно-технического сотрудничества. В условиях усиления глобальной технологической конкуренции и обострения геополитической напряжённости Россия

адаптирует подход к МНТС, ставя в приоритет защиту национальных интересов. За наукой всё больше закрепляется роль альтернативного дипломатического канала в условиях геополитической нестабильности, а МНТС становится практическим механизмом для создания стратегических партнёрств в приоритетных научно-технологических областях. В свою очередь это требует усиления взаимосвязи между МНТС и НД, а также систематизации существующих фрагментарных практик взаимодействия учёных в соответствии с приоритетами государственной политики.

Финансирование международных проектов на конкурсной основе — один из используемых Россией и Индией инструментов НД. Микроуровневая оценка российско-индийского научно-технического сотрудничества позволила выявить, как существующие институциональные механизмы соотносятся с накопленным в период 2008–2024 годы опытом сотрудничества учёных двух стран при выполнении совместных проектов. По результатам проведенной оценки выявлено, что для запуска российско-индийских научных проектов критически важно финансирование в рамках совместных программ поддержки исследований. Это позволяет осуществлять селекцию приоритетных для обоих государств областей знания и тематик, однако не обеспечивает в полной мере системного эффекта в формировании устойчивых научных сетей. Результаты опроса показали, что после завершения грантового финансирования сотрудничество часто сворачивается или сводится к академической переписке, что свидетельствует о его временном и поверхностном характере.

Отметим, что за 16 лет всего поддержано 490 российско-индийских проектов, при чём в некоторые годы конкурс вообще не проводился. В данном контексте уместно привести экспертное мнение И.В. Данилина, который отмечает, что на сегодняшний день

сотрудничество между Россией и Индией «качественно меньше не только взаимодействия Индии со странами Запада, но и того уровня, который был достигнут в двусторонних отношениях к концу 1980-х годов»¹⁷. Это указывает на разрыв между высоким статусом стратегического партнёрства России и Индии в XXI в. и его конвертацией в реальные практики научного сотрудничества. Устранение данного разрыва сопряжено с концентрацией усилий НД (в контексте «*дипломатия для учёных*») на преодолении имеющихся барьеров. По результатам данного исследования становится понятным, что сдерживающее влияние на активизацию совместной проектной деятельности, в первую очередь, оказывают институциональные факторы, связанные с недостатком финансирования, различиями в требованиях и стандартах, геополитическими рисками.

В основе проектного сотрудничества России и Индии лежит научное партнёрство, выстроенное на персональных контактах учёных и их личной заинтересованности в МНТС. Это нашло отражение как в полученном распределении формальных и неформальных каналов поиска партнёров, так и отмеченных респондентами преимуществ сотрудничества. Было выявлено, что запуск сотрудничества происходил преимущественно «снизу-вверх» по инициативе самих исследователей, которые ищут партнёров через научные публикации, конференции и рекомендации коллег для решения микроуровневых задач: доступ к уникальным компетенциям, специализированному оборудованию, дополнительному финансированию и данным. Это свидетельствует о недостаточной роли институтов НД на начальной стадии МНТС, когда нужны механизмы поддержки новых связей и стимулирования начального уровня кооперации.

В это же время стоит задача углубления уже имеющегося научно-технического

¹⁷ Данилин И.В. Российско-индийское сотрудничество в сфере высоких технологий: через тернии. РСМД. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-sfere-vysokikh-tehnologiy-cherez-ternii/> (дата обращения: 11.07.2025).

сотрудничества между учёными России и Индии для формирования устойчивых научных сетей и долгосрочных партнёрских связей, являющихся основой подхода «науки для дипломатии». В условиях геополитической нестабильности интенсифи-

кация усилий НД в данном направлении обусловлена как необходимостью упрочения партнёрства России с Индией, так и повышением эффективности использования ранее накопленного странами научно-технического потенциала.

Список литературы

- Адрианов А.В., Дынкин А.А., Зелёный Л.М., Логачёв П.В., Чубарьян А.О., Хализева М.Е., Сергеев А.М. Научная дипломатия как элемент «мягкой силы» // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 6. С. 492–499. DOI: 10.7868/S0869587318060026.
- Андреев А.И., Дегтерёва Е.А., Черняев М.В. Научная дипломатия России: этапы становления и современное состояние // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 11(85). DOI: 10.18254/S207987840008065-0.
- Ащеулова Н.А., Юсупова Т.И. Российско-индийское научное сотрудничество в социолого-наукоедческом аспекте // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. Т. 30. № 3. С. 176–183.
- Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Индия во внешней культурной политике России: основные направления российско-индийского культурного и научного сотрудничества на современном этапе // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2008. Т. 180. С. 318–330.
- Букалова С.В. Научная дипломатия: сущность и роль в системе международных отношений // Мировая политика. 2018. № 2. С. 95–103. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.25855
- Васильева И.Н. Научная дипломатия как разновидность публичной дипломатии в рамках внешней политики РФ // Наука. Инновации. Образование. 2019. Т. 14. № 1. С. 70–101. DOI: 10.33873/1996-9953.2019.14-1.70-101
- Грибанич В.М. Научная дипломатия. Наука и образование как важнейшие ценности общественного развития // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2022. № 3. С. 26–37. DOI: 10.28995/2782-2222-2022-3-26-37
- Гутенев М.Ю., Сергунин А.А. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 3. С. 155–174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06
- Данилин И.В. Эволюция международного научно-технического сотрудничества: глобальные тренды и российская политика // Инновации. 2019. № 12(254). С. 124–134. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.254.12.018.
- Данилин И.В., Устожанцева О.В. Российско-индийское сотрудничество в сфере науки и высоких технологий: ретроспектива и анализ // Инновации. 2024. № 4(300). С. 73–80.
- Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Российские концепции международного научно-технического сотрудничества: смена драйверов развития // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 4. С. 51–68. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14003
- Демидов А.В. Научная дипломатия — понятие и принять на вооружение // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2022. № 3. С. 327–338. DOI: 10.37691/2311-5351-2022-0-3-248-258.
- Задумкин К.А., Теребова С.В. Международное научно-техническое сотрудничество: сущность, содержание и формы // Проблемы развития территории. 2009. № 1. С. 22–30.
- Зиннатуллин Д.А. Научная дипломатия Индии в Арктике // Власть. 2024. Т. 32. № 6. С. 323–327. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-6-323-327
- Золотарёв Д.В., Белов Ф.Д., Васильева И.Н., Малахов В.А., Смирнова А.В. Мониторинг взаимодействия российских научных и образовательных организаций с зарубежными учёными // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 2. С. 292–330. <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2019.14-2.292-330>
- Казарина Н.В. Международное научно-техническое сотрудничество: терминологический анализ // Журнал международного права и международных отношений. 2018. № 1–2 (84–85). С. 90–101.
- Крынжина М.Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4 (55). С. 193–208. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.12
- Курылёв К.П., Черешнева Л.А. Российско-индийское региональное сотрудничество в сфере исторического высшего образования (на примере востоковедческой лаборатории ЛГПУ им. П.П. Семё-

- нова-Тян-Шанского) // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 380–386. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-380-386
- Курьлёв К.П., Черешнева Л.А., Старикова М.Н., Белоусова Л.А. Российско-индийское научно-техническое сотрудничество в первом десятилетии XXI в. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 643–654. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-643-654
- Михайленко А.Н. Стратегическое партнёрство и союзничество в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. Т. 9. № 183. С. 9–21.
- Михайлов А.С. Развитие российско-индийских научных связей в XXI веке // Проблемы приграничья. Новые траектории международного сотрудничества / Отв. ред. А. А. Михайлова. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2023. С. 41–49.
- Михайлов А.С., Хвалей Д.В., Сингх П., Сингх В.К. Потенциал российско-индийского научного сотрудничества (на примере регионов Западного порубежья России) // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 103–117.
- Наумов А.О., Андреева Н.В. Об итогах круглого стола «Мягкая сила» России и Индии: общее и особенное // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 127–141. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_127.
- Пономарёв Н.М., Иванова Н.И. Научно-техническое сотрудничество Российской Федерации и Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 5. С. 86–92. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-5-86-92
- Райнхардт Р.О. Наука о дипломатии, для дипломатии, в дипломатии // Обозреватель. 2019а. № 5(352). С. 58–72.
- Райнхардт Р.О. Развитие теории экономической дипломатии в России в 2000–2018 гг.: наукометрический и институциональный анализ // Научный диалог. 2019б. № 2. С. 283–295. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-283-295
- Райнхардт Р.О. Эволюция концептуальных основ российской научной дипломатии 1996–2016 годов // Научный диалог. 2020. № 3. С. 385–401. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-385-401.
- Райнхардт Р.О., Панов А.Н. «Дипломатия для науки» в интерпретации российских научных и дипломатических работников // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 115–129. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.09
- Романова М.Д. Научная дипломатия: измерения и практики // Управление наукой и наукометрия. 2017. Т. 12. № 1. С. 38–52.
- Сулейманов И.Т. Актуализация стратегических инструментов научной дипломатии в Российской Федерации в середине 20-х гг. XXI века // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 6. С. 315–322. <https://doi.org/10.24412/0869-8120-2025-6-315-322>
- Торкунов А.В. Основной доклад на пленарном заседании Научная дипломатия как формат международного взаимодействия // Вестник РФФИ. 2018. № 2(98). С. 32–37.
- Хализева М.Е. Научная дипломатия как элемент «мягкой силы» // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 6. С. 492–499. DOI: 10.7868/S0869587318060026
- Харитонов Е.М. Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. № 2. С. 61–91.
- Хмелёва Г.А. Научная дипломатия в странах БРИКС+: от укрепления многосторонности к «умной» экономике // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 3. С. 521–535. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-3-521-535
- Черников С.Ю., Коновалова Ю.А. Российско-индийское сотрудничество в высокотехнологичных отраслях промышленности // Экономика промышленности. 2016. № 2. С. 99–107. DOI: 10.1707/2072-1663-2016-2-99-107.
- Чжан Ц. Научная дипломатия КНР как инструмент внешней политики // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2024. Т. 68. № 2. С. 113–121. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-2-10.
- Чубарьян А.О. Научная дипломатия и её роль в формировании нового мирового порядка // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 12–2(134). DOI: 10.18254/S207987840029821-2.
- Шкунов В.Н., Радченко Л.Р. Развитие российско-индийских научных просветительских и образовательных связей на рубеже XIX–XX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 409–413.
- Шугуров М.В., Печатнова Ю.В. Проблемы и перспективы научно-технологического сотрудничества России и Индии в современных условиях: международно-правовое измерение // Международное право. 2024. № 3. С. 52–95. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.3.72085.
- Fedoroff N.V. Science diplomacy in the 21st century // Cell. 2009. Vol. 136. Is. 1. P. 9–11. DOI: 10.1016/j.cell.2008.12.030

- Flink T., Schreiterer U.* Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches // *Science and Public Policy*. 2010. Vol. 37. No. 9. P. 665–677. DOI: 10.3152/030234210X12778118264530
- Kaltofen C., Acuto M.* Science Diplomacy: Introduction to a Boundary Problem // *Global Policy*. 2018. Vol. 9. P. 8–14. DOI: 10.1111/1758-5899.12621
- Khanna Ya.* New Horizons: Possible Strategies to Promote Partnership in Research between India and Siberia // *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2011. No. 4. P. 77–83.
- Reinhardt R.O.* Russian Science Diplomacy at a Crossroads // *MGIMO Review of International Relations*. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 92–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106.
- Ruffini P.B.* Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: a critical review // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 1–9. DOI: 10.1057/s41599-020-00609-7
- Sonnenwald D.H.* Scientific Collaboration // *Annual Review of Information Science And Technology*. 2007. No. 41. P. 643–681. DOI: 10.1002/aris.2007.1440410121

ASSESSMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND INDIA THROUGH THE LENS OF SCIENCE DIPLOMACY CONCEPT

ANDREY MIKHAYLOV

DMITRY KHVALEY

ANNA MIKHAYLOVA

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, 236041, Russia

ALEXANDRA KHATKEVICH

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

The aim of the article is to conduct a micro-level assessment of the effectiveness of Russian-Indian scientific and technological cooperation and to identify the potential for its enhancement through the instruments of science diplomacy. A brief terminological analysis of the concepts of "international scientific and technological cooperation" and "science diplomacy" is presented, outlining their essential characteristics and interrelation. The important role of scientific foundations as institutions of science diplomacy, whose activities are aimed at supporting international scientific and technological cooperation, is highlighted. India was chosen for this study due to its growing global influence in science and innovation, as well as the existing potential for expanding scientific and technological cooperation with Russia in the current geopolitical landscape. The research was conducted by surveying the leaders of Russian-Indian scientific projects that received grant funding from the RSF and RFBR (now RNF) between 2009 and 2024. The total number of such projects is 490. The overall sample consisted of 51 respondents, including 35 Indian and 16 Russian scientists. According to the results obtained, financial support is a determining factor for initiating Russian-Indian scientific and technological cooperation. Informal communication channels between scientists of the two countries play a significant role in establishing scientific ties. The main factors hindering cooperation include insufficient funding,

differences in requirements (including performance indicators), and geopolitical risks. In some cases, after the grant ends, cooperation ceases or is reduced to academic correspondence, demonstrating its temporary and superficial nature. The systematization and concentration of efforts by Russia and India in the field of science diplomacy should be aimed both at supporting new scientific and technological links and at ensuring their long-term sustainability.

Keywords:

international scientific and technical cooperation; science diplomacy; scientific project; grant program; strategic partnership; Russian-Indian cooperation.

References

- Adrianov A.V., Dynkin A.A., Zelenyi L.M., Logachev P.V., Chubaryan A.O., Khalizeva M.E., Sergeev A.M. (2018). Nauchnaya diplomatiya kak element «myagkoy sily» [Scientific diplomacy as an element of «soft power»]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 88. No. 6. P. 492–499. DOI: 10.7868/S0869587318060026.
- Andreev A.I., Degtereva E.A., Chernyaev M.V. (2019). Nauchnaya diplomatiya Rossii: etapy stanovleniya i sovremennoe sostoyaniye [Scientific diplomacy of Russia: the stages of formation and the current state]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*. Vol. 10. No. 11(85). DOI: 10.18254/S207987840008065-0.
- Ascheulova N.A., Yusupova T.I. (2009). Rossiysko-indiyskoe nauchnoe sotrudnichestvo v sotsiologo-naukovedcheskom aspekte [Russian-Indian scientific cooperation in the socio-scientific aspect]. *Studies in the history of science and technology*. 2009. Vol. 30. No. 3. P. 176–183.
- Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. (2008). Indiya vo vneshney kul'turnoy politike Rossii: osnovnye napravleniya rossiysko-indiyskogo kul'turnogo i nauchnogo sotrudnichestva na sovremennom etape [India in Russia's foreign cultural Policy: the main directions of Russian-Indian cultural and Scientific cooperation at the present stage]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*. Vol. 180. P. 318–330.
- Bukalova S.V. (2018). Nauchnaya diplomatiya: sushchnost' i rol' v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy [Scientific diplomacy: the essence and role in the system of international relations]. *World Politics*. 2018. No. 2. P. 95–103. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.25855
- Chernikov S.Yu., Konovalova Yu.A. (2016). Rossiysko-indiyskoe sotrudnichestvo v vysokotekhnologichnykh otraslyakh promyshlennosti [Russia-India high technology cooperation]. *Russian journal of industrial economics*. No. 2. P. 99–107. DOI: 10.1707/2072-1663-2016-2-99-107.
- Chubaryan A.O. (2023). Nauchnaya diplomatiya i ee rol' v formirovaniy novogo mirovogo poryadka [Science diplomacy and its role in the formation of a new world order]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*. Vol. 14. No. 12–2(134). DOI: 10.18254/S207987840029821-2.
- Danilin I.V. (2019). Evolyutsiya mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva: global'nye trendy i rossiyskaya politika [Evolution of international science and technology cooperation: global trends and russian policies]. *Innovations*. No. 12(254). P. 124–134. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.254.12.018.
- Danilin I.V., Ustyuzhantseva O.V. (2024). Rossiysko-indiyskoe sotrudnichestvo v sfere nauki i vysokikh tekhnologiy: retrospektiva i analiz [Russian-Indian cooperation in the field of science and high technologies: a retrospective and analysis]. *Innovations*. No. 4(300). P. 73–80.
- Demidov A.V. (2022). Nauchnaya diplomatiya – ponyat' i prinyat' na vooruzhenie [Scientific diplomacy – to understand and adopt]. *Herald of Moscow Humanitarian Economic Institute*. No. 3. P. 327–338. DOI: 10.37691/2311-5351-2022-0-3-248-258.
- Dezhina I.G., Kliucharev G.A. (2020). Rossiyskie kontseptsii mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva: smena drayverov razvitiya [Russian Concepts of International Scientific-Technological Cooperation: Changing Drivers of Development]. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 11. No. 4. P. 51–68. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14003
- Fedoroff N.V. (2009). Science diplomacy in the 21st century. *Cell*. Vol. 136. No. 1. P. 9–11. DOI: 10.1016/j.cell.2008.12.030
- Flink T., Schreiterer U. (2010). Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches. *Science and Public Policy*. Vol. 37. No. 9. P. 665–677. DOI: 10.3152/030234210X12778118264530
- Gribanich V.M. (2022). Nauchnaya diplomatiya. Nauka i obrazovanie kak vazhneyshie tsennosti obshchestvennogo razvitiya [Science diplomacy. Science and education as critical values of social development]. *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*. No. 3. P. 26–37. DOI: 10.28995/2782-2222-2022-3-26-37

- Gutenev M.Yu., Sergunin A.A. (2022). Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya Rossii: teoriya i praktika [Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice]. *International Organisations Research Journal*. Vol. 17. No. 3. P. 155–174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06
- Halizeva M.E. (2018). Nauchnaya diplomatiya kak element «myagkoy sily» [Science diplomacy as an Element of "Soft Power"]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 88. No. 6. P. 492–499. DOI: 10.7868/S0869587318060026
- Kaltofen C., Acuto M. (2018). Science Diplomacy: Introduction to a Boundary Problem. *Global Policy*. Vol. 9. P. 8–14. DOI: 10.1111/1758-5899.12621
- Kazarina N.V. (2018). Mezhdunarodnoe nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo: terminologicheskii analiz [International Cooperation in Science and Technology: Terminological Analysis]. *Journal of International Law and International Relations*. No. 1–2 (84–85). P. 90–101.
- Khanna Ya. (2011). New Horizons: Possible Strategies to Promote Partnership in Research between India and Siberia. *Humanitarian Sciences in Siberia*. No. 4. P. 77–83.
- Kharitonova E.M. (2018). Nauchnaya diplomatiya vo vnesheynykh politike Velikobritanii: teoreticheskie i institutsional'no-organizatsionnye aspekty [Science Diplomacy in British Foreign Policy: Theoretical, Institutional, and Organizational Aspects]. *Lomonosov World Politics Journal*. Vol. 10. No. 2. P. 61–91.
- Khmeleva G.A. (2024). Nauchnaya diplomatiya v stranakh BRICS+: ot ukrepleniya mnogostoronnosti k «umnoy» ekonomike [Scientific diplomacy in BRICS+ countries: from strengthening Multilateralism to «Smart» Economy]. *RUDN Journal of Economics*. Vol. 32. No. 3. P. 521–535. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-3-521-535
- Kryznina M.D. (2018). Nauchnaya diplomatiya v interpretatsiyakh rossiyskikh spetsialistov [Interpretations of Science Diplomacy in Russian Academic Community]. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 4 (55). P. 193–208. DOI: 10.17994/IT.2018.16.4.55.12
- Kurylev K.P., Cheresheva L.A. (2023). Rossiysko-indiyskoe regional'noe sotrudnichestvo v sfere istoricheskogo vysshego obrazovaniya (na primere vostokovedcheskoy laboratorii LGPU im. P.P. Semanova-Tyan-Shanskogo) [Russian-Indian regional cooperation in the field of historical higher education (the case of the oriental research laboratory of the P.P. Semenov-Tyan-Shansky LSPU)]. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. No. 4. P. 380–386. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-4-380-386
- Kurylev K.P., Cheresheva L.A., Starikova M.N., Belousova L.A. (2024). Rossiysko-indiyskoe nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo v pervom desyatiletii XXI v. [The Russian-Indian scientific and technological cooperation in the first decade of the 21st century]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 24. No. 4. P. 643–654. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-643-654
- Mikhaylenko A.N. (2023). Strategicheskoe partnerstvo i soyuznichestvo v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Strategic partnership and alliance in international relations]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kultura*. Vol. 9. No. 183. P. 9–21.
- Mikhaylov A.S. (2023). Razvitiye rossiysko-indiyskikh nauchnykh svyazey v XXI veke [The development of Russia-India scientific relations in the XXI century]. In: A. A. Mikhailova (ed.) *Problems of the border region. New trajectories of international cooperation*. Kaliningrad: IKBFU. P. 41–49.
- Mikhaylov A.S., Hvalev D.V., Singh P., Singh V.K. (2020). Potentsial rossiysko-indiyskogo nauchnogo sotrudnichestva (na primere regionov Zapadnogo porubezh'ya Rossii) [Potential of Russian-Indian scientific cooperation (the case of western border regions of Russia)]. *Herald of IKBFU. Humanities and social sciences*. No. 3. P. 103–117.
- Naumov A.O., Andreeva N.V. (2023). Ob itogakh round table «Myagkaya sila» Rossii i Indii: obshchee i osobennoe [The results of the round table «soft power of Russia and India: commonalities and differences»]. *Discourse-P*. Vol. 20. No 2. P. 127–141. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_127.
- Ponomarev N.M., Ivanova N.I. (2024). Nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossiyskoy Federatsii i Kitaya [Scientific and Technological Cooperation between Russia and China]. *Russian Foreign Economic Journal*. No. 5. P. 86–92. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-5-86-92
- Raynkhardt R.O. (2019a). Nauka o diplomatii, dlya diplomatii, v diplomatii [Science about diplomacy, for diplomacy, in diplomacy]. *Observer*. No. 5 (352). P. 58–72.
- Raynkhardt R.O. (2019b). Razvitiye teorii ekonomicheskoy diplomatii v Rossii v 2000–2018 gg.: naukometricheskii i institutsional'nyy analiz [Development of Theory of Economic Diplomacy in Russia in 2000–2018: Scientometric and Institutional Analysis]. *Nauchnyi dialog*. No. 2. P. 283–295. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-283-295
- Raynkhardt R.O. (2020). Evolyutsiya kontseptual'nykh osnov rossiyskoy nauchnoy diplomatii 1996–2016 godov [Evolution of the Conceptual Foundations of Russian Scientific Diplomacy 1996–2016]. *Nauchnyi dialog*. No. 3. P. 385–401. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-385-401.

- Raynkhardt, R.O., Panov A.N. (2022). «Diplomatiya dlya nauki» v interpretatsii rossiyskikh nauchnykh i diplomaticheskikh rabotnikov [Interpretations of «Diplomacy for Science» by Russian Scholars and Diplomats]. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 115–129. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.09
- Reinhardt R.O. (2021). Russian Science Diplomacy at a Crossroads // *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 14. No. 2. P. 92–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106.
- Romanova M.D. (2017). Nauchnaya diplomatiya: izmereniya i praktiki [Science Diplomacy: Dimensions and Practices]. *Science Governance and Scientometrics*. Vol. 12. No. 1. P. 38–52.
- Ruffini P.B. (2020). Conceptualizing Science Diplomacy in the Practitioner-Driven Literature: A Critical Review. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 7. No. 1. P. 1–9. DOI: 10.1057/s41599-020-00609-5
- Shkunov V.N., Radchenko L.R. (2014). Razvitie rossiysko-indiyskikh nauchnykh prosvetitel'skikh i obrazovatel'nykh svyazey na rubezhe XIX-XX vv. [The development of Russian-Indian scientific and educational relations at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 16. № 3-2. P. 409–413.
- Shugurov M.V., Pechatnova Yu.V. (2024). Problemy i perspektivy nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii i Indii v sovremennykh usloviyakh: mezhdunarodno-pravovoe izmerenie [Problems and prospects of scientific and technological cooperation between Russia and India in modern conditions: international legal dimension]. *International Law*. No. 3. P. 52–95. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.3.72085.
- Sonnenwald D.H. (2007). Scientific Collaboration. *Annual Review of Information Science And Technology*. No. 41. P. 643–681. DOI: 10.1002/aris.2007.1440410121
- Suleymanov I.T. (2025). Aktualizatsiya strategicheskikh instrumentov nauchnoy diplomatii v Rossiyskoy Federatsii v seredine 20-kh gg. XXI veka [Updating the strategic instruments of science diplomacy in the Russian Federation in the mid-20s of the 21st century]. *Social and humanitarian knowledge*. No. 6. P. 315–322. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-6-315-322
- Torkunov A.V. (2018). Osnovnoy doklad na plenarnom zasedanii Nauchnaya diplomatiya kak format mezhdunarodnogo vzaimodeystviya [Main report at the plenary session Scientific diplomacy as a format of international cooperation]. *Russian Foundation for Basic Research Journal*. No. 2(98). P. 32–37.
- Vasilyeva I.N. (2019). Nauchnaya diplomatiya kak raznovidnost' publichnoy diplomatii v ramkakh vneshney politiki RF [Science Diplomacy as a Form of Public Diplomacy in the Government Foreign Policy of Russian Federation]. *Nauka. Innovacii. Obrazovanie*. Vol. 14. No. 1. P. 70–101. DOI: 10.33873/1996-9953.2019.14-1.70-101
- Zadumkin K.A., Terebova P.V. (2009). Mezhdunarodnoe nauchno-tehnicheskoe sotrudnichestvo: sushchnost', soderzhanie i formy [International Scientific and Technical Cooperation: Essence, Content and Forms]. *Problems of territory's development*. No. 1. P. 22–30.
- Zhang Ju. (2024). Nauchnaya diplomatiya KNR kak instrument vneshney politiki [Science diplomacy of China as a tool of foreign policy]. *Vestnik moskovskogo universiteta*. Seria 13: Vostokovedenie. Vol. 68.No. 2. P. 113–121. DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-2-10.
- Zinnatullin D.A. (2024). Nauchnaya diplomatiya Indii v Arktike [India's science diplomacy in the Arctic]. *The authority*. Vol. 32. No. 6. P. 323–327. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-6-323-327
- Zolotarev D.V., Belov F.D., Vasilyeva I.N., Malakhov V.A., Smirnova A.V. (2019). Monitoring vzaimodeystviya rossiyskikh nauchnykh i obrazovatel'nykh organizatsiy s zarubezhnymi uchenymi [Monitoring of Interaction of Russian Scientific and Educational Organizations with Foreign Scientists]. *Science Governance and Scientometrics*. Vol. 14. No. 2. P. 292–330. DOI: 10.33873/2686-6706.2019.14-2.292-330

ИНДЕКС РЕГУЛЯТОРНОГО РАССТОЯНИЯ НЕТАРИФНЫХ МЕР *ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДЛЯ ЕАЭС*

СЕРГЕЙ НИКИТИН

Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева, Москва, Россия

Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия

Резюме

Объективный запрос на инструменты оценки выгод и издержек интеграционных процессов, прежде всего со стороны руководящих органов интеграционных объединений, вызвал к жизни появление большого количества систем мониторинга и оценки интеграции. Собственные системы оценки разрабатываются практически во всех интеграционных группировках. При этом до сих пор в мировой практике нет общепринятых показателей и универсальной системы оценки интеграции. Перспективным направлением становится подход к оценке региональной экономической интеграции, где ключевым показателем является состояние нетарифных мер (НТМ). Данные о НТМ содержат информацию о важных процессах в международных экономических отношениях. Развитие технологий обработки больших данных привело к появлению новых инструментов анализа. Несколько лет назад Межучрежденческой группой поддержки (МГП) для оценки интеграции был предложен новый аналитический инструмент – индекс, измеряющий расхождение в нормативно-правовой базе нетарифных мер между странами-участницами интеграционных группировок на основе расчёта стандартизированного количества комбинаций НТМ по типам товаров, которые одинаково применяются любыми двумя странами, получивший название «индекс регуляторного расстояния». Он отражает интенсивность и качество применения нетарифных мер, которые давно превратились в основную форму регулирования внешней торговли, даёт возможность для сопоставления данных в международном контексте и предоставляет готовый инструмент для оперативного управления интеграцией. Хотя математический аппарат индекса известен уже несколько лет, его практическое применение стало возможным после внедрения алгоритмов интеллектуального анализа данных в системе международных экономических организаций. В исследовании автор делится разработкой методики расчёта параметров базовой матрицы парных индексов регуляторного расстояния для стран ЕАЭС, использующую данные международных организаций. В статье впервые в российской экономической литературе предлагается расчёт матрицы индекса для ЕАЭС по методологии МГП.

Ключевые слова:

региональная экономическая интеграция; нетарифные меры регулирования; индекс регуляторного расстояния; интеллектуальный анализ данных; база данных TRAINS ЮНКТАД; Гармонизированная система кодирования и описания товаров; Евразийский экономический союз

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2025

Дата принятия к публикации: 08.12.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: nikitin-serg@mail.ru

Введение

Неравномерность развития интеграционных процессов последних десятилетий в различных регионах мира, экономических группировках, отраслях и странах формирует запрос на поиск инструментов их оценки. Со стороны правительственных органов и руководящих структур интеграционных объединений возникает потребность оценивать выгоды и издержки, определять общее направление интеграции, анализировать успехи и неудачи интеграционных усилий, а также текущие процессы взаимодействия между странами на экономическом, политическом и социальном уровнях.

Ответом со стороны научного сообщества стала разработка систем мониторинга и оценки региональных интеграционных процессов. Собственные системы мониторинга разрабатываются практически во всех интеграционных группировках. Однако количественная и качественная оценка экономической интеграции по-прежнему остаётся сложной задачей из-за отсутствия чётких и общепризнанных критериев и показателей деятельности региональных интеграционных структур, а также из-за сложностей количественного выражения качественных характеристик интеграционной динамики. До сих пор в мировой практике нет общепринятых показателей и универсальной системы оценки интеграционных процессов, которую можно было бы взять за основу для использования в рамках любой интеграционной группировки. Подавляющее большинство исследований, посвящённых выгодам и издержкам участия в региональных объединениях для экономик разного масштаба, опираются на упрощённые методы. В их основе лежат количественно измеримые показатели деятельности интеграционных структур, такие как количество принятых

нормативных актов, международных соглашений или уведомлений о мерах нетарифного регулирования. В тех случаях, когда анализ всё же включает категориальные переменные — например тип институциональной структуры объединения, уровень политической интеграции, характер распределения полномочий между наднациональными и национальными органами или степень открытости внутреннего рынка, — их оценка, как правило, сводится к бинарной шкале по принципу «хорошо/плохо».

Между тем в ведущих международных экономических организациях всё более распространённым становится подход, при котором оценка региональной интеграции основывается на анализе состояния нетарифных мер (НТМ)¹. К нетарифным мерам вновь приковано внимание мировых экономических и финансовых институтов. Согласно оценке Международного валютного фонда (МВФ), НТМ, которые ранее считались главным препятствием для международной экономической интеграции, в современной обстановке сокращения объёмов мировой торговли и замедления интеграционных процессов превращаются в ключевой «канал геоэкономической фрагментации»².

Анализ данных о НТМ в контексте оценки процессов интеграции стал новым направлением исследований ряда ведущих международных экономических организаций. Так, Всемирный банк объявил о новой инициативе по исследованию взаимосвязей международной торговли и интеграции с акцентом на роли НТМ с целью «получить новые знания о том, как можно использовать международную интеграцию для содействия развитию в этих сложных условиях...чтобы в полной мере воспользоваться её преимуществами»³.

¹ Why non-tariff measures matter for sustainable development // UNESCAP. 2019. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/APTIR2019_Chapter1.pdf (accessed: 25.05.2025).

² Георгиева К. Противостояние фрагментации в наиболее важных вопросах торговли, долга и мер в области климата // Бюл. МВФ. 20.01.2023. URL: <https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2023/01/16/Confronting-fragmentation-where-it-matters-most-trade-debt-and-climate-action> (дата обращения: 25.05.2025).

³ About the Trade and International Integration Research Program // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/research/brief/trade-and-international-integration> (accessed: 25.05.2025).

Данные о нетарифных мерах несут в себе информацию о важнейших процессах в международных экономических отношениях, для извлечения которой разрабатываются новые инструменты интеллектуального анализа данных. Так, данные о различиях или совпадениях в нормативно-правовой базе регулирования нетарифных мер между странами-участниками можно использовать для анализа экономической интеграции в рамках любого интеграционного объединения. Несколько лет назад учёные из Межучережденческой группы поддержки (МГП)⁴ предложили индекс, измеряющий такое расхождение на основе расчёта стандартизированного количества комбинаций НТМ по типам товаров, которые одинаково применяются любыми двумя странами⁵. Индекс, получивший название «индекса регуляторного расстояния нормативно-правового режима нетарифных мер» (*regulatory distance of non-tariff measures regimes*), использует Международную классификацию нетарифных мер Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)⁶ для измерения регуляторного расстояния режимов нетарифных мер на основе расчёта количества комбинаций НТМ по субпозициям товаров в товарной номенклатуре Гармонизированной системы кодирования и описания товаров (ГС)⁷, которые одинаково применяются любыми двумя странами.

Индекс основывается на ранее хорошо изученных направлениях влияния НТМ

на ограничение торговых потоков. Такие меры, прежде всего санитарно-фитосанитарные (СФС) и технические барьеры в торговле (ТБТ), используются как инструменты для защиты здоровья населения, обеспечения безопасности и охраны окружающей среды [Deardorff, Stern 1998; Disdier et al. 2015]. Однако они также увеличивают производственные и торговые издержки. Важным компонентом таких затрат является значительное расхождение нормативных требований в разных странах. Растущие издержки производителей на процедуры оценки соответствия на внешних рынках существенно ограничивают развитие интеграции. При этом «глубина» обязательств по НТМ в региональных соглашениях, особенно в отношении СФС и ТБТ, зависит от нескольких факторов. Одним из них является относительный уровень доходов в странах-участницах соглашений, поскольку согласование и взаимное признание результатов оценки соответствия, как правило, легче для стран с одинаковыми уровнями развития [Kee et al. 2009; Kee, Nicita 2024]. Другим фактором является степень институционализированности интеграции в рамках объединения. Интеграционные группировки на уровне таможенных союзов и общих рынков выходят за рамки обязательств Всемирной торговой организации (ВТО) легче, чем группировки на уровне соглашений о свободной торговле. Третий, тесно связанный с предыдущими, фактор – это исходная степень схожести

⁴ В МГП входят Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Международный валютный фонд, Международный торговый центр, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ЮНКТАД, Организация Объединённых Наций по промышленному развитию, Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО). В российской экономической литературе для обозначения МГП часто используют аббревиатуру MAST (MACT), от английского Multi-Agency Support Team.

⁵ Cadot D., Asprilla A., Gourdon J., Knebel C., Peters R. (2015). Deep Regional Integration and Non-Tariff Measures: A Methodology for Data Analysis. Policy Issues in International Trade and Commodities. Research Study No. 69. Geneva: United Nations. 30 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/itcddb71_en.pdf (accessed: 25.05.2025).

⁶ Международная классификация нетарифных мер. Издание 2019 года. Женева: ЮНКТАД, 2019. 94 с. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctab2019d5_ru.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

⁷ Harmonized Commodity Description and Coding System 2022. Brussels: World Customs Organization, 2022. URL: <https://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/hs-nomenclature-2022-edition/hs-nomenclature-2022-edition.aspx> (accessed: 25.05.2025).

регуляторных подходов. Гармонизация и сближение норм проходят значительно легче, если законодательные положения стран были схожи ещё до вступления в интеграционное объединение⁸. С институциональной и правовой точек зрения, проблема различной «строгости» нетарифных мер чаще всего решается путём включения в интеграционные соглашения специальных положений. Эти положения закрепляют сотрудничество, взаимное признание и гармонизацию в сфере технического регулирования [Inui et al. 2021]. Однако процесс выявления и устранения такого рода барьеров на пути интеграции крайне затратен, трудоёмок и нередко вызывает конфликты. При этом полная автоматизация данного процесса также представляется трудновыполнимой задачей. Применение индекса регуляторного расстояния сильно упрощает задачу сглаживания противоречий во взаимном применении нормативов технического регулирования [Knebel, Peters 2019]. Первая часть индекса позволяет точно, вплоть до уровня отдельных товарных позиций в номенклатуре, выявлять проблемные с точки зрения интеграции товары, вторая часть – количественно измеряет расхождения в нормативном регулировании. Развитие технологий обработки больших данных и естественного языка (*natural language processing*) позволяет выполнять весь анализ в автоматическом режиме.

Отдельные компоненты индекса, такие как регуляторное расстояние или сравнительный анализ категорий нетарифных мер, уже нашли широкое практическое применение. Однако новизна подхода заключается в соединении ранее известных элементов в цельный инструмент и его применении к исследованию процессов интеграции. Соединение измерения количественных и качественных показателей

интеграции в одном инструменте и преобразование качественных показателей в числовые позволяют, помимо прочего, легко визуализировать изменения в интеграционных процессах.

В ЕАЭС не ведётся учёт нетарифных мер в понимании ЮНКТАД как «мер политики, которые не относятся к обычному таможенному тарифу и которые могут оказывать экономическое воздействие на международную торговлю товарами, вызывая изменения либо в объёме торговли, либо в уровне цен, либо в том, и в другом. Это определение является широким, и поэтому для лучшего выявления различных форм нетарифных мер и проведения между ними различий необходима их подробная классификация»⁹. Соответственно, не ведётся статистики применения НТМ, тем более в разрезе товарной номенклатуры.

В составе Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) действует структурное подразделение – Департамент функционирования внутренних рынков, – формирующее единый реестр препятствий в рамках общей интегрированной информационной системы Союза, включающий в себя различные области регулирования, которые в п. 3 Приложения № 1 к договору о ЕАЭС сформулированы достаточно широко: таможенно-тарифное и нетарифное регулирование; техническое регулирование; статистика внешней и взаимной торговли; санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры; макроэкономическая политика; финансовые рынки и так далее¹⁰. Всего в ведении ЕЭК находится 20 сфер экономической интеграции. С учётом специфики евразийской экономической интеграции, Департаментом функционирования внутренних рынков определены значения терминов «изъятия», «ограничения», «барьеры». Евразийской экономической комиссией при участии

⁸ Cadot O., Ing L. Non-tariff Measures and Harmonisation: Issues for the RCEP. Working Papers // Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA). 2015. URL: <https://www.eria.org/research/non-tariff-measures-and-harmonisation-issues-for-the-rcep> (accessed: 25.05.2025).

⁹ Международная классификация нетарифных мер. Издание 2019 года.

¹⁰ Договор о ЕАЭС // ЕАЭС. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcn5vjrjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

государств-членов ЕАЭС с целью систематизации препятствий и разработки мер по их устранению издаётся «Белая книга» — аналитический доклад, который содержит два ключевых подхода к устранению препятствий: 1) в отношении изъятий и ограничений: «дорожные карты» с перечнем мероприятий и сроками их реализации; 2) в отношении барьеров: безотлагательное устранение путём межгосударственного взаимодействия.

В настоящем исследовании интеграция рассматривается как объясняемая переменная, представляющая собой диапазон возможных состояний институционального и регуляторного сближения государств. Интеграция понимается не как совокупность отдельных мероприятий, а как динамическая трансформация параметров торгового режима, выражающаяся в степени согласованности нормативных требований, устранении регуляторных расхождений и снижении транзакционных издержек. Нетарифные меры выступают в этом подходе ключевым эмпирическим индикатором, поскольку степень совпадения или расхождения режимов НТМ позволяет операционализировать глубину интеграционного процесса, от минимального уровня совместимости до фактической регуляторной конвергенции. Индекс регуляторного расстояния формализует данный диапазон и позволяет измерять относительную удалённость стран в нормативном пространстве НТМ, тем самым выявляя параметры, определяющие продвижение по интеграционной траектории. Такой подход задаёт интеграции статус количественно оцениваемой динамической величины и позволяет аналитически определить, какие изменения в структуре регулирования обеспечивают переход к более высоким уровням интеграционного взаимодействия.

Апробация индекса регуляторного расстояния на материалах нескольких интеграционных группировок (включая *ECOWAS*¹¹ и *MERCOSUR*¹²) подтвердила, что его точность и сопоставимость полученных результатов полностью определяются двумя факторами: качеством исходных данных и сложностью аналитической обработки данных. Более того, было установлено, что адекватный расчёт индекса для этих объединений невозможен без привлечения алгоритмов больших данных и методов обработки естественного языка.

Расчёт индекса регуляторного расстояния для стран ЕАЭС «напрямую», то есть на основе данных ЕЭК, невозможен, поскольку в правовой и статистической практике Союза отсутствует категория «нетарифные меры» в принятом ЮНКТАД значении. Вместо неё используются более общие рубрики — «изъятия», «ограничения», «барьеры», — которые не обеспечены сопоставимой по степени детализации классификацией. В этих условиях для построения индекса возможны два подхода: (1) экстраполяция указанных рубрик на международную таксономию НТМ или (2) использование уже классифицированных нетарифных мер стран ЕАЭС, фиксируемые, в частности, в ВТО и агрегируемые в базах данных ЮНКТАД. В настоящем исследовании применяется второй подход. В статье предлагается авторская методика расчёта индекса регуляторного расстояния, позволяющая обеспечить сопоставимость данных по ЕАЭС с данными из международных источников.

Системы оценки интеграционных процессов в аналитическом дискурсе

В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), по мнению автора, можно выделить две системы мониторинга и оценки интеграционных процессов. Их отличают

¹¹ Regional Integration and Non-Tariff Measures in the Economic Community of West African States (ECOWAS) // UNCTAD. 2018. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctab2018d1_en.pdf (accessed: 25.05.2025).

¹² Non-Tariff Measures in Mercosur: Deepening Regional Integration and Looking Beyond // UNCTAD. 2018. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctab2016d1_en.pdf (accessed: 25.05.2025).

высокий охват и методологическая проработанность.

«Система индикаторов евразийской интеграции Евразийского банка развития (ЕАБР)» получила широкое распространение с 2009 года¹³. Данная система состоит из множества индексов, охватывающих различные аспекты экономической, политической и социальной интеграции. ЕАБР разработал систему экономических показателей, предназначенных для всестороннего анализа региональных торговых соглашений. Соответствующие показатели характеризуют интеграцию рынков товаров, факторов производства, развитие торгового сотрудничества, миграционные процессы, инвестиционное сотрудничество и так далее. Значительное место отводится анализу степени конвергенции экономик с учётом макроэкономических показателей, показателей монетарной, финансовой и фискальной политики. Полученные индексы комплексно отражают степень интенсивности торгово-экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Система измерения торговой интеграции и индексов, используемая с 2020 г. в ежегодном Международном докладе НИУ ВШЭ «Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли», сосредоточена по большей части на аспектах торговой интеграции. В «постоянной» части доклада исследователи предлагают «оригинальную систему интегральных показателей, которая позволяет даже в условиях

ограниченности статистических страновых баз оценить интеграционные процессы в сфере торговли товарами и услугами. Возникающие в имеющихся обстоятельствах при подготовке доклада специфические трудности, связанные с сокращением публикации статистических данных по торговле Российской Федерации и Республики Беларусь начиная с 2022 года, решаются путём использования данных зеркальной статистики (как правило, из международной статистики), а также данных, публикуемых ЮНКТАД (в том числе по российско-белорусской торговле)»¹⁴.

В некоторой степени к системам оценки интеграции в ЕАЭС можно отнести и Методику оценки влияния интеграционных процессов на экономики государств-членов Евразийского экономического союза¹⁵. Методика позволяет количественно оценить вклад взаимной торговли товарами и услугами, а также трудовой миграции в ВВП каждой страны-участницы. Особенность подхода заключается в том, что он учитывает интеграционную составляющую этих потоков, которая формируется благодаря реализованным мерам экономической интеграции. На основе методики произведены расчёты эффектов интеграции на прирост экономического активности в государствах-членах ЕАЭС за 2016, 2020, 2021 и 2022 годы.

Методологической основой систем мониторинга и оценки интеграции является статистический анализ. Общей чертой

¹³ Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР 2009. Алматы, 2009. 160 с. URL: eabr.org/upload/iblock/2b6/SIEI_2009_1.pdf (дата обращения 25.05.2025.); Система индикаторов евразийской интеграции II. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2014. 112 с. URL: https://eabr.org/upload/iblock/410/edb-centre_report-22_siei-ii_rus_1.pdf (дата обращения 25.05.2025.); Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2014. 62 с. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/kolichestvennyy-analiz-ekonomicheskoy-integratsii-es-i-eaes/> (дата обращения 25.05.2025.); Евразийский экономический союз. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с.; Интеграционный барометр ЕАБР. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 111 с.

¹⁴ Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: Международный доклад НИУ ВШЭ / М.К. Глазатова (рук. авт. кол.), Д.Г. Абуова, С.С. Аветисян, Д.Н. Ахвердян и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. С. 14.

¹⁵ Методика оценки влияния интеграционных процессов на экономики государств-членов Евразийского экономического союза: утв. Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 30 ноября 2023 г. № 168. // Евразийская экономическая комиссия: официальный сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F92300418> (дата обращения: 25.05.2025).

применяемых в настоящее время в ЕАЭС систем оценки интеграции является преимущественное использование показателей интенсивности торгово-экономического сотрудничества. Для усиления качественной составляющей анализа предлагается дополнительно использовать объёмные и стоимостные индексы, способные описывать более глубокие проявления интеграционных процессов.

Методология оценки интеграции на основе индекса регуляторного расстояния строится на принципиально иных, по сравнению с текущей практикой ЕАЭС, параметрах — в первую очередь, в части учёта нетарифных мер.

Методологический подход и эмпирическая модель

Хотя математический аппарат индекса регуляторного расстояния был разработан и предложен учёными из МГП ещё в 2015 г. [Disdier et al. 2015], его практическое применение для анализа интеграционных группировок сталкивается с двумя основными ограничениями: традицией использования статистических подходов в оценке интеграционных процессов и необходимостью применения технологий обработки больших данных и стандартов их представления.

Индекс состоит из двух частей. Сначала рассчитывается показатель расстояния по структуре регулирования (*distance in regulatory structure*). Для этого проводится измерение: применяется ли НТМ одного и того же типа в соответствии с номенклатурой ГС двумя разными странами к одному и тому же товару. Предположим, что страна i вводит нетарифную меру В840 («Требования о проведении проверки продукции в импортирующей стране») в отношении товара HS 840731 («Двигатели с возвратно-поступательным движением поршня с рабочим объёмом до 50 см³, используемые для приведения в движение транспортных средств группы 87»¹⁶). Если страна j также налагает меру В840 на товар HS 840731, для

данной комбинации «нетарифная мера-товар» страны i и j имеют схожую структуру регулирования, а n_{ilk} — номинальная бинарная переменная, которая означает «расстояние по структуре нормативно-правового регулирования», принимает значение 0. Если страна j не применяет меру В840 к рассматриваемому товару, либо не применяет никаких НТМ к данному товару, либо применяет, например, меру В810 («Требования о регистрации и одобрении продукции»), переменные i и j «различны» для этой пары товаров, а номинальная бинарная переменная нормативно-правового расстояния принимает значение 1.

$$n_{ilk} = \begin{cases} 1 & \text{если страна } i \text{ применяет НТМ } l \\ & \text{к товару } k \\ 0 & l \text{ или } k \text{ не совпадают} \end{cases},$$

где i — индекс страны, k — индекс товара по коду товарной субпозиции (HS6 — 6 знаков согласно товарной номенклатуре ГС), l — вид нетарифной меры (в данном случае применяется таксономия Международной классификаций нетарифных мер ЮНКТАД), n_{ilk} — номинальная бинарная (дихотомическая) переменная, которая может принимать только два значения (0 или 1), обозначающая применение НТМ типа l страной i к товару k .

Тогда расстояние нормативно-правового регулирования по структуре применяемых нетарифных мер (RD) на уровне комбинаций «нетарифная мера-товар» вычисляется как:

$$RD_{ik} = |n_{ilk} - n_{jlk}|.$$

На втором шаге модули полученных в первом шаге значений суммируются и делятся на N — общее количество наблюдений (количество комбинаций «нетарифная мера-товар»). Полученное значение создателя показателя называют общим показателем расхождения (*overall measure of dissimilarity*). Расстояние нормативно-правового регулирования по структуре применяемых

¹⁶ Согласно Товарной номенклатуре ГС.

нетарифных мер между странами i и j , обозначенное D_{ij} , рассчитывается как:

$$D_{ij} = \frac{1}{N} \sum_k \sum_l |n_{ilk} - n_{jlk}|.$$

Поскольку знаменателем формулы является общее число комбинаций «нетарифных мер-товаров», само по себе расстояние находится между 0 и 1. В представленной ниже выборке оно колеблется от 0,047273 в торговле между Россией и Казахстаном до 0,236407 – между Россией и КНР.

В этой связи расчёт индекса регуляторного расстояния для ЕАЭС невозможен на основе данных ЕЭК и представляет собой непростую задачу. Для проведения вычислений в отношении ЕАЭС потребуются соединить данные ЮНКТАД по нетарифным мерам в разрезе товарной номенклатуры из базы *TRAINS* с данными по внешней торговле из базы данных *World Integrated Trade Solution (WITS)* Всемирного банка¹⁷. Основную сложность при этом представляют этапы работы с данными, предшествующие непосредственной их обработке. При сборе, очистке и предобработки данных необходимо придерживаться правил, уже установленных или рекомендованных ЮНКТАД, в частности для квалификации нетарифных мер и методов сбора информации о НТМ, а также уже принятых в системе ООН методов работы с данными¹⁸. В этом случае можно добиться сопоставимости данных. Способ требует большого вычислительного ресурса.

Для исследователей, которые не располагают сравнимыми с подразделениями ООН вычислительными возможностями, можно воспользоваться тем, что четыре из пяти стран ЕАЭС являются участниками Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), представляющую собой одну из пяти региональных комиссий Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС).

Они передают ей статистические данные по установленным стандартам для системы ООН. Это позволяет существенно уменьшить объём необходимого ресурса для работы с данными, соблюдая рекомендованные ЮНКТАД правила.

Департамент торговли и инвестиций ЭСКАТО располагает множеством наборов данных, которые уже прошли предобработку данных для анализа в подразделениях ЭКОСОС. Добавление данных по Белоруссии и изменение кода для целей расчёта индекса регуляторного расстояния для ЕАЭС потребует в этом случае намного меньше затрат времени и вычислительных ресурсов.

Применяемая методика включает в себя несколько шагов: в качестве базы вычисляются значения индекса регуляторного расстояния для стран ЕАЭС и некоторого числа торговых партнёров из Азиатско-Тихоокеанского региона на основе базы данных ЭСКАТО; данные для стран ЕАЭС, являющихся участниками ЭСКАТО, передаются без изменений; для получения данных по Белоруссии автор вносит изменения в алгоритм обработки выборки данных на языке R, не затрагивающие непосредственный метод расчёта индекса.

Результаты

Полученные парные индексы регуляторного расстояния государств-членов ЕАЭС и некоторых торговых партнёров в Тихоокеанско-Азиатском отражены в табл. 1.

Из полученной матрицы можно сделать ряд выводов. Самое низкое значение индекса регуляторного расстояния у России составляет 0,047273 в торговле с Казахстаном. Самое высокое значение из представленных – 0,236407 – в торговле между Россией и КНР, что приблизительно в 4 раза выше среднего значения по ЕАЭС.

Визуализировать полученную матрицу значений индекса в трёхмерном простран-

¹⁷ World Integrated Trade Solution // World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org> (accessed: 25.05.2025).

¹⁸ Guidelines to Collect Data on Official Non-Tariff Measures. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctab2023d4_en.pdf (accessed: 25.05.2025).

Таблица 1
Парные индексы регуляторного расстояния государств-членов ЕАЭС и некоторых торговых партнёров в Тихоокеанско-Азиатском

reporter	ARM	AUS	BLR	CHN	IDN	IND	JPN	KAZ	KGZ	KOR	PHL	RUS	THA	TJK	TUR	USA	VNM
ARM	0	0,08841	0,073112	0,21817	0,080773	0,119205	0,072491	0,091596	0,090519	0,140211	0,10109	0,080022	0,061614	0,04761	0,030141	0,09102	0,133401
AUS	0,08841	0	0,099884	0,203354	0,118266	0,119269	0,106362	0,117251	0,112913	0,147996	0,130544	0,106462	0,095042	0,102176	0,096255	0,118288	0,144295
BLR	0,073112	0,099884	0	0,228365	0,109576	0,130675	0,101888	0,051673	0,034142	0,151985	0,125918	0,050943	0,087269	0,085769	0,084355	0,104672	0,143401
CHN	0,21817	0,203354	0,228365	0	0,229846	0,214837	0,228182	0,240564	0,235874	0,244339	0,224319	0,236407	0,220224	0,200972	0,216007	0,225627	0,237828
IDN	0,080773	0,118266	0,109576	0,229846	0	0,145234	0,117513	0,127247	0,123765	0,169464	0,114929	0,119039	0,090105	0,0976	0,083991	0,126211	0,144388
IND	0,119205	0,119269	0,130675	0,214837	0,145234	0	0,131604	0,143801	0,140627	0,157426	0,139736	0,139082	0,119448	0,124665	0,125196	0,137573	0,172718
JPN	0,072491	0,106362	0,101888	0,228182	0,117513	0,131604	0	0,110218	0,110291	0,13714	0,138861	0,108114	0,098563	0,093835	0,081862	0,116051	0,158536
KAZ	0,091596	0,117251	0,051673	0,240564	0,127247	0,143801	0,110218	0	0,054104	0,159967	0,142215	0,047273	0,10436	0,103174	0,101199	0,115502	0,152335
KGZ	0,090519	0,112913	0,034142	0,235874	0,123765	0,140627	0,110291	0,054104	0	0,163597	0,140059	0,059298	0,102865	0,099692	0,098453	0,113346	0,150554
KOR	0,140211	0,147996	0,151985	0,244339	0,169464	0,157426	0,13714	0,159967	0,163597	0	0,179088	0,159085	0,150433	0,158698	0,146782	0,148424	0,192155
PHL	0,10109	0,130544	0,125918	0,224319	0,114929	0,139736	0,138861	0,142215	0,140059	0,179088	0	0,138414	0,097472	0,112721	0,106457	0,142947	0,141134
RUS	0,080022	0,106462	0,050943	0,236407	0,119039	0,139082	0,108114	0,047273	0,059298	0,159085	0,138414	0	0,09436	0,093378	0,089839	0,1123	0,157215
THA	0,061614	0,095042	0,087269	0,220224	0,090105	0,119448	0,098563	0,10436	0,102865	0,150433	0,097472	0,09436	0	0,082168	0,075077	0,104703	0,13179
TJK	0,04761	0,102176	0,085769	0,200972	0,0976	0,124665	0,093835	0,103174	0,099692	0,158698	0,112721	0,093378	0,082168	0	0,056862	0,109122	0,141666
TUR	0,030141	0,096255	0,084355	0,216007	0,083991	0,125196	0,081862	0,101199	0,098453	0,146782	0,106457	0,089839	0,075077	0,056862	0	0,097966	0,141117
USA	0,09102	0,118288	0,104672	0,225627	0,126211	0,137573	0,116051	0,115502	0,113346	0,148424	0,142947	0,1123	0,104703	0,109122	0,097966	0	0,159509
VNM	0,133401	0,144295	0,143401	0,237828	0,144388	0,172718	0,158536	0,152335	0,150554	0,192155	0,141134	0,157215	0,13179	0,141666	0,141117	0,159509	0

Источник: рассчитано автором по данным Экономической и социальной комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). Данные по Белоруссии сгруппированы из данных Всемирного банка и ЮНКТАД

стве можно с помощью многомерного шкалирования.

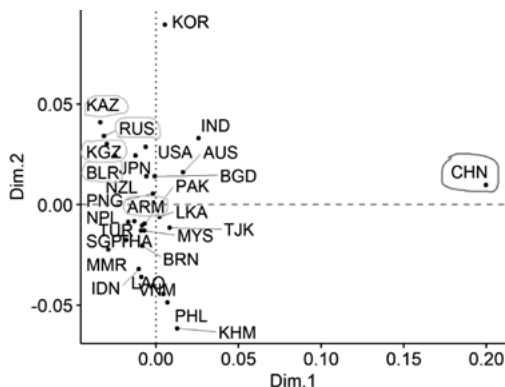
На Рис.1 видно, насколько близки друг к другу страны ЕАЭС в соответствии со значениями индекса регуляторного расстояния. Такие графики могут показать, какие страны являются участниками одного регионального торгового соглашения.

Обсуждение результатов

Предложенный индекс регуляторного расстояния обладает многими преимуществами, что позволяет использовать его в качестве основы универсальной системы оценки не только интеграции, но и торговой и таможенной политики, а также степени достижения целей устойчивого развития [Disdier et al. 2015]. По своей структуре, используемым данным и методам индекс регуляторного расстояния выделяется своей эффективной операциональностью. Концептуальная структура, используемые в индексе параметры и индикаторы достаточно просты для понимания. Индекс отражает интенсивность и качество применения нетарифных мер, которые давно превратились в основную форму регулирования внешней торговли, и даёт возможность сопоставлять данные в международном контексте. Информация, на основе которой он рассчитывается, легко доступна и недорога для любой интеграционной группировки.

В настоящий момент данный индекс является единственным показателем, позволяющим учитывать разницу в силе воздействия отдельных НТМ на ограничение торговых потоков по позициям, субпозициям и подсубпозициям товаров по ГС. Главной сложностью при включении НТМ в системы мониторинга процессов интеграции можно считать различную «строгость» нетарифных мер, что особенно актуально для санитарных и фитосанитарных мер, а также технических барьеров в торговле. Как отмечают исследователи, «часто одна мера по силе воздействия и ограничения торговых потоков может стоить пяти мер в отношении той же категории товаров, принятых другими участниками торговых

Рисунок 1
Пространство парных индексов регуляторного расстояния стран-членов ЕАЭС и некоторых торговых партнёров

Источник: рассчитано автором методом многомерного шкалирования по данным Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО)

соглашений» [Disdier et al. 2015: 2]. Само по себе наличие большого количества мер регулирования не означает их однозначно ограничительного влияния на торговлю. Для определения степени данного влияния необходима количественная оценка НТМ с использованием различных методов и подходов. Нетарифные меры не равнозначны между собой, и устранение одной значимой меры может иметь более серьёзные последствия, чем устранение нескольких. Поэтому после расстояния по структуре регулирования рассматривается расхождение по нормативно-правовой жёсткости режима нетарифных мер (*distance in regulatory stringency*), применяемых к одному и тому же товару в разных странах. В частности, анализируются различия в правилах маркировки или уровнях предельно допустимых концентраций остатков химических веществ. Первый показатель можно рассчитать непосредственно на основе данных о НТМ ЮНКТАД (*TRAINS*). Второй требует анализа полного текста нормативов и правил, которые также можно найти в базе данных *TRAINS*.

Можно с уверенностью предположить, что Статистическая комиссия ООН в бли-

жайшее время утвердит новый индикатор в качестве стандарта оценки интеграции. Это ожидание связано как с соответствием индикатора ключевым принципам Стратегии Генерального секретаря ООН в области данных¹⁹, где особое значение придается сопоставимости и согласованности данных, так и с его уже широким применением в подразделениях ЭКОСОС. Такой шаг позволит обеспечить согласованность, надёжность и сопоставимость данных для всех органов ООН и государств-членов, что особенно важно для продвижения Повестки дня до 2030 года и достижения Целей устойчивого развития. Поэтому индекс предлагается МГП в качестве инструмента оценки региональной интеграции для органов стран-участниц интеграционных группировок, принимающих политические решения.

Выводы

В ЕАЭС в настоящее время отсутствует опыт применения инструментов оценки интеграции на основе нетарифных мер. Учитывая очевидную эффективность индекса регуляторного расстояния, методика его расчёта для стран ЕАЭС на основе международно-сопоставимых данных может найти применение в аналитической работе руководящих органов ЕАЭС для быстрой оценки процесса торговой интеграции и выявления тормозящих интеграцию отраслей, товарных групп и отдельных товарных позиций. Кроме того, индекс может использоваться для оценки текущего состояния интеграции, выявления проблемных товаров, отраслей и стран-участниц региональных соглашений. С его помощью можно определить, способствуют ли принимаемые меры в рамках торговых соглашений интеграции или же, напротив,

тормозят её, определять эффективность применения НТМ в сравнении с мерами тарифного регулирования. В России уже существуют предложения по мерам в области технических барьеров в торговле (группа нетарифных мер В), в том числе для обоснования соглашений о взаимном признании результатов оценки соответствия [Аронов и др. 2025].

Предлагаемый подход учитывает не только разницу в количестве НТМ, применяемых участниками интеграционных соглашений, но и качественные параметры отдельных нетарифных мер и всей совокупности торгового режима. Использовать инструмент можно параллельно или в дополнение к действующему в ЕАЭС механизму преодоления препятствий в торговой интеграции. Процесс сбора и систематизации данных о существующих препятствиях на рынке Союза и, что важно, об их «глубине» можно проводить в автоматическом режиме. При этом не требуется отказываться ни от собственной Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС на барьеры, изъятия и ограничения и признания барьеров устранёнными²⁰, ни от утверждённого Распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Порядка формирования и ведения электронного реестра барьеров, изъятий и ограничений²¹, что может существенно повысить эффективность работы по выявлению и преодолению препятствий в торговле на рынке Союза. Введение в анализ показателей нетарифных мер может также дополнить принятую ЕЭК Методику оценки влияния интеграционных процессов на экономики государств-членов Евразийского экономического союза.

¹⁹ Data Strategy of the Secretary General for Action by Everyone, Everywhere: With Insight, Impact and Integrity. 15.05.2020. URL: https://www.un.org/en/content/datastrategy/images/pdf/UN_SG_Data-Strategy-one-pager.pdf (accessed: 25.05.2025).

²⁰ Методология разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения: утв. решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 ноября 2017 г. № 152 // Евразийская экономическая комиссия: официальный сайт. URL: <https://docs.eaeunion.org/en/documents/379/5639/> (дата обращения: 12.05.2025).

²¹ Распоряжение Совета ЕЭК от 18.10.2016 № 29 // Евразийская экономическая комиссия: официальный сайт. URL: docs.eaeunion.org/en/documents/307/2792/ (дата обращения: 12.05.2025).

Расчёт подобного показателя может содействовать большему сближению нормативных требований, а также служить для определения отраслей и стран-участниц региональных торговых соглашений, отстающих или, наоборот, передовых с точки зрения темпов интеграционных процессов.

Данный подход отличается гибкостью, поскольку уровень расчёта показателя

можно варьировать, агрегируя по уровням от страны и отрасли к группе товаров или отдельному товару, группе нетарифных мер или отдельной мере. Он даёт возможность выполнять сравнения между двумя или более странами, или группами стран в составе региональных торговых соглашений, а также сравнить отдельные региональные группы друг с другом.

Список литературы

- Аронов И.З., Рыбакова А.М., Захарова А.Н. Соглашения о взаимном признании результатов оценки соответствия: современная практика // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 5. С. 7–18. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-5-7-18
- Евразийский экономический союз / под ред. Е.Ю. Винокурова. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с.
- Disdier A., Fontagné L., Cadot O. North-South Standards Harmonization and International Trade // The World Bank Economic Review. 2015. Vol. 29. № 2. P. 327–352.
- Deardorff V., Stern R. Measurement of Nontariff Barriers. Michigan: University of Michigan Press, 1998. 138 p.
- Kee L., Nicita A., Olarreaga M. Estimating Trade Restrictiveness Indices // The Economic Journal. 2009. Vol. 119. № 534. P. 172–199.
- Kee L., Nicita A. Quantifying economic impacts of trade agreements with heterogeneous trade elasticities // Review of International Economics. 2024. Vol. 32. № 3. P. 1270–1299.
- Inui T., Ikeuchi K., Obashi A., Yang Q. The impact of regulatory distance from global standards on a country's centrality in global value chains // International Economics. 2021. № 166. P. 95–115.
- Knebel C., Peters R. Non-tariff measures and the impact of regulatory convergence in ASEAN // Non-Tariff Measures in ASEAN / ed. by L. Ing, O. Cadot, R. Peters. Jakarta: Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 2019. 254 p.
- Kaoru N., Ayako O. Impact of Regulatory Burdens on International Trade // Journal of the Japanese and International Economies. 2021. Vol. 59.

REGULATORY DISTANCE INDEX FOR NON-TARIFF MEASURES PRELIMINARY ASSESSMENT FOR THE EAEU

SERGEY NIKITIN

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Moscow, 127550, Russia
Moscow University of Psychology and Social Sciences, Moscow, 115191, Russia

Abstract

The growing demand from governing bodies of integration blocs for tools to assess the benefits and costs of integration has stimulated the development of monitoring and evaluation systems. Almost all integration groupings design their own assessment frameworks, yet no universally accepted indicator set or standard for measuring integration has emerged. A promising avenue is to evaluate regional economic integration

through the state of non-tariff measures (NTMs). Building on advances in big data processing, the Inter-Agency Support Group (IASG) has proposed an index of “regulatory distance” that measures divergence in NTM regimes between member states. The index is based on the standardized count of NTM combinations by product that are applied identically by any pair of countries. It captures both the intensity and quality of NTM application, enabling international comparison and providing a tool for the operational management of integration. Its reproducibility and comparability depend on the standardization of data handling at all stages of NTM processing, as codified in the UN Secretary-General’s Data Strategy. In the Eurasian Economic Union (EAEU), however, this approach is not yet applied. Owing to the specific treatment of NTMs in the EAEU, available data are not directly comparable with UN and WTO databases, and require costly reformatting before use in regulatory distance calculations. As a result, the regulatory distance index for the EAEU remains underexplored. This article develops a methodology for calculating a matrix of regulatory distance indices for EAEU member states using international data and presents the first such calculation in Russian economic literature.

Keywords:

regional economic integration assessment; non-tariff measures; regulatory distance index; data mining; UNCTAD TRAINS database; Harmonized Commodity Description and Coding System; Eurasian Economic Union

References

- Aronov I.Z., Ryabakova A.M., Zakharova A.N. (2025). Soglasheniya o vzaimnom priznanii rezul'tatov ocenki sootvetstviya: sovremennaya praktika [Agreements on Mutual Recognition of Compliance Assessment Results: Current Practice]. *Rossiyskiy vneshnee-ekonomicheskiy vestnik*. No. 5. P. 7–18. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-5-7-18
- Disdier A., Fontagné L., Cadot O. (2015). North-South Standards Harmonization and International Trade. *The World Bank Economic Review*. Vol. 29. No. 2. P. 327–352.
- Deardorff V., Stern R. (1998). *Measurement of Nontariff Barriers*. Michigan: University of Michigan Press. 138 p.
- Inui T., Ikeuchi K., Obashi A., Yang Q. (2021). The impact of regulatory distance from global standards on a country’s centrality in global value chains. *International Economics*. No. 166. P. 95–115.
- Kaoru N., Ayako O. (2021). Impact of Regulatory Burdens on International Trade. *Journal of the Japanese and International Economies*. 2021. Vol. 59.
- Kee L., Nicita A., Olarreaga M. (2009). Estimating Trade Restrictiveness Indices. *The Economic Journal*. Vol. 119. No. 534. P. 172–199.
- Kee L., Nicita A. (2024). Quantifying economic impacts of trade agreements with heterogeneous trade elasticities. *Review of International Economics*. Vol. 32. No. 3. P. 1270–1299.
- Knebel C., Peters R. (2019). Non-tariff measures and the impact of regulatory convergence in ASEAN. In: Ing L., Cadot O., Peters R. (Eds). *Regional Integration and Non-Tariff Measures in ASEAN*. Jakarta: Economic Research Institute for ASEAN and East Asia. 254 p.
- Vinokurov E.Y. (Ed.) (2017). *Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz* [The Eurasian Economic Union]. St. Petersburg: Centre for Integration Studies of the Eurasian Development Bank. 296 p.

Наши авторы

- Бартенев Владимир Игоревич** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований НИУ ВШЭ
- Дериглазова Лариса Валериевна** – доктор исторических наук, профессор, профессор Кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета
- Глазунова Елена Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент Кафедры региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова
- Стригунов Константин Сергеевич** – кандидат политических наук, независимый исследователь
- Михайлов Андрей Сергеевич** – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН
- Михайлова Анна Алексеевна** – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта
- Хаткевич Александра Анатольевна** – младший научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН
- Хвалей Дмитрий Витальевич** – младший научный сотрудник Лаборатории географии инноваций Балтийского федерального университета им. И. Канта
- Никитин Сергей Иванович** – кандидат экономических наук, доцент, доцент Кафедры экономики и цифровых технологий Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии (РГАУ-МСХА) им. К.А.Тимирязева

Our authors

Dr Vladimir I. Bartenev – Lead Research Fellow, Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University

Prof. Dr Larisa V. Deriglazova – Professor, Department of World Politics, National Research Tomsk State University

Dr Elena N. Glazunova – Associate Professor, Department of Regional Problems of World Politics, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University

Dr Konstantin S. Strigunov – Independent Researcher

Dr Andrei S. Mikhailov – Senior Research Fellow, Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences

Dr Anna A. Mikhailova – Senior Research Fellow, Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University

Ms Alexandra A. Khatkevich – Junior Research Fellow, Center for Development and Modernization Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)

Mr Dmitry V. Khvalei – Junior Research Fellow, Laboratory of the Geography of Innovation, Immanuel Kant Baltic Federal University

Dr Sergey I. Nikitin – Associate Professor, Department of Economics and Digital Technologies, Russian State Agrarian University – Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU–MTAA)

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американско-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американско-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том двадцать второй. 2024	No 1	<i>К юбилею академика А.В. Торкунова</i> Национальные культуры стратегического взаимодействия
Том двадцать второй. 2024	No 1	Сила убеждения
	No 2	Старые игры – новые правила
	No 3-4	Грани конфликта и точки взаимодействия
Том двадцать первый. 2023	No 1	Неотвратимость конфликта
	No 2	Эклектика теории vs. диалетики жизни
	No 3	Амбиции и прагматика
	No 4	Старые мотивы – на новый лад
Том двадцатый. 2022	No 1	Конструирование институтов и институализация конструктов
	No 2	Согласование смыслов
	No 3	Нормативность фактического
	No 4	Производство согласия
Том девятнадцатый. 2021	No 1	Внешнеполитические ресурсы и образы действия
	No 2	Глобальные вызовы и национальные приоритеты
	No 3	Укрощение среды
	No 4	Цифровые опасности
Том восемнадцатый. 2020	No 1	Национальные задачи и международный опыт
	No 2	Нормы и конструкты в поведении государств
	No 3	Сценарии соперничества и издержки конфликта
	No 4	Дилеммы мультилатерализма в мировой политике
Том семнадцатый. 2019	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. <i>К столетию дисциплины</i>
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию ASEAN
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности

Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования
Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности
Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в миросистемной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контурсы мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-
дн**ых русскоязычных конструкций и идиом.

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo i sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).